

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 14 АПРЕЛЬ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (2699)

1 АПРЕЛЯ 1979

Л. И. БРЕЖНЕВ:

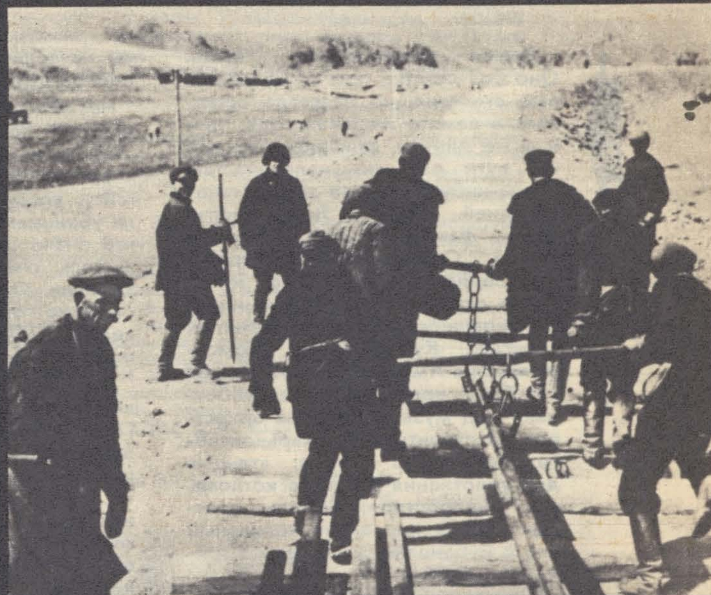
Каждая из наших пятилеток — это важная веха в истории Родины. Каждая из них по-своему примечательна, несет на себе неповторимые черты своего времени, и каждая навсегда запечатлена в памяти народа. В то же время они неотделимы друг от друга. Это замечательные главы одной великой книги, повествующей о героическом труде нашего народа во имя социализма и коммунизма.

ПЕРЕ

ОТ ПЕРВОЙ ДО ДЕСЯТОЙ...

Турксиб. 1930 год. Так производилась тогда выемка скальных пород.

Турксиб. 1930 год. Ручная укладка рельсов.

Фото М. Альперта

БАМ. 1978 год. Мощные современные рельсоукладчики прокладывают стальную магистраль.

Фото Дм. Бальтерманца

КЛИЧКА ЭПОХ

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства с официальным визитом 21 марта в Москву прибыл Премьер-Министр Таиланда генерал Криангсак Чаманан.

21 марта в Кремле начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Премьер-Министром Королевства Таиланд К. Чамананом.

Во время переговоров, проходивших в атмосфере откровенности и взаимопонимания, состоялся конструктивный обмен мнениями по вопросам советско-таиландских отношений.

При обмене мнениями по международным вопросам основное внимание было уделено актуальным проблемам современности, в том числе упрочению мира и международной безопасности, ликвидации очагов напряженности и предотвращению угрозы войны, обеспечению мира, стабильности и безопасности в Юго-Восточной Азии.

22 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР

ПЕРЕКЛИЧКА ЭПОХ

С. ВЛАСОВ

Время — удивительная вещь. Оно без остатка проглатывает целые столетия, но навсегда оставляет в памяти людской годы, дни и даже минуты, явившиеся вехами на пути развития человечества. Когда-нибудь и наша эпоха станет историей, канут в Лету многие имена, факты, события. Но есть в жизни Советского государства свершения, которые были и навечно останутся символами нового мира, новой жизни. Магнитка, Турксиб, Кузнецкстрой, Комсомольск-на-Амуре... Потрясающее это было время! Ночные субботники под музыку военных оркестров на строительстве Харьковского тракторного завода; «танцы» для уплотнения бетона в котлованах Днепростроя; выезды красных обозов на ранний колхозный сев с бубенцами и лентами в гривах лошадей.

Пятилетка! Это упругое, как пружина, слово было тогда на языке нашего народа, жившего одной целью: строить, возводить, украшать — Созидать. Люди работали с невиданным доселе энтузиазмом — шли на стройку, на завод, на шахту, как на праздник. Радовались каждой сотне тонн стали, каждому новому станку, каждому проложенному километру новой дороги. Наизусть знали задания пятилетки по добыче угля, выплавке металла, производству тракторов. Миллионы людей начинали свой день изучением сводок с фронта трудовых побед.

Все это вновь и вновь вспоминается ныне, в дни, когда народ наш отмечает славную дату — пятидесятилетие первого пятилетнего плана. Вновь оглядываемся мы на величие свершенного — от первой до десятой...

Незабываемые годы первой пятилетки! По первому зову партии люди бросали городские квартиры и ехали обживать непроходимую тайгу, ковыльные степи. Они были убеждены, что это необходимо, что иначе быть не может. Да, им жилось очень трудно, но они не хныкали. Они работали! Работали страстно, отрешенно. Так было и весной 1927 года, когда над страной прогремело: Турксиб!

Это была первая большая стройка первой в истории пятилетки. Почти полторы тысячи километров железнодорожного полотна должны были лечь через горные хребты, безводные пустыни. Но главная трудность состояла в нашей технико-экономической отсталости. Техники не было почти никакой. Как о большом достижении сообщалось, что за первые шесть месяцев 1927 года в Бухтарминском районе заготовлено более десяти тысяч ручек для лопат, около трех тысяч носилок: лопаты и носилки — вот главные орудия, которыми создавался Турксиб. Землекоп, грабарь, разносчик шпал — вот какие там были основные профессии.

Но люди шли от станции Луговой и от Семипалатинска навстречу друг другу. Шли в сорокаградусную стужу и в адскую жару. Ветры и пыльные бури валили их с ног, они держались за вагоны, чтобы не падать. И проходили по два, по три, по четыре километра в день!

Но им мешали. Банды уголовников, бывших белогвардейцев, колчаковцев нападали на рабочих, засыпали колодцы по пути изыскателей, разрушали поставленные вдоль трассы пикеты. Скрытые недруги вели вражескую агитацию, разжигали национальную рознь. Кулаки говорили русским рабочим, что Турксиб строится, чтобы отобрать земли у русских и передать ее казахам, баи сбивали с толку казахов и твердили, что Турксиб нужен России, чтобы отдать казахские земли русским крестьянам.

Как радовались враги нашим трудностям, ошибкам, несчастьям! В марте и апреле 1928 года в Семипалатинской и Джетысуйской губерниях выдался небывалый паводок. Целые участки уже построенной дороги длиной в несколько десятков километров были залиты водой, полотно оказалось размытым. Огромная работа пошла насмарку. Пострадало и население окрестных аулов и сел. Несколько недель турксибовцы доставляли в район бедствия одежду, продовольствие, увозили детей. Машинисты зачастую водили поезда по почти затопленным путям. Это была необычайно трудная, героическая работа.

Вот что рассказывает о ней один из участников строительства: «Едешь не едешь, а прямо-таки... плывешь. И не знаешь, когда паровоз твой смоет — сейчас или чуть позже. Тут уж гляди в оба, нервы натянуты, как струны, каждую минуту, при первом намеке на опасность готов остановить машину. И ездили, перебоев в доставке нужных материалов не было».

Зимой 1928/29 года основным объектом строительства стал Чокпарский перевал. Работали при лютом морозе с сильными ветрами и страшными буранами. В низинах снега наметало выше человеческого роста. Приходилось строить и одновременно убирать снег. Бывало, по шесть-семь суток люди безвылазно находились на путях.

Каждого рядового участника этого грандиозного строительства можно назвать героем. Но они не думали о своем подвиге. Они просто работали, для себя и для потомков. И еще они верили в завтрашний светлый день. И они победили. 25 апреля 1930 года, на семнадцать месяцев раньше срока, Турксиб был построен. В Кремль полетела телеграмма: «Сегодня в 7 часов 6 минут по московскому времени рельсы Юга сомкнулись с рельсами Севера на 640-м километре от станции Луговая. Путь для сквозного движения по Турксибу открыт».

Ровно сорок четыре года спустя из Кремлевского Дворца съездов на строительство Байкало-Амурской магистрали отправился многотысячный отряд комсомольцев. Они ехали на битву с непроходимыми лесами, болотными топями, гнусом, стужей и вечной мерзлотой. Они ехали строить дорогу и строить новую жизнь. Для них начинался новый отсчет времени. Они сверяли его по курантам на Спасской башне, как когда-то сверяли свои часы строители Турксиба.

Две эти магистрали — родные сестры. И когда говорят: БАМ — продолжение Турксиба, не считайте это образным выражением или преувеличением. Если сесть в поезд на станции Луговая, то через Семипалатинск, Барнаул, Абакан, Тайшет можно добраться до нулевого километра БАМа. И начали строиться обе дороги в одной и той же пятилетке — в первой. Полвека назад в суровой, необ-

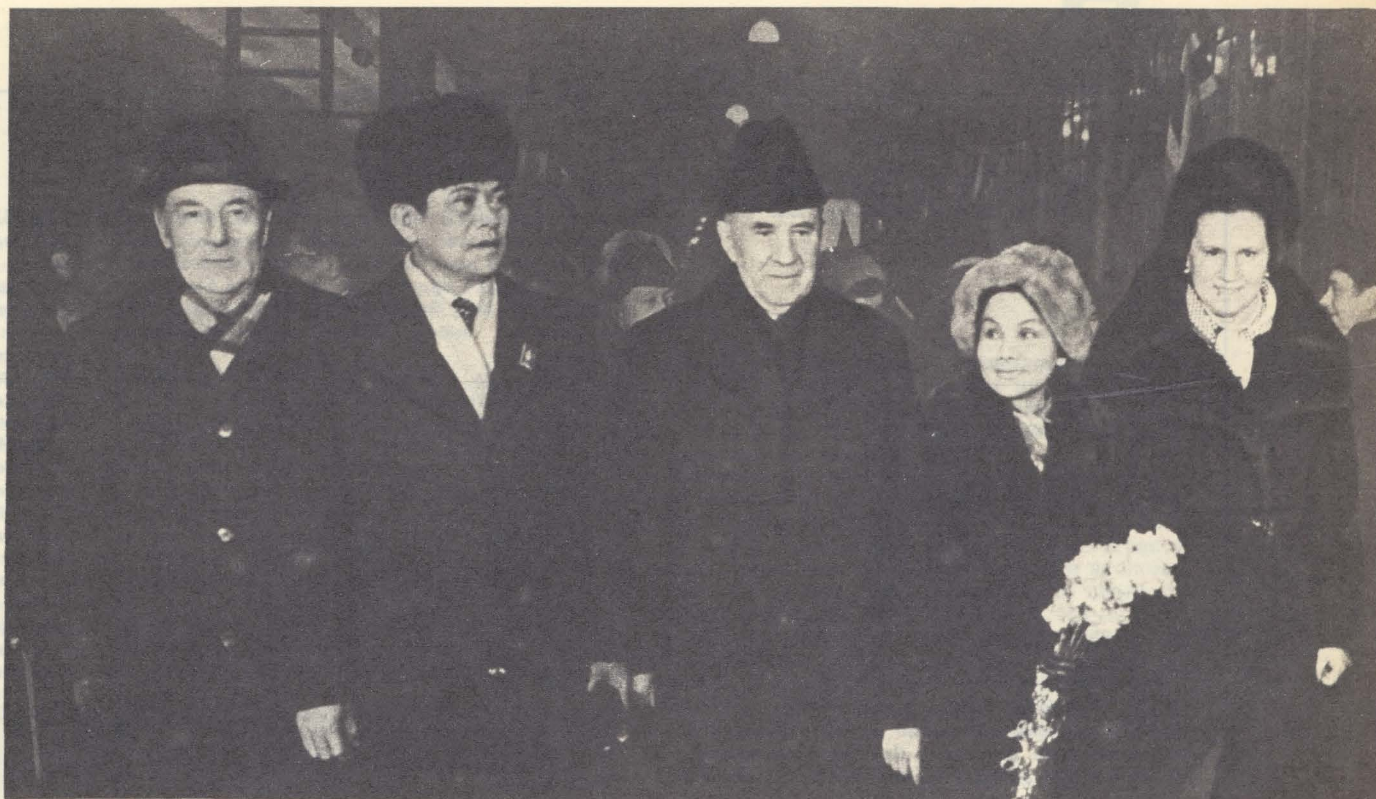
Л. И. Брежнев принял в Кремле Премьер-Министра Королевства Таиланд генерала Криангсака Чаманана.

Во время беседы, проходившей в дружественной обстановке, были обсуждены состояние советско-таиландских отношений и перспективы их развития. С обеих сторон было выражено стремление к расширению и укреплению советско-таиландского сотрудничества по многим направлениям, что послужит интересам народов Советского Союза и Таиланда, делу мира на азиатском континенте.

При рассмотрении международных проблем особое внимание было уделено последним событиям в Юго-Восточной Азии. Л. И. Брежнев заявил, что Советский Союз с пониманием относится к усилиям народов этого района, направленным на упрочение их суверенитета и безопасности.

На беседе присутствовал референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

24 марта Премьер-Министр Таиланда генерал К. Чаманан отбыл в поездку по стране.

Проводы на вокзале. Фото А. Гостева

житой Сибири люди ворочали глыбы, оставляя на обледенелой поверхности кожу своих пальцев, не знавших рукавиц, валили лес, утопая в снегах, возили тачками землю на полотно. Так же, как и строителям Турксиба, им много пришлось пережить, выстрадать. Но их героическими усилиями трасса была изучена, местами построена. Но только местами, на большее тогда в стране не хватало сил.

Как когда-то Турксиб, так сегодня БАМ — крупнейшая стройка на планете. Вряд ли стоит говорить о той поистине могучей технике, что пришла на трассу. Вряд ли стоит называть количество километров пути, число мостов и станций, длину туннелей. Мы знаем эти цифры. Своей грандиозностью, своими масштабами магистраль поражает даже самых бывалых людей, которых, казалось бы, ничем не удивишь. Недаром одна французская газета заявила, что со времен открытия Америки и пропуска первых судов через Суэцкий канал сооружение БАМа — самое выдающееся событие, влияние которого на развитие значительной части территории Земли неисчислимо. Итальянский журналист Карло Бенедетти писал: «Поездка на БАМ была для меня как великая поучительная лекция в области экономики и социологии. И для нас, живущих и работающих в капиталистическом мире, эта магистраль является свидетельством огромных возможностей людей, строящих новое общество. У нас в Италии тоже много строят, но это интересует, как правило, лишь хозяев будущего предприятия. В Советском Союзе БАМ интересует всех».

Да, как когда-то Турксиб, Магнитку, Днепрогэс, так сегодня БАМ строит вся страна. И это великое счастье для народа — иметь одно большое, общее дело, жить одной великой целью.

МОЛОДОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ

В Москве закончилось VII Всесоюзное совещание молодых писателей. Тридцать два творческих семинара объединили 300 молодых прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, переводчиков, собравшихся на литературную учебу, которой руководили известные мастера художественного слова. В течение недели шел принципиальный творческий разбор произведений молодых авторов, многие из которых приехали в Москву с крупнейших строек современности, из братских республик. В их рукописях и книгах слышится мощный, ясный голос нашего времени, рождается образ современника, строителя нового общества.

Руководители творческих семинаров отмечали высокий идейно-творческий уровень прошедшего совещания, стремление молодых писателей разобраться в самых сложных общественных и нравственных проблемах жизни. Конечно, не всегда начинающим авторам это удается. Поэтому на прошедшем совещании шел серьезный критический доброжелательный разговор, цель которого была выявить сильные и слабые стороны каждого произведения, наметить пути развития каждого писательского дарования. Можно сказать, что в эту мартовскую весну в Москве собрались люди, представляющие будущее великой литературы страны победившего социализма. В этой литературе высокое чувство гражданственности, острота раскрытия современной темы должны сочетаться с высокой художественностью ее раскрытия — и об этом шел серьезный разговор с молодыми писателями.

Участники совещания побывали на крупнейших предприятиях столицы и Подмосковья, встречались с передовиками производства, прослушали лекции по актуальным проблемам внешней и внутренней политики КПСС, возложили венки к Мавзолею В. И. Ленина и к могиле Неизвестного солдата.

Гостями VII Всесоюзного совещания молодых писателей были представители писательских организаций социалистических стран.

С приветствиями к участникам совещания обратились М. Шолохов и Л. Леонов.

С огромным воодушевлением было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу.

В работе совещания приняли участие секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро.

К участникам совещания обращается первый секретарь правления СП СССР Г. М. Марков.
Фото И. Гаврилова

ВО ИМЯ МИРА И ДР

Недавно в столице Эфиопии Аддис-Абебе состоялось заседание временного Секретариата и подготовительного комитета по созыву Шестой конференции писателей стран Азии и Африки, которую намечено провести летом нынешнего года в столице Анголы — Луанде. Группа участников этого заседания, прибывших в Москву, побывала в редакции нашего журнала и поделилась своими впечатлениями о проделанной работе, о жизни в революционной Эфиопии. Участники встречи также поделились с огоньковцами своими творческими планами.

Во встрече принял участие известный палестинский поэт Муин Бсису, со стихами которого читатели могли познакомиться в «Огоньке». Кроме того, в приложении к журналу были изданы два сборника его стихотворений и поэм. Муин Бсису является советником председателя Исполкома Организации освобождения Палестины Ясира Арафата по вопросам культуры.

Шубхаш Мукерджи — известный индийский поэт, заместитель генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Книга его стихотворений также была издана в «Библиотеке «Огонька».

Одним из ветеранов движения солидарности писателей стран Азии и Африки является замечательный пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз, утвержденный на заседании главным редактором печатного органа писателей Азии и Африки журнала «Лотос».

С советской стороны во встрече приняли участие Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, известный узбекский писатель Камиль Яшен и секретарь правления Союза писателей Казахстана поэт Олжас Сулейменов.

МУИН БСИСУ. Последняя встреча афро-азиатских писателей в новой, недавно освободившейся стране, в ее столице Аддис-Абебе, имеет большое значение для всех участников нашего движения. Эта встреча построила мосты дружбы, сотрудничества и мира.

Наши друзья и товарищи, эфиопские писатели, показали хороший пример гостеприимства, дружбы, взаимной заинтересованности людей различных национальностей. Мы встречались с ними на многочисленных заседаниях и форумах, где обсуждались политические и организационные вопросы. В Национальном театре Аддис-Абебы мы посвятили все свои выступления поэзии. Древний лев — символ правящей власти,— который пожирал Эфиопию раньше, стал много спокойней. Мы увидели этого льва на фронтоне нашего отеля. Он встречал нас радушно у входа. Это был уже прекрасный лев, дружественно улыбавшийся нам. Вот что значит новая, освобожденная Эфиопия.

Главное, что я вынес из этой последней встречи, то, что все товарищи, сидящие сейчас здесь, за этим столом — Камиль Яшен, Олжас Сулейменов, Фаиз Ахмад Фаиз, Шубхаш Мукерджи, и те товарищи, которые теперь не в Москве, все мы работали словно члены одной дружной семьи. Нам не требовалось поднимать наши руки при голосовании, мы были едины. А это, в общем-то, задача литературы — способствовать тому, чтобы люди научились понимать друг друга.

ШУБХАШ МУКЕРДЖИ. Я не очень хороший оратор, и я никогда не могу найти сразу нужных слов по-английски: мой родной язык бенгальский. Я участвую в нашем движении в течение последних двадцати лет. С 1970 года я имел возможность участвовать во всех заседаниях от имени моей родной Индии. Наше движение укрепляется все время и становится все шире. Но я не думаю, что наши проблемы стали проще. Я хочу здесь вам сказать об одном. Перед каждым заседанием бюро или секретариата мы высказываем очень много различных точек зрения. Но я всегда бываю уверенным, что мы придем к соглашению.

ВОПРОС. Нам было бы интересно, если бы каждый рассказал, над чем он работал и работает сейчас.

ШУБХАШ МУКЕРДЖИ. За последние три года я написал роман, сборник рассказов, издал новые сборники поэм и стихов. Одна поэма посвящена Назыму Хикмету, другая — Пабло Неруде. Кроме этого, выпущена одна книжка для детей, две книжки очерков — о Калькутте и Каире. Я также перевел довольно большое количество стихов, написал несколько критических статей и книгу-репортаж о Западной Бенгалии.

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ. Идея создания нашей организации возникла в 1956 году в Дели. История нашей организации схожа со всей историей антиимпериалистической борьбы. Мы шаг за шагом шли по тем ступенькам, по которым шло всеобщее движение борьбы против империализма. Вы знаете, каждая встреча нашей организации начиная с 1956 года была насыщена драматизмом. Все начиналось с простых вещей, а после наступали периоды осложнений и даже кризисов. Начинались переговоры, выяснения, но в конечном итоге все приходило к положительному результату. Что касается встречи в Аддис-Абебе, это была, пожалуй, одна из встреч, где у нас не было противоречивых проблем. Деловая часть встречи была закончена в течение одного дня. Я заметил, что пребывание в Эфиопии помогло нам разобраться и в других вопросах. Многие думали, что Эфиопия — темная, отсталая, мрачная страна. Но мы увидели красивую страну и прекрасных людей. И еще мы увидели огромный энтузиазм, царящий в стране после революции. В общем, все были очень довольны и счастливы.

Справа налево: Муин Бсису, Шубхаш Мукерджи, Фаиз Ахмад Фаиз, Камиль Яшен, Олжас Сулейменов.

Фото А. Гостева

В течение последнего года я написал шесть книг, которые были почти одновременно опубликованы в Индии и Пакистане. Последние книги вышли три месяца тому назад. Немного раньше было выпущено собрание стихов, книга впечатлений о Советском Союзе должна выйти буквально на днях. По просьбе «Огонька» я готовлю сборник стихов, куда будут включены старые и новые произведения. Кроме этого, буду переводить с персидского — наш великий поэт Икбал писал на персидском. Готовлю и передачи для радио.

КАМИЛЬ ЯШЕН. Фаиз Ахмад Фаиз — это поэт с мировым именем, наш большой друг. Он работал вместе с Назымом Хикметом, Турсун-заде и другими писателями. Многие из них, к сожалению, ушли из жизни.

Афро-азиатскому движению солидарности писателей более 20 лет. Это были годы большой борьбы. Писатели Азии и Африки никогда не были столь сплоченными, как сейчас. Это ярко показала встреча в Эфиопии. Это говорит о жизненности нашего движения.

Но борьба не окончена. Вы знаете, что происходит в Афганистане, Иране и во всем мире. Наши враги империализм, колониализм, расизм не сложили оружия. В один ряд с ними встали и пекинские предатели. Мы должны быть все время на страже.

Вот уже почти 20 лет моя основная тема — героическая. Я пишу о жизни основоположника узбекской советской литературы Хамзы. Весь революционный путь моего народа отражается в жизни этого человека. Я написал о нем пьесу, либретто оперы, сценарий для кинофильма. Сейчас закончил книгу о нем.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ. Я не так давно участвую в движении по сравнению с ветеранами — с 1968 года. Сейчас мы побывали в Эфиопии. И, конечно, каждого из нас интересовало, что же несет здесь социализм людям, какие он дал первые всходы. Встреча с новой Эфиопией, с людьми, полными энтузиазма, нас взволновала. Атмосфера всеобщего подъема, которая царит в стране, была нам близка и понятна. Встреча прошла на высоком уровне. Я не буду подробно рассказывать о заседании в Аддис-Абебе — о нем уже говорилось. Скажу только, что достойным его завершением стал вечер интернациональной поэзии, в котором мы все участвовали.

Я думаю, что от лица советских писателей могу заверить наших соратников по борьбе, что каждый из нас делал, делает и будет делать все для того, чтобы показывать героическую борьбу азиатских и африканских народов, арабских народов, героического народа Палестины. Наша ассоциация — это школа интернационализма, и в эту школу вливаются все новые и новые участники.

●

Коллектив журнала «Огонек» от всей души поблагодарил гостей, которые поделились впечатлениями о поездке в Эфиопию.

Встречу вели первый заместитель председателя постоянного бюро по связям с писателями Азии и Африки Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов и редактор международного отдела «Огонька» Ю. П. Попов.

УЖБЫ

НАШ ВЗГЛЯД

ОПАСНЫЙ СГОВОР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Павел ДЕМЧЕНКО

В понедельник, 26 марта, в Белом доме — резиденции американского президента — царило особое оживление. Там собралось более тысячи приглашенных, включая всех членов конгресса США. Из-за океана прилетели президент Египта А. Садат и премьер-министр Израиля М. Бегин, чтобы подписать «мирный договор», составленный под сильным американским нажимом.

А в то самое время, когда в Вашингтоне завершались последние приготовления к этому акту, на улицах многих арабских городов, на оккупированной Израилем территории тысячи демонстрантов клеймили израильско-египетский договор как сепаратную сделку, как предательство интересов арабских народов. Ирак и Сирия направили приглашения министрам иностранных дел, финансов и экономики арабских государств провести срочное совещание и решить вопрос о введении экономических и политических санкций против Египта в связи с тем, что он, подписав договор с Израилем, вышел фактически из фронта арабской солидарности и нарушил обязательства, взятые в рамках Лиги арабских стран.

Чем же объяснить такую реакцию арабов? Ведь, по словам представителя американского правительства, подписанный договор кладет конец трем десятилетиям вражды на Ближнем Востоке, которая привела к четырем войнам и бесчисленному числу стычек.

Да, это верно: с момента создания государства Израиль в 1948 году отгремели четыре арабо-израильские войны, и каждый раз Израиль расширял свою территорию, «прихватывая» у арабов все новые и новые земли. Как прямое следствие израильской агрессии возникла палестинская проблема: народ, насчитывающий сейчас около 3,5 миллиона человек, лишился права создать собственное государство. В 1967 году израильские войска захватили наиболее обширные участки арабской территории: помимо Синайского полуострова у Египта и Голанских высот у Сирии, Западный берег реки Иордан и сектор Газы, где проживает около миллиона палестинских арабов. Пополнились лагеря палестинских беженцев в Иордании, Ливане, Сирии, там сейчас в общей сложности находится более полутора миллионов палестинцев. (Кроме того, около полумиллиона палестинских арабов живет в самом Израиле, а другие рассеялись по разным странам.)

Судьба народа-изгнанника превратилась в ключевую проблему ближневосточного урегулирования. По мнению Советского Союза, такое урегулирование должно включать вывод израильских войск со всех земель, захваченных в 1967 году, предоставление палестинцам права создать свое государство и обеспечение безопасности и возможности жить в условиях мира и спокойствия всем странам и народам Ближнего Востока.

Исторически сложилось так, что арабы совместно выступали за ликвидацию последствий израильской агрессии в ООН и на других форумах, но в конце 1977 года президент Египта А. Садат, расколов общеарабский фронт, совершил поездку в Израиль. Сначала под патронатом, а затем и под сильным давлением США начались египетско-израильские переговоры. Однако вскоре они забуксовали, словно машина, застрявшая в зыбучих песках пустыни. В сентябре прошлого года президент США Дж. Картер решил взять дело в свои руки. В загородной резиденции в Кэмп-Дэвиде он провел серию совещаний с президентом А. Садатом и премьер-министром М. Бегином. В результате этой встречи появились так называемые «рамки мира», на основе которых Египет и Израиль обязались в течение трех месяцев подписать между собой сепаратный договор.

Но переговоры снова забуксовали, так как готовившаяся сделка была отвергнута арабскими народами, прогрессивной общественностью многих стран, натолкнулась на оппозицию внутри самого Египта. И вот тут-то американский президент во второй раз решил бросить на весы весь свой политический авторитет, чтобы привести Египет и Израиль к соглашению. В начале марта Дж. Картер пустился в рискованную поездку на Ближний Восток и в течение недели «уламывал» А. Садата и М. Бегина принять американский «компромиссный план».

Неожиданная поездка американского президента была предпринята, по мнению зарубежных журналистов, под явным влиянием событий в Иране, где в результате революционных перемен рухнули американские позиции. Империализм потерпел одно из самых крупных поражений в районе, очень важном со стратегической точки зрения и к тому же чрезвычайно богатом нефтью. Договор между Египтом и Израилем приобрел для Вашингтона еще большее, чем прежде, значение, так как открывал возможность возложить на эти две страны ту полицейскую роль в районе Персидского залива и Аравийского полуострова, которую выполнял до недавнего времени шахский Иран. Не случайно подписание договора обусловлено крупными военными поставками как Израилю, так и Египту.

Знакомство с текстом договора показывает, что выигрывает от него Израиль. В обмен на возврат Египту Синайского полуострова он, по существу, закрепляет захват других районов Арабского Востока, включая сирийские Голанские высоты. Палестинцы лишаются права на создание своего государства, крупнейшая арабская страна поворачивается спиной к интересам и борьбе своих собратьев во имя союза с США, договор обеспечивает получение из-за океана оружия, продовольствия, кредитов.

Вот почему так протестуют в эти дни в Дамаске и Багдаде, Триполи и Бейруте против сепаратного сговора, заключенного под американским нажимом. Вот почему сильна оппозиция договору и в самом Египте, где лидер Национально-прогрессивной (левой) партии Халед Мохи эд-Дин заявил: «Мы отвергли «мирную инициативу» Садата, мы отвергли «рамки мира», согласованные в Кэмп-Дэвиде, и мы, естественно, отвергаем договор между Египтом и Израилем». Египет, по его словам, платит «огромную цену» за фальшивый мир, который таит семена новых взрывов.

Народы Ближнего Востока истосковались по мирной жизни. Ясно, что борьба за справедливое урегулирование в этой части земли не прекратится.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

ПРАЗДНИК ТРУДА И ВЕСНЫ

МОСКВА

1

Стучат сотни швейных машин, в глазах рябит от разнообразия разложенных на столах тканей. Каждый день три тысячи пальто поступают из цехов на склады готовой продукции. А оттуда — в магазины. Если умножить эти три тысячи пальто на число дней в году, получится больше миллиона. А «Салют» как швейное предприятие, под разными, правда, названиями, существует скоро уже шестьдесят пять лет...

— Значит, все женщины нашей страны носили или носят пальто «Салюта»,— утверждает инженер Зинаида Николаевна Пчелинцева, заместитель секретаря парткома объединения.

Мы идем по цехам, наблюдая, как куски тканей, перебираясь со стола на стол, превращаются в изящные женские пальто. Солнце светит в окна. Капель стучит в карнизы.

— Хорошо бы, и в день субботника солнце светило,— говорит Зинаида Николаевна,— веселее бы работалось...

До 21 апреля времени достаточно, однако подготовка началась давно. Она — не только в плакатах и лозунгах, которыми в эти дни щедро украшены цеха.

— В этом году мы создали специальную комиссию, которая занимается субботником,— рассказала Зинаида Николаевна.— В нее вошли представители всех «этажей» предприятия, как говорится «сверху донизу». Комиссия решает сейчас практические вопросы: как организовать питание участников субботника, наладить работу радиоузла, чтобы каждый час оповещать о том, как идет соревнование между цехами, бригадами, отдельными работницами. Победителей будем поощрять. В субботнике примет участие и «старая гвардия», наши пенсионерки, которые по тридцать лет на предприятии отработали,— Валентина Прокофьевна Филиппова, Анастасия Семеновна Лазарева. Грозятся молодых обогнать... А работать будем так: график у нас двухсменный, поэтому одна смена придет на субботник 14 апреля, а другая — 21-го. Начнем в шесть сорок пять, закончим часам к трем...

Обогнать молодых работниц — а их на предприятии большинство — будет, конечно, не так просто. К началу этого года двести пятьдесят одна из них выполнила нормы четырех лет пятилетки, семьдесят завершили свою пятилетку, а девять уже работают в счет следующей, одиннадцатой пятилетки. Для многих, как, например, для девятнадцатилетней Веры Бариновой — недавней выпускницы 98-го швейного ПТУ, предстоящий субботник будет первым в их трудовой жизни...

— Я работаю на предприятии двадцать шесть лет,— говорит Зинаида Николаевна,— простой работницей начинала... Но всякий раз волнуюсь перед субботником... Волнуюсь и жду его. Знаю, что все вовремя придут, что нормы в полтора-два раза будут перевыполнены, и все равно волнуюсь... Ведь субботник — наш трудовой праздник, а перед праздником всегда волнуешься...

Ю. КОЗЛОВ

На снимке: эти девушки с московского швейного объединения «Салют» выйдут 21 апреля на Всесоюзный коммунистический субботник.

Фото А. Бочинина.

1

МОРСКИЕ ОГОРОДЫ

ПРИМОРЬЕ

Добыча морской капусты, наверное, самый традиционный промысел Приморья. Ламинария годна в пищу и свежая и консервированная. Применяется ламинария, а точнее, альгинат натрия, содержащийся в ней, в пищевой, медицинской, текстильной и многих других отраслях промышленности.

Ну, а если земную капусту сажают в огородах, то почему бы не попробовать поступить так же с морской?

В 1972 году в одной из бухт, прилегающих к рыбокомбинату «Валентин», было установлено экспериментальное поле площадью в один гектар. Так появился первый в нашей стране морской огород. Что же представляет собою это необычное капустное поле? Участок моря, защищенный от штормовых накатов береговым мыском. Глубина огорода 10—20 метров. По углам — тяжелые якоря. От них к поверхности моря идет укрепленный специальными оттяжками каркас. Все это сооружение напоминает разлинованный листок ученической тетради. К каждой горизонтальной «линейке» подвешено множество поводцов — в целом на гектар около двух тысяч штук. По этим поводцам и поднимаются ленты ламинарии.

Прошло три-четыре года, и культивирование морской капусты уже поставлено в промышленном масштабе. С одного гектара морской огород в рыбокомбинате "Валентин" вырос до двадцати двух. Заложены огороды ламинарии и в других хозяйствах Приморрыбпрома. Урожайность на них поднялась до 60—70 тонн ламинарии с гектара.

Ученые совместно с производственниками объединения Дальрыба взялись уже за новое дело — организовали первую морскую ферму. В Бухте миноносок создали хозяйство по искусственному разведению морских беспозвоночных.

В Приморье успешно развивается искусственное разведение гребешка, трепанга, устриц.

В. КУЗНЕЦОВ

РУКОТВОРНАЯ РЕКА

УКРАИНА

2

Строительная площадка Всесоюзной ударной комсомольской стройки канала Днепр — Донбасс раскинулась на территории трех крупнейших областей Украины — Днепропетровской, Харьковской и Донецкой. Приняв в свое русло воды Днепра в тридцати километрах выше Днепродзержинска, трасса первой очереди канала Днепр—Донбасс проходит по густонаселенной пойме рек Орели, Орельки, Попельной, Береки и Бритая, пересекает три железных и десятки автомобильных дорог, минует тоннелем водораздел и на 263-м километре своего пути впадает в реку Северский Донец выше города Изюма.

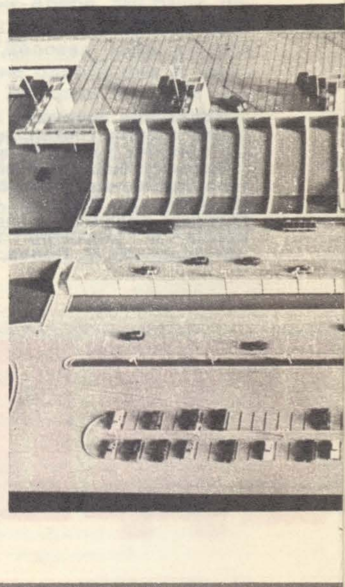
После окончания строительства по каналу первой очереди будет подаваться ежесекундно 120 кубометров воды. Она нужна в первую очередь для развивающейся промышленности Донбасса и Харькова. Водой Днепра будут орошаться земли в Днепропетровской, Харьковской и Донецкой областях.

Днепро-Донбасскую систему строит более тринадцати тысяч человек. Здесь работают сто двенадцать экскаваторов, около двухсот бульдозеров, сотни автомашин.

Вода с помощью двенадцати насосных станций поднимется на высоту шестидесяти шести метров, над каналом будут возведены многочисленные мосты. Одновременно с этой искусственной рекой строятся линии электропередач, благоустроенные поселки. Колхозы и совхозы получат зернохранилища, теплицы, механизированные пункты сушки зерна.

Строительство первой очереди канала близится к концу. Оно должно завершиться в текущей пятилетке.

Б. ПЕКАРСКИЙ,
заместитель главного инженера Днепрканалстроя

На снимке: канал Днепр — Донбасс.

Фото В. Капустина

ЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ ТЕХНОЛОГА

МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

3

Вряд ли на Кольском полуострове можно еще встретить такую квартиру, где бы обитало сразу около пятидесяти различных представителей животного мира Заполярья. Правда, росомаха и глухарь, полярная сова и крохотная оляпка — только чучела, но всмотритесь, как расправил полутораметровые крылья орел-беркут, как он напряжен перед атакой, и вам раскроются повадки и характер этого хищника.

Чтобы создать такую коллекцию, нужно быть не только неутомимым охотником, но и художником, тонко знающим повадки зверей и птиц, великолепным мастером-таксидермистом. Этими качествами овладел техник-технолог горно-металлургического комбината «Печенганикель» Станислав Владимирович Степанов. Охоту он полюбил с детства в богатых дичью калининских лесах, а таксидермию освоил в Заполярье и уже много лет создает свою уникальную коллекцию.

— Самыми частыми гостями у меня бывают учащиеся нашего города,— рассказывает Степанов.

В школах даже планируют посещение музея Степанова, и если он по какой-либо причине не может принять гостей, то оставляет руководителю экскурсии ключи от квартиры.

— Сейчас многие животные и птицы Заполярья занесены в Красную книгу,— поясняет Степанов,— и чтобы иметь о них представление, нужно провести немало времени в тундре. Но не всем под силу такая нагрузка. Вот я и стремлюсь сделать каждый экспонат таким, каким видел его в натуре.

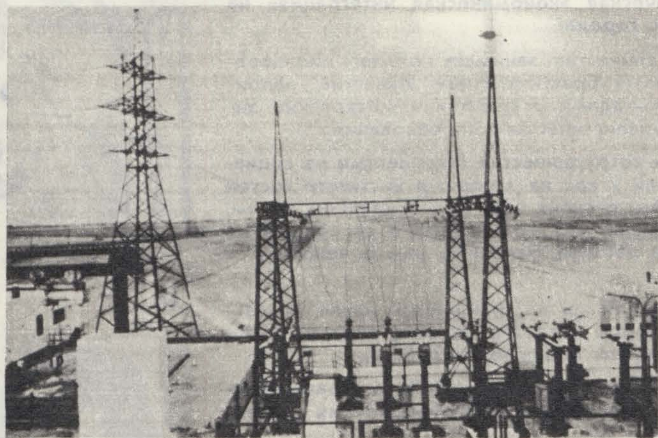
Ну, а коллекции уже стало тесно на улице Космонавтов. Председатель городского Совета народных депутатов Михаил Кузьмич Иванов, рассказывая о музее Степанова, между прочим обмолвился, что уже подбирается более подходящее для этого музея помещение.

К. ЛЕОНОВ
Фото автора

На снимке: С. В. Степанов в своем музее.

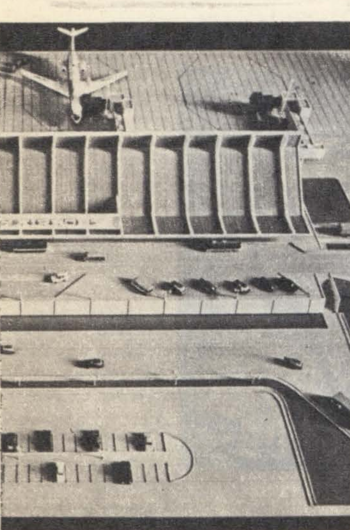

2

3

4

5

4

ВОРОТА В НЕБО

ЭСТОНИЯ

Сквозь окна таллинского аэропорта видно приземистое строение, над которым возвышаются подъемные краны. Уже смонтирован каркас шатрообразной крыши. Если бы не металлические конструкции, можно было бы подумать, что реставраторы возводят средневековую придорожную корчму. Так пока выглядит таллинский аэровокзальный комплекс — один из объектов столицы Эстонии, строящихся к Олимпийской парусной регате.

Почему же взята за основу такая необычная форма? Проектировщики — работники государственного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института ГА «Аэропроект» — выбрали ее не случайно. Аэропорт расположен неподалеку от города, а Таллин — один из самых богатых готикой городов Европы. Нарушить архитектурный стиль нельзя.

При отделке двускатного шатра крыши намечено использовать анодированные под бронзу алюминиевые конструкции. Бронзированный прямоугольник хорошо впишется в силуэт города вместе с голубым эллипсом озера Юлемисте, на берегу которого развернулось строительство.

В оформлении аэровокзала будут применены также камень, солнцезащитное стекло и другие материалы.

В будущем автобус доставит пассажиров по специальной эстакаде прямо на второй этаж, к залу ожидания. Здесь разместятся внутрисоюзный и международный секторы. К услугам приезжих — ресторан, кафе, бар, отделение связи. На первом этаже — служебные помещения.

Чтобы попасть в самолет, не потребуется выходить на перрон. Достаточно пройти по одной из пяти коротких галерей и с помощью телескопических трапов оказаться на борту лайнера. Такой способ удобен особенно при дождливой и ветреной погоде, которая не редкость в Эстонии.

Новый аэровокзальный комплекс станет обслуживать 700 человек в час — в пять раз больше, чем действующий сейчас в Таллине аэропорт.

А. ХАРЧЕНКО

Фото Д. Пранца

5

НА ТРОПЕ ДИНОЗАВРОВ

КАШКАДАРЬЯ

Ташкентские геологи в горах Яккабага близ Карши неожиданно попали... в мезозойскую эру. В десяти километрах от кишлака Ташкурган они обнаружили скалу с постепенно сближающимися цепочками следов двух исполинских ящеров. Можно предположить, что гиганты повздорили, но неясно, чем закончилась их ссора, происшедшая 150 миллионов лет тому назад,— следы теряются на краю пропасти. Неподалеку заметна тропа, которая, очевидно, проложена динозавром. Зверь передвигался на двух лапах, длина окаменевших отпечатков его стопы — полметра, ширина — 45 сантиметров, размах шага — полтора метра.

Как же сохранилась до наших дней загадочная страница далекого прошлого?

Доказано, что в те времена расположение материков было иным: там, где сейчас в Кашкадарье возвышаются горы,— простирался океан. Об этом свидетельствуют обнаруженные под следоносным слоем остатки двустворчатых моллюсков.

Площадка с неизгладимой «записью» — часть прибрежной полосы, которая каким-то чудом осталась неприкосновенной, как будто бы первобытные исполины прошагали по ней только сейчас.

Тот факт, что этот след принадлежит именно динозавру, подтвержден исследованиями слепка и фотографий следа палеобиологом Академии наук Грузинской ССР Л. К. Габуния. Изучив отпечатки фаланг и когтей, общую форму и размер следа, ученый пришел к выводу, что это был птицетазовый ящер. Этот вид древних животных так назван потому, что строение их костей, форма лап напоминают птичьи.

Подобные открытия в Средней Азии делаются не впервые. Еще в 1887 году в Зеравшанских горах (ныне Таджикская ССР) русским исследователем Г. Романовским были описаны следы динозавра, сохранившиеся на угольном месторождении. В дальнейшем научный мир с огорчением узнал, что в этих местах проложена дорога. Казалось, потеря невозместима.

Палеонтологический шедевр в Яккабаге представляет большой научный интерес и в том отношении, что на этот раз динозавры оставили «визитную карточку» в более поздний период истории Земли, через 15 миллионов лет.

По тропе динозавров пройдут ученые-следопыты, возможно, она приведет их к новым открытиям.

В. ПЕТРЕНКО,
В. КУРБАТОВ, кандидат геолого-минералогических наук, председатель регионального межведомственного стратиграфического комитета

На снимке: гигантская «куриная лапа» — след динозавра. У следа заместитель председателя областного общества охраны природы П. Р. Суванов.

Фото В. СОСНИНА

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

Дорогие читатели! «Огонек» приглашает вас принять участие в конкурсе «Товарищ СЭВ». Он посвящается тридцатилетию Совета Экономической Взаимопомощи, которое отмечается в этом году.

Сегодня в СЭВ входят десять социалистических государств Европы, Азии, Америки с населением более 430 миллионов человек. За 30 лет своей деятельности первая в мире международная экономическая организация социалистических стран накопила уникальный опыт сотрудничества, основанного на принципах пролетарского интернационализма.

1

1. Вспомним первые шаги СЭВ. Они совершались в годы, когда СССР и страны народной демократии залечивали раны, нанесенные второй мировой войной. Особую роль в этот период сыграла бескорыстная помощь Советского Союза. Выполняя свой интернациональный долг, наша страна поставляла уголь, продовольствие, машины и оборудование.

Расскажите, как зарождалось сотрудничество между Советским Союзом и братскими странами. Назовите первые договора о дружбе между Советским Союзом и братскими странами. Назовите адреса первых совместных строек у нас в стране и за рубежом. Может быть, вам, членам вашей семьи, друзьям приходилось в них участвовать! Расскажите об этом, пришлите фотографии тех лет.

2. В 1971 году была принята Комплексная программа социалистической экономической интеграции.

Что вы знаете об основных этапах ее осуществления и о перспективах на будущее! Как вы расшифруете слова «социалистическая экономическая интеграция» на примере вашего предприятия, института, стройки, города!

3. Особое место в международном сотрудничестве занимает обмен производственным опытом между рабочими коллективами братских стран. Известно, например, что первый обмен производственными бригадами осуществили московские зиловцы. Это и есть ростки международного социалистического соревнования.

Что вы знаете об этом! Расскажите о своем сотрудничестве с коллегами из социалистических стран. Напишите нам, как принимали у вас на заводе, в институте гостей из братских стран. Расскажите о поездах дружбы, о своих поездках к друзьям, о том, что интересного и полезного увидели вы и узнали, что используете в своей работе. С кем вы подружились в процессе совместной работы! Напишите нам о человеке, с которым вас подружил «товарищ СЭВ».

4. Социалистические страны широко обмениваются достижениями науки и техники. Подсчитано, что экономия от интеграционного сотрудничества в области науки и техники составит в 1980 году девять — одиннадцать миллиардов рублей.

Приведите конкретные примеры научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. Какие важные достижения вы можете назвать как итог объединения научно-технического потенциала братских стран!

5. На страны социализма приходится половина всех культурных связей СССР. Софийские театралы могут без промедления увидеть последние премьеры Малого театра, а московские — оценить режиссерское мастерство постановщиков из берлинской «Комише опер» и хореографию кубинцев.

Что вы знаете о культурном сотрудничестве между братскими государствами! Книга, фильм, пластинка, гастроли артистов — это тоже встреча с братской страной. Назовите своих любимых писателей, актеров, художников, расскажите о том, как вы с ними познакомились.

6. За последние десять лет страны СЭВ утроили взаимный товарооборот. Мы все чаще встречаем в магазинах товары с надписью: «Сделано в ГДР», «Сделано в Польше», «Сделано в Венгрии»...

Как служат вам эти товары! Пришлите нам короткий рассказ на тему — «СЭВ в моем доме».

* * *

Для победителей конкурса установлены следующие награды:

Первая премия — восьмидневное путешествие в Прагу и Берлин.

Вторая премия — поездка на Лейпцигскую ярмарку.

Третья премия — экскурсия в ЧССР на три дня.

Кроме того, участникам конкурса будут присуждены десять поощрительных призов: советские часы, чехословацкая бижутерия, светильник из ГДР, болгарская керамика, польские пластинки, изделия художественных промыслов из Венгрии, Румынии, Вьетнама, Кубы.

Самые интересные материалы, присланные читателями, будут опубликованы в «Огоньке».

* * *

Срок присылки работ на конкурс — не позднее 1 августа. Дата будет определяться по почтовому штемпелю.

Материалы, присланные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются (кроме фотографий и документов).

Ждем ваших писем на конкурс «Товарищ СЭВ». Не забудьте сообщить о себе — имя, фамилию, возраст, профессию. Наш адрес: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Огонек».

Не забудьте написать на конверте: «Конкурс «Товарищ СЭВ».

2

3

4

5

6

И. Ендогуров. 1861—1898. НАЧАЛО ВЕСНЫ. 1885.

Государственный Русский музей.

И. Айвазовский. 1817—1900. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ. 1850. Государственный Русский музей.

БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ

интервью «огонька»

Первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Н. Ф. АКСЕНОВ отвечает на вопросы специального корреспондента журнала «Огонек» Ю. ЛУШИНА.

— Николай Федорович, вы за свою жизнь прошли много трудовых ступенек — механизатор, студент, зоотехник, партийный работник. Какой вам вспоминается молодежь вашей юности и каковы, по-вашему, главные черты и качества молодого человека нашего времени?

— В годы моей юности в нас ценились трудолюбие, умение, мастерство и образование. «Он окончил институт» — это, знаете ли, как звучало! Сейчас это звучит уже не так, хотя роль образования, его значение повысились неизмеримо. Иной сельский механизатор или рабочий на заводе просто вынужден ныне оканчивать вуз, потому что так усложнились станки, такая суперсовременная техника пошла на поля, что без знаний ты ничего не сможешь. Мне кажется, в молодежи нашего времени ценно в общем то же самое, что ценилось и тогда. Но жизнь совершила новый виток, время предъявило новые, более высокие требования, молодые в подавляющей своей массе справляются с ними.

Мне нравится нынешнее поколение. Это грамотные и, главное, думающие ребята. С ними стало работать сложнее, но и интереснее. Прописных истин они слушать не станут, снисходительного похлопывания по плечу не терпят. Но если говорить с ними от души, по делу, то можно быть уверенным: они будут твоим союзником. Они работника не по пышным речам оценивают, а по реальным делам.

Мне, честно говоря, претит ворчание на тему о том, что молодежь нынче пошла не та, не так одета, не те прически носит, танцует не по-нашему и так далее. Я бы не стал мерить длиной волос внутренний мир человека, его способности, гражданственность, убежденность. Я бы тоже судил о молодежи по ее делам. Кто, скажите, строит БАМ? Кто добывает нефть Сибири? Кто построил ВАЗ и КамАЗ? Кто возводит Атоммаш? Кто поднял целину? Все они, наши прекрасные юноши и девушки, которых отличают гражданская ответственность, поиск непроторенных и нелегких дорог и пускай трудного, но большого, интересного и нужного стране дела. Когда я думаю об этом, мне становится радостно, потому что в лучших чертах нынешнего поколения узнаю свою юность, как в моей юности, в какой-то мере, наверное, узнавали себя легендарные комсомольцы тридцатых годов. Что ж, это закономерно.

Вспомним целинную эпопею. Она ведь начиналась с Алтайского края, с первого эшелона целинников-новоселов, который отправился по маршруту Москва — Барнаул в феврале 1954 года. Молодые люди, в большинстве своем не знавшие сельского хозяйства, ехали обживать новую землю. В авангарде покорителей целины были тысячи алтайских комсомольцев. Все они знали, что в степях их ждут не молочные реки в кисельных берегах, а неимоверные трудности. Но ехали и оставались, и постигали новое дело, и одолели трудности, и обжили землю. И земля отплатила за заботу чистым золотом — алтайским хлебом.

Почти три миллиона гектаров целинных земель освоили молодые люди на Алтае. А первые гектары целины еще в двадцатые годы вспахала в Кулундинских степях коммуна «Свобода». Коммунарам было тогда еще тяжелее. Худосочные бедняцкие лошаденки едва тащили плуг, который не вспахивал, а лишь царапал неподатливую землю. Кулаки откровенно смеялись над коммунарами, и те решили тогда написать Ленину: «Дорогой наш вождь, а также вождь всего мирового пролетариата и крестьянской бедноты. Наш Владимир Ильич. Просим тебя выдать трактор коммуне «Свобода», потому что наша коммуна есть организованный союз бедняков, а значит, и коммунистический светоч на тысячи верст вокруг. Только нечем пахать землю, чтобы вырастить коммунистический урожай для себя и для братьев рабочих. Дай нам трактор, и мы покажем местным кулакам и всей мировой буржуазии, что такое вольный труд». С письмом отправили ходоков... Весной того же двадцать второго года коммунары получили подарок от Ленина — семидесятипятисильный трактор «Рустон», с плугом, которым вспахали и обработали первое целинное поле, получив осенью неплохой по тем временам урожай. С тех пор зовется это поле Ильичевым. Принадлежит оно теперь совхозу «Свободный», но своим его считают земледельцы всего Алтайского края. С этого поля, уходя на фронт, брал горсть земли потомок славных коммунаров, комсомольский вожак местного колхоза Прокопий Авраменков, повторивший бессмертный подвиг Александра Матросова. Здесь начинались трудовые биографии знатных хлеборобов Героев Социалистического Труда Чабанова, Кошкина, Кибкало, многих других земледельцев, именами которых по праву гордится Алтай. В годы подъема целины Ильичево поле служило молодежи как бы маяком. И сейчас обрабатывать его доверяют лучшим из лучших, за это право в совхозе соревнуются. В течение двух лет на Ильичевом поле работало комсомольско-молодежное звено Анатолия Сулименко, выступившее в крае инициатором движения «Превратим нивы Алтая в Ильичево поле отличного качества!». В этом движении участвуют свыше шести тысяч комсомольско-молодежных звеньев и бригад. Здесь вчерашние школьники посвящаются в хлеборобы, здесь молодым коммунистам вручаются партийные билеты, здесь крепкие парни в гимнастерках со свежими следами от погон получают мощные машины и комбайны. Когда созревают хлеба, по традиции один из самых опытных комбайнеров и один из самых молодых механизаторов делают вместе первый прокос — символ начала жатвы на Алтае. Сегодня в сознании людей Ильичевым полем стали все пять миллионов гектаров хлебной нивы...

— Среди молодежи время от времени возникает разговор о том, что вот, дескать, они опоздали родиться, что все настоящие дела уже свершены, а на их долю ничего интересного не осталось. Что бы вы ответили этим ребятам?

— Должен сказать, что в молодости я и сам завидовал легендарным делам наших отцов, но потом увидел, что и на мою долю кое-что осталось. По-моему, это хорошая зависть, если она толкает на поиски серьезного и нужного дела. Но это плохая зависть, если ею оправдывают собственную душевную лень. Интересное дело всегда найдется, причем я уверен, не надо ехать для этого на край света. В своем районе или селе сколько угодно таких дел. Вот, например, был у нас самобытный и талантливый хлебороб Михаил Ерофеевич Ефремов, Герой Социалистического Труда. Землю алтайскую любил он беззаветно и утверждал, что она может давать фантастические урожаи, руки лишь к ней приложи. Он это доказывал делом. Еще в довоенные годы Ефремов сумел вырастить урожай по шестьдесят центнеров с гектара. Это ли не путеводная звезда для молодых? Это ли не интересное дело?

У нас есть и другие примеры для подражания — достижения легендарных механизаторов Героев Социалистического Труда Семена Ефимовича Пятницы, Варвары Максимовны Бахолдиной, Михаила Ивановича Гусельникова. Около десяти лет назад мы установили краевые премии их имени для лучших молодых механизаторов. Сейчас за право стать лауреатами этих премий соревнуются десятки тысяч трактористов и комбайнеров. Некоторые из них достигают таких результатов, которым удивляются даже ветераны. Вот, например, жил в поселке Федотовка, Ключевского района, ничем не примечательный паренек Саша Шолик. Окончил среднюю школу и, как многие другие, получил вместе с аттестатом зрелости удостоверение тракториста. Отслужил в армии, вернулся в родное село. Доверили ему новейший трактор К-700, потому что знали его привязанность к земле и любовь к технике. Уже через год Александр Шолик стал знаменит — завоевал премию имени Героя Социалистического Труда Гусельникова, стал чемпионом края по вспашке зяби среди молодых механизаторов. И первенства с того памятного года никому не уступает — по три с лишним тысячи гектаров зяби ежегодно поднимает.

Вот на таких парней мы надеялись, когда брали обязательство обеспечить устойчивое ежегодное производство зерна не менее восьми миллионов тонн и его продажу государству в размере четырех миллионов тонн. Молодежь края как отеческий наказ восприняла слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные в беседе с партийно-хозяйственным активом в Новосибирске, во время его поездки по районам Сибири и Дальнего Востока: «Уверен, что руководство Новосибирской области, как и вашего соседа — Алтайского края, приложит все усилия к повышению производства сельскохозяйственных культур и в первую очередь зерновых. Вы знаете, как мы дорожим вашей пшеницей твердых сортов».

— Несколько лет назад «Огонек» писал о движении, проходившем в крае под девизом «Девушки, на трактор!», и, в частности, о Нине Алексенцевой, ставшей Героем Социалистического Труда. Как развивается это движение?

— В его рядах более шести тысяч женщин-механизаторов. Нина давно уже работает звеньевой, передает свой опыт подругам. Далеко за пределами края известны имена мастеров высоких намолотов зерна, тоже Героев Социалистического Труда, Анны Васильевны Ильичевой и Александры Моисеевны Кибкало. Родина высоко ценит труд алтайских женщин-механизаторов, среди которых многие удостоены высоких правительственных наград, а семнадцати из них присвоено звание «Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР». Это движение поставило перед нами и некоторые проблемы. Пришлось дополнительно строить в селах жилье, детские сады и ясли. Не забыли и о внешнем виде женщины-механизатора. С помощью модельеров из Барнаула разработали рабочую форму и парадную. А как трудятся девушки — увлеченно, азартно! И надо видеть лица парней, которых эти девушки частенько обгоняют на обмолоте или вспашке.

— Слова поэта «все работы хороши, выбирай на вкус» многие из молодых понимают, к сожалению, слишком буквально. И начинается проба профессий — та не нравится, эта тоже, и третья... А время идет... Что вы думаете по этому поводу?

— Сомнения при выборе профессии, видимо, закономерны, если они не затягиваются, конечно, до зрелого возраста. Спор с самим собой, как известно, подчас рождает истину. Важны, разумеется, и советы старших и шефство наставников. Но еще лучше, если молодежь ориентировать на ту или иную профессию уже в школе, с юных лет. Вот тогда слова поэта попадут в самую точку. Мы идем именно по такому пути. В селе, например, очень популярны ученические производственные бригады, большинство из которых действует круглый год. За всеми средними школами закреплены земельные участки — всего двадцать с половиной тысяч гектаров. Я вам рассказывал о коммуне «Свобода», в которой был один слабосильный трактор. Так вот, в ученических бригадах в прошлом году было шестьсот двенадцать современных тракторов, двести семьдесят четыре комбайна, триста одиннадцать автомашин. Ребята работали на этих машинах вполне самостоятельно — пахали землю, засевали ее, собирали урожай. В нашем крае действуют более сотни школьных лесничеств, несколько сот летних лагерей труда и отдыха.

Молодежь — наша гордость и наша надежда. Краевая партийная организация многое делает, чтобы закрепить ее на селе. Проблема эта сложна и многогранна. Ее очень образно и в то же время по-научному точно охарактеризовал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев в речи на XVIII съезде комсомола: «Разумеется, приказом в селе оставаться не заставишь. Создание хороших условий для жизни и труда на селе, воспитание уважения к труду земледельца, любви к родной природе, к земле-матушке, умения и желания приложить к ней свои руки — вот наш метод привлечения подрастающего поколения к работе на полях и фермах».

Да, молодежь — наше будущее, которое начинается уже сегодня. Помочь ей найти свое место в жизни — задача огромной важности. Вот как это делают в Коробейниковской средней школе Усть-Пристанского района: здесь наряду с ученической бригадой действует еще клуб профессий с секциями полеводов, животноводов, механизаторов, продавцов, медиков. С ребятами занимаются лучшие специалисты, помогают им проводить опыты, составить технологические карты, правильно организовать труд в поле. А результат таков: за пять лет в селе остались работать сто пятьдесят выпускников школ, что полностью удовлетворило потребности производства. В сельскохозяйственном институте за счет хозяйств района учатся около сорока студентов, а всего по краю около семидесяти процентов студентов сельскохозяйственных вузов — это стипендиаты колхозов и совхозов.

— Что бы вы хотели пожелать современной молодежи?

— Не жалеть ни сил своих, ни энергии, пока молоды. Быть на своем месте в жизни, не коптить, а гореть, чтобы потом можно было сказать: жизнь прожита хорошо.

Николай САВОСТИН

ОЧАГ ДРУГА

РАЗДУМЬЯ В ГОРОДЕ МИРНОМ

Здесь,
на фабрике номер три,
Город Мирный берет деловито
Этот камень, горящий внутри
Мрачноватого кимберлита.

Иногда и гостей сюда
Водит он сквозь серьезную
стражу,
Где наглядны уроки труда
В дополненье к якутским
пейзажам.

Может быть, курганы руды,
Что затем отойдет в отвалы,
Перетрут, чтобы взять не пуды —
Где там! — горсточку светлых
кристаллов.

Любопытно — алмазы все ж.
Маяковского вспомнишь кстати:
Грамм поэзии так же берешь,
Горы камня перелопатив.

Вот, рассыпав алмазов горсть,
Я сквозь лупу любуюсь гранью...
Их увидев, какой-то гость,
Говорят, потерял сознанье.

Видно, вызвали острый шок,
Небывалый прилив вожделений
Эти камушки и порошок,
Чудный блеск и игра светотени.

И затронули тайную нить,
А она что-то явит заглазно,
Что не мог бы и вообразить
Я, не знающий этих соблазнов.

Потому ли не радость, не боль
На душе? Не мороз, не пламя?..
Просто вроде бы крупная соль —
Не поднял бы, найдись под
ногами.

На полынный сухой стебелек,
На веночек бездомной ромашки
Я скорей отозваться бы мог,
Чем на дивные эти стекляшки.

А ведь могут такое творить —
Отнимают сознанье и разум.
Чем могла бы меня одарить
Эта горсточка ясных алмазов?

Что за счастье таится в них,
Измеряемое в каратах?
Жизнь продляют они хоть на миг?
Возвращают былые утраты?

Может, в эти крупинки льда,
Затвердевшие тверже металла,
Превратилась живая вода,
Что когда-нибудь существовала?..

Сквозь магический, что ли,
кристалл
В прошлом мог я увидеть воочью
Освещающий эти места
Труд при факелах зимней ночью.

А затем этот зыбкий парок
Над провалом гигантской
воронки,
Где ползут из глубин на порог
Самосвалы-сорокатонки.

Под сияньем Полярной звезды
Или в сумерках полночи белой
Светят грозные эти труды,
Всепланетно заметное дело...

И не каждый, увидев, поймет,
Да и я убедился не сразу:
Это все же спрессованный пот —
До прозрачной крупинки алмаза.

ЮРТА ДРУГА

Вечер. На душе спокойно.
Дождик наконец зачах.
Густо пахнет мокрый войлок
Юрты.
Теплится очаг.

Друг-чабан пригнал отару,
Рад, что у него в гостях
Я, его товарищ старый.
Греет нас его очаг.

Уж давно шинель сносилась
Куртка на его плечах.
Сколько лет, скажи на милость,
Сколько зим горит очаг!

Для его детишек малых
Был я чародей и маг...
Нынче младший, возмужалый
В армии.
Горит очаг.

Вот я за Байкалом снова.
Что́ мне сделать лишний шаг,
Чтоб побыть под этим кровом
Дружбы,
давней, как очаг!

Слышно блеянье ягненка,
Самолет летит, гудя,
Степь благоухает тонко,
Хорошо после дождя...

●

А. П.

Враг любой рутины,
В кодрах я влюбленно
Слушаю зачины
Песен:
«Лист зеленый...»
«Фрунзе верде...» *.
Это
Не слова запева —
По листочку спето
Песенное древо.

Лист зеленый дуба
Не завянет долго,
В нем живая дума
Верности и долга.

Легкий лист кленовый,
Лишь дохнет рассветом,
Произносит слово
Ласки и привета.

Страсть впитал навеки
Лист калины алый.
Песенные реки
Здесь берут начало.

С каждого листочка
Посреди чащобы
Льется песни строчка
И напев особый.

Росами умыта,
Солнцем опалёна,
Крылья обрети ты,
Песня.
Лист зеленый...

●

Что хорошо, что плохо —
Твердила нам эпоха.
И в жизни эта мера
Моею стала верой.

Нет я живу не с краю —
Зло сразу распознаю,
Добро найду душою,
Собой его прикрою.

Ведь у меня есть опыт —
Шел против зла в окопы,
Огнем, штыком, гранатой
Громил его когда-то.

Кто был в огне в те годы,
Знал высшую свободу,
Одно имея право:
Над злом вершить расправу.

Что плохо — уничтожить,
Что хорошо — умножить,
Жизнь утвердить живую.
Для этого живу я.

Кишинев.

* Фрунзе верде — лист зеленый, начало многих народных молдавских песен.

СТРАНЕ НУЖНА БУМАГА

Наш Котласский целлюлозно-бумажный комбинат ежегодно выпускает сотни тысяч тонн бумаги, и с каждым годом это количество возрастает. Мы стараемся увеличивать производство продукции. Но не только бумагу отправляет наш комбинат, из его цехов выходит отличная целлюлоза, картон, бумажные мешки, древесноволокнистые плиты, канифоль, этиловый спирт, кормовые дрожжи... Даем товары хозяйственного обихода и культурно-бытового назначения. Перечисляем все это, чтобы подчеркнуть комплексный характер переработки древесины на нашем предприятии. Вся эта продукция идет в сотни адресов — в типографии, школы, на предприятия легкой промышленности. Вискозную целлюлозу получают от нас химические заводы и комбинаты, перерабатывая на шелк и штапель. Наша целлюлоза отправляется и зарубежным заказчикам.

Для выработки целлюлозы используется только еловая и пихтовая древесина. Для того, чтобы работать ритмично, без перебоев, чтобы полностью загрузить оборудование, ежегодно нам нужно 1 200 000 кубометров. И поставки должны вестись планомерно, а не по поговорке «то густо, то пусто».

Север Советской страны богат лесом. Казалось бы, нет проблем с сырьем. И прежде мы не ощущали в нем недостатка. Но в последнее время стало случаться такое, что даже варочные котлы и сушильные машины приходится останавливать.

Понятно, в такие дни мы отправляем значительно меньше продукции, чем от нас ждут, чем запланировано. Можете себе представить, как стыдно и горько отвечать на телефонные звонки, на телеграммы и письма заказчиков с одним вопросом: «Почему недодали нам бумаги?» Объясняем. Но от наших объяснений бумаги не прибавляется... Комбинат в прошлом году не смог отправить бумагу в нужном количестве и ассортименте.

В чем дело? Только в 1978 году мы недополучили 129 тысяч кубометров древесины — она должна была прийти по железной дороге. Срыв этих поставок лесозаготовители, в свою очередь, пытаются объяснить тем, что им не прислали вагонов. И в этом есть доля правды. Но чем объяснить, что в том же году от производственного объединения «Вычегдалесосплав» мы не получили более 100 тысяч кубометров сырья, которое должно было прийти по реке сплавом?

Настораживает, что объединения «Комилеспром», «Кировлеспром», «Вычегдалесосплав» да и «Союзглавлес» при Госснабе СССР вроде бы забыли о прошлогодних долгах, приплюсовав к ним сообщение о том, что в первом квартале 1979 года не поставят нам еще 10 тысяч кубометров хвойных балансов из тех, что ранее были запланированы.

Особенно остро недопустимость такого положения мы ощущаем сейчас, после того, как внимательно ознакомились с материалами ноябрьского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС, с речью Леонида Ильича Брежнева перед избирателями столицы. Наш коллектив, как и все советские люди, стремится выявить все резервы, устранить имеющиеся недостатки. Конечно, многое зависит и от нас. Но далеко не все. Мы весьма обеспокоены создавшимся положением с обеспечением производств хвойной древесиной — поставки ведутся неудовлетворительно.

Мы решили со страниц «Огонька», часть тиража которого печатается на нашей бумаге, обратиться к лесозаготовителям и «Союзглавлесу», а также к железнодорожникам и сплавщикам древесины:

— Дорогие товарищи! Разберитесь в причинах создавшегося положения. Стране нужна бумага, а без древесины ее не сделаешь.

А мы, со своей стороны, обещаем сделать все возможное. И просим читателей «Огонька» и редакцию стать арбитром в нашем диалоге с лесозаготовителями, которым мы в первую очередь и адресуем это письмо — наше слово к поставщикам и смежникам.

А. П. БЕЛЫХ, депутат Верховного Совета СССР; З. Н. КОЖИНА, Герой Социалистического Труда; А. А. РУШАКОВ, старший варщик; Н. И. СУВОРОВ, машинист сушильной машины.

ОТ РЕДАКЦИИ. Охотно принимаем предложение передовых рабочих Котласского целлюлозно-бумажного комбината. Публикуя их письмо, редакция просит руководство Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, а также «Союзглавлес» при Госснабе СССР разобраться в создавшемся положении и сообщить о принимаемых мерах. Надеемся, что это письмо не останется незамеченным и в Министерстве путей сообщения СССР, которое далеко не всегда обеспечивает предоставление необходимого количества вагонов для перевозки древесины и готовой продукции. Журнал берет под свое наблюдение эти вопросы.

КАРТИНЫ МУЖЕСТВА

Художник Эдуард Станиславович Куфко живет и трудится в пограничном городе Бресте. Он часто бывает на территории мемориала, посвященного героическим защитникам Брестской крепости в годы Великой Отечественной войны. Думает, вспоминает, представляет вновь события минувших лет.

Молодость художника опалила война. Сражался на фронте, попал в плен. Зверства фашистов не сломили его мужество и стойкость.

Одна из первых работ художника, выполненная в 1960 году, называлась «Проклятие фашизму». Серое, мрачное, холодное небо, нависшее над концлагерем. Поодаль маячит сторожевая вышка. На переднем плане группа узников — плечо к плечу, крепко стиснуты руки. В глазах — непримиримость, решение не сдаваться, не падать духом. Картина стала как бы эпиграфом к циклу произведений, обличающих фашизм.

Полотна Куфко, обращенные в недавнее трагическое прошлое, злободневны и своевременны, ибо фашизм на нашей планете еще существует.

Художник видел стойкость и мужество людей разных наций, которые во вражеских лагерях смерти, в обстановке жесточайшего духовного и физического подавления человеческой личности находили нравственные силы и мужество не только, чтобы не потерять себя, но и открыто выражать свой гнев и возмущение, чтобы бороться. Это главная тема творчества живописца.

Два его полотна имеют одно название — «Правда». Первое создано в 1963 году, второе — в 1969-м. На первом изображена группа военнопленных, которые читают чудом проникшую в лагерь советскую газету. Их лица светлеют, в них оживают надежда и вера в освобождение, которое принесет Советская Армия.

Второе полотно отличается большим лаконизмом. На первый взгляд оно чрезвычайно просто. Однако сколько в нем глубокого внутреннего смысла и эмоций! Зритель не видит лица человека, читающего газету,— его нет в картине. Изображены только руки узника, которые с трепетом, как самое святое, самое дорогое, держат лист «Правды». И веришь, что все чаяния этого человека связаны с его великой Родиной.

Интересны картины Куфко «Побег пленных», «Непокоренный». «Побег пленных» — одна из первоначальных его работ. «Непокоренный» датируется 1969 годом и относится к серии «Антифашисты». Оба эти произведения, как и «Проклятие фашизму», посвящены тем, чья воля и дух не были сломлены, кто находил в себе силы не только противостоять, но и активно выступать против гитлеровской машины подавления, уничтожения людей.

Работы «Голод», «Освенцим», «Раздумье» рисуют картины страшной, нечеловеческой жизни. Фигура узника в «Раздумье» вызывает в памяти роденовского «Мыслителя» из барельефа «Врата ада» и строки Данте:

**Тот стражадет высшей мукой,
Кто радостные помнит
времена
В несчастьи...**

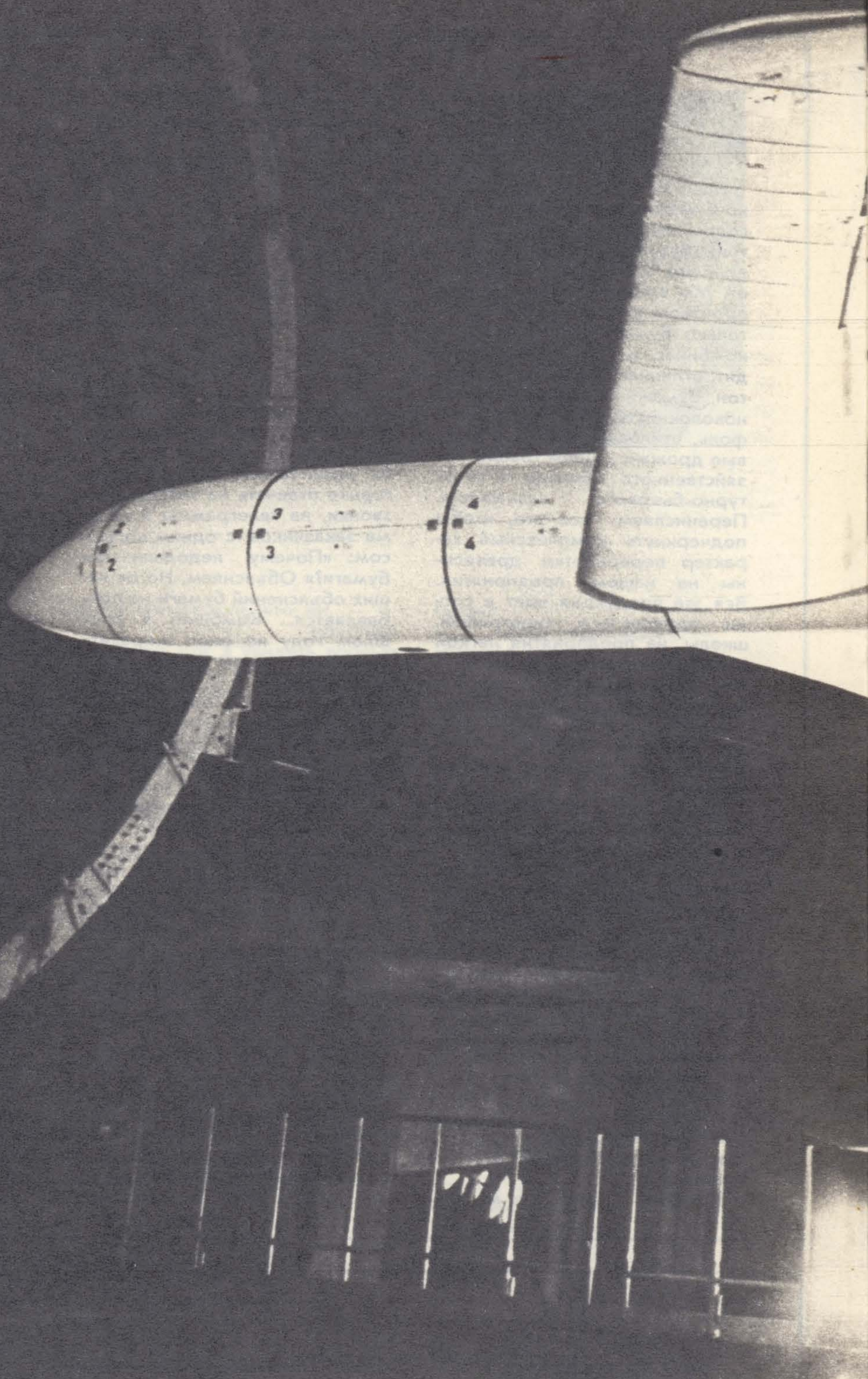
И как контраст тому — счастливые минуты конца войны. «Освобождение» — это долгожданная радость Победы.

Тридцать с лишним лет прошло с тех пор, как гитлеровская Германия потерпела поражение в Великой Отечественной войне, но жив еще дух реваншизма, существуют на земле фашистские режимы, партии. И поэтому художник Э. Куфко по-прежнему верен антифашистской теме. Этому посвящено и его аллегорическое полотно «Совы».

В творчестве Эдуарда Станиславовича сильно трагическое начало. Но оно — во имя людей, во имя жизни. Картины Куфко — это напоминание и предостережение. Они утверждают: такое не должно повториться!

**Антон УСС,
член КПСС с 1919 года,
персональный пенсионер**

ПОКОРЯЮЩИЕ ПРОСТРАНСТВО

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Геннадия КОПОСОВА

Кажется, что огромный самолет, распластав крылья, тяжело дышит. Вот его крылья вздрогнули, поднялись вверх метра на полтора и снова опустились. Это гигантский аэробус — ИЛ-86. В будущем году он уже начнет работать на наших авиолиниях, будет перевозить за один рейс 350 пассажиров. А сейчас он весь в рычагах, подвесках, зажат грузом, увешан датчиками. В Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ) идут испытания его прочности, изучаются сроки службы машины, проходящей летные испытания.

«Взлет — посадка». «Взлет — посадка». Нагрузки на крылья, фюзеляж, двери, окна самолета все время меняются, как в полете. Крылья взлетают вверх и тяжело опускаются. Внутри фюзеляжа создается давление, словно самолет отрывается от взлетной полосы...

Пять минут испытаний равны двум часам полета. И все время больше десяти тысяч датчиков чутко прислушиваются к тому, что происходит в гигантском теле аэробуса. Все сведения о прочности конструкций самолета передаются в пультовую, откуда идет управление экспериментом. Электронно-вычислительная машина не только автоматически опрашивает датчики, но и по программе сама выберет и обработает данные, нужные исследователям.

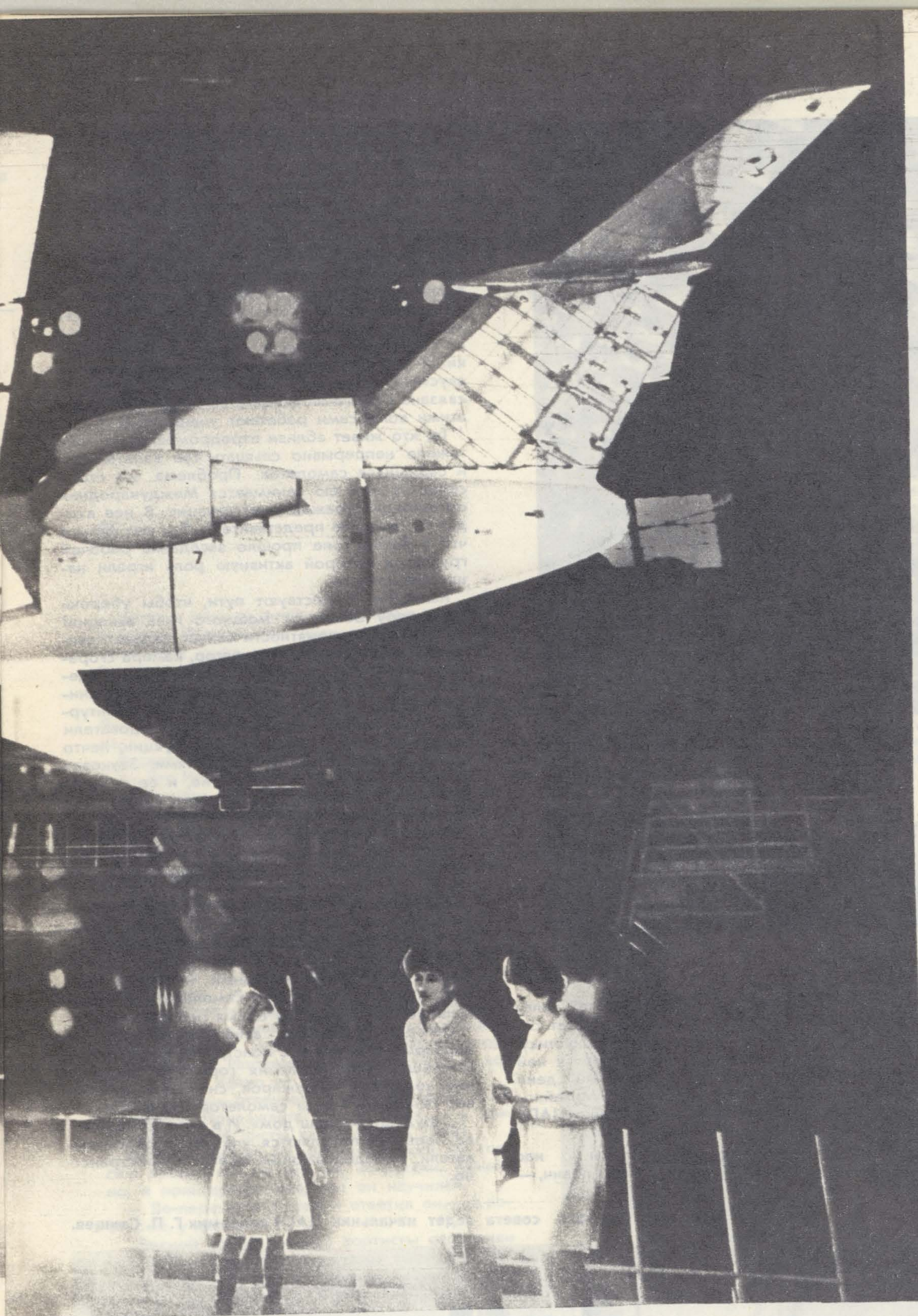
Вместе с начальником отдела ресурсных испытаний Александром Михайловичем Масюком поднимаюсь по тоненькой лесенке поближе к самолету. Строгое объявление предупреждает: «На крыло без тапочек не влезать». Значит, мне на крыло нельзя, и мы входим в фюзеляж.

До чего же он громаден! Рассматривая самолет снаружи, я не ожидала этого.

— ИЛ-86 столь пропорционален и красив, — понимающе говорит мой спутник, — что фюзеляж снаружи не кажется огромным.

Заместитель начальника ЦАГИ, руководитель отделения прочности Андрей Федорович Селихов рассказывал мне, что при создании ИЛ-86 пришлось испытать около двух тысяч образцов материалов, семьсот соединений, свыше ста крупных панелей, люков, сшивок и других деталей до шести метров длиной. И все это еще до натурных испытаний.

Исследователи должны изучить весь спектр нагрузок, которые будут действовать на части машины в течение двадцати пяти лет ее службы. Самолеты стареют, как люди, и ученые заранее предсказывают события, с которыми встретится их детище за четверть века полетов, и воспроизводят их в лабораториях, создавая нормы прочности. Они начинают исследования задолго до рождения самолета; их пожелания закладываются в конструкцию; они присутствуют при появлении машины на свет и заканчивают работу, когда самолет списан, отслужил свой век. Здесь, в этой огромной лаборатории, оборудованной по последнему слову науки и техники, мне вспомнились слова поэта, который на заре века

Испытания модели ЯК-42.

полностью и отходы не попадают в атмосферу. И шум, который издают его двигатели, расположенные в хвостовой части самолета, минимален. Нам, аэродинамикам, пришлось немало повозиться, чтобы преодолеть все трудности, возникающие в связи с этими требованиями.

Я слушаю ученого и думаю, что забот у аэродинамиков, пожалуй, не меньше, чем у прочнистов. Например, чтобы выбрать форму крыла для того же ИЛ-86, сотрудники ЦАГИ вместе с КБ Ильюшина досконально исследовали и провели бесчисленное множество испытаний на моделях. Более двух лет работы! Зато крыло аэробуса вобрало в себя лучшее, чем располагает современная авиационная наука.

ИЛ-86 будет летать в города, куда требуется перевозить особенно много людей, такие, как Москва, Ленинград, Симферополь. Дальность полета — до пяти тысяч километров, скорость — 900—950 километров в час.

Григорий Афанасьевич Юдин, работающий в ЦАГИ уже более четверти века, вспоминал, что, когда доводили до дела предыдущий самолет, ИЛ-62, образовалось очень неприятное для конструктора явление — так называемый помпаж: нарушается работа двигателя, повышается температура, нет подачи масла, и двигатель глохнет. Так вот, ИЛ-86 прошел два года испытаний, и аэродинамики не встретились здесь ни с чем подобным. Они учли все возможные неприятности еще до рождения новой машины, когда проводили свои бесчисленные испытания в аэродинамических трубах.

...Из круглого зияющего сопла вырывается мощный ураган. Он набрасывается на укрепленную в аэродинамической трубе модель, хочет подхватить ее. Гул вентиляторов заполняет зал. Кажется, что разом взлетает сотня самолетов. Это идут испытания в аэродинамической трубе. Здесь самолеты устремляются в первый полет, полет «наоборот». Модель стоит на месте, а движется поток воздуха, скорость которого до 140 метров в секунду!

Все те силы, что действуют сейчас на модель, передаются через стойку на шестикомпонентные весы, расположенные под операторской. Весы разложат эти силы на составляющие, и ученые получат самые подробные сведения о сопротивлении, величине тяги, продольной устойчивости, моментах крена самолета и целом ряде других интересующих их данных.

— Исследования в трубе позволяют воспроизвести самые разнообразные аварийные ситуации, не рискуя самолетом,— говорит начальник отделения исследования аэродинамики силовых установок, доктор технических наук Александр Васильевич Николаев. — Так достигается большая безопасность, большая экономичность самолетов и вертолетов. Эксперименты в трубе оказывают неоценимую помощь конструкторам.

Особенно хороша труба для испытаний двигателей. В ней исследуются уже не модели, а винты, так сказать, живьем. Через испытания в трубе прошли двигатели и ТУ-114, и ИЛ-18, и всех машин Антонова, в том числе и малошумные двигатели АН-28. Исследования помогли повысить их коэффициент полезного действия.

— Сейчас в связи с остротой топливной проблемы внимание к воздушным винтам усилилось, — продолжает рассказывать Александр Васильевич.— Может быть, самолеты нового поколения будут иметь как раз экономичные воздушные винты, только уже в новом качестве...

Между тем ученые готовятся к новым испытаниям. В трубе модель самолета заменяют на парашют. Здесь отрабатывают и средства спасения: парашюты, кресла пилотов при катапультировании; изучают законы, по которым будут падать на землю грузы, скажем, продукты и снаряжение для полярников, когда самолет не может сесть на маленькую хрупкую льдину...

Однако этот парашют, что находится сейчас на стенде, предназначен не для атмосферы нашей планеты, а для... Венеры. В ЦАГИ испытывались парашюты, на которых спускались к Венере все советские автоматические станции.

Сложную, совершенно новую работу делали

придумал слово «луноход»: «Мы у прошлого только в гостях. Будущее — наш дом».

...Центральный аэрогидродинамический институт был создан шестьдесят лет назад, в зимней голодной Москве. Стране не хватало самого необходимого, а Советское правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным переводит в банк большую сумму денег «на содержание аэродинамического института». В нетопленном особнячке на Вознесенской улице (теперь улица Радио) собираются ученые, имена которых знает весь мир, — Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин, В. П. Ветчинкин, Б. С. Стечкин, А. Н. Туполев. Они работают для будущего. Рядом, из-за высокого забора, постоянно слышится мощный гул каких-то диковинных механизмов. «Что это?»—удивленно спрашивают прохожие. «ЦАГИ!» — радостно кричат им в ответ вездесущие мальчишки. ЦАГИ — непонятное, завлекающее своей таинственностью слово.

А чудеса продолжаются. Вполне серьезные, взрослые люди разбирают стену дома и вытаскивают прямо на улицу бескрылый самолет, первый угловатый АНТ-1. В помещении тесно, и укрепить крылья не удается. А когда самолет вытащен, стену опять заделывают. Не лучший способ, но другого нет...

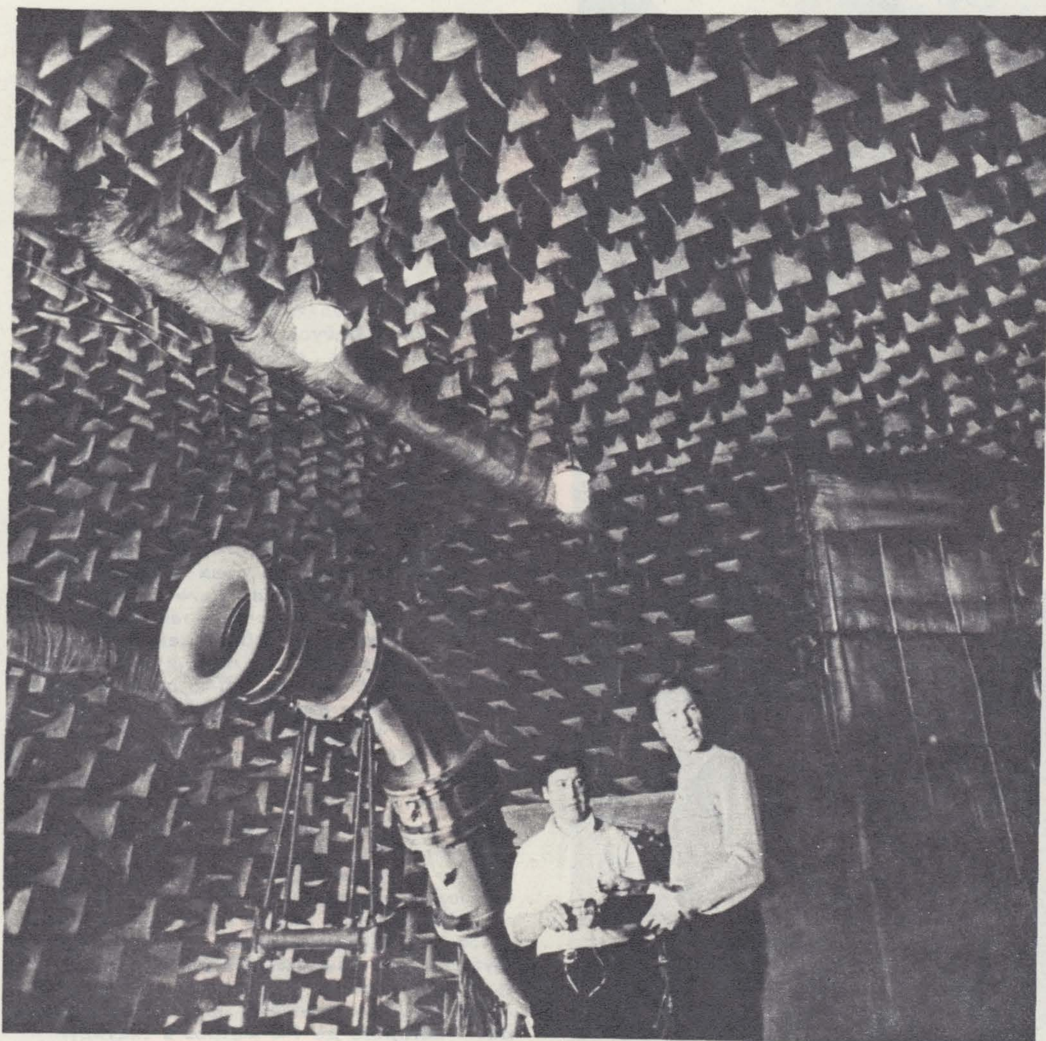
И уже стоят на пороге годы первых беспосадочных полетов Чкалова и Громова, годы освоения Севера на машинах, созданных ЦАГИ, героические годы свершений советской авиации.

Но «мы у прошлого только в гостях»...

...Неподалеку от ИЛ-86 в той же лаборатории, больше похожей на гигантский цех завода, проходит испытание на прочность еще один новый самолет — ЯК-42.

— ЯК-42 не имеет аналогов по взлетно-посадочным свойствам, — рассказывает известный аэродинамик, доктор технических наук, начальник отделения ЦАГИ Виталий Георгиевич Микеладзе. — Он поднимает 120 пассажиров, легко взлетает с любого, даже небольшого аэродрома. Поэтому его будут использовать для рейсов с частыми взлетами и посадками. И к тому же это самая экономичная машина по расходу топлива, что сейчас очень важно.

Новый самолет комфортабелен и сделан с учетом требований охраны окружающей среды. Если за его первым прототипом ЯК-40 тянулся шлейф дыма, то теперь топливо сгорает

В акустической камере.

ученые. Движение космического аппарата должно быть стабилизированно, устойчиво, чтобы можно было точно фиксировать и регулировать его спуск так далеко от Земли. Условия на Венере иные, чем на нашей планете. Плотность атмосферы там столь высока, что приближается к плотности земной воды. Поэтому исследования тормозных систем шарика космической станции велись в гидроканале. Спускаемый аппарат тормозился двумя дисками, близкими по диаметру к самому шарику.

Свои требования предъявляли и высокая температура, и большое давление, и агрессивная среда. Конечно, полностью воспроизвести на Земле поведение космического аппарата на Венере невозможно. Ученые не ограничились исследованиями в гидроканале и в аэродинамических трубах ЦАГИ. Шарик проверялся на жароустойчивость, его крутили на центрифугах, сбрасывали с самолетов... Использовали и зонтики и парашюты. Тщательно отрабатывалась вся цепочка торможения, когда сначала отлетает крышка и вытаскивается вытяжной парашют, вслед за ним — тормозной парашют, а уже потом тот, основной, на котором снизится на Венеру земная гостья с научными приборами.

Старший научный сотрудник Игорь Михайлович Носарев рассказал мне, что в ЦАГИ все время совершенствуются и те парашюты, на которых возвращаются на Землю советские космонавты...

Все сложнее становятся и задачи, встающие перед флагманом советской авиационной науки, и техника, с помощью которой их решают.

Сверхзвуковая труба — сложнейшее инженерное сооружение. Скорость воздуха — 4 тысячи километров в час; полная автоматизация. А недавно в трубе установлено регулируемое сопло с гибкими стенками. Оно позволяет за одно испытание узнавать, как ведет себя модель машины при разных скоростях, сразу проходить все режимы, нужные исследователям. Например, в ней проходили испытания модели сверхзвукового пассажирского лайнера ТУ-144.

Рост скорости полета, рост мощностей силовых установок заставили появиться на свет совсем новую науку — авиационную акустику.

— Какие же требования предъявляет к ней сегодняшний, а главное, завтрашний день авиации? — спрашиваю я у Евгения Михайловича Жмулина, заместителя начальника ЦАГИ по этим вопросам.

— Просто удивляюсь, почему вы о нас вспомнили, — шутит Евгений Михайлович, — ведь об акустике говорят лишь тогда, когда она приносит неприятности, а сейчас вроде бы все обстоит нормально. — И уже серьезно продолжает: — Архитектурная, музыкальная, гидроакустика имеет свою историю, а вот авиационная возникла недавно. Она в корне отличается от них. Вся хитрость в том, что здесь акустические сигналы распространяются в движущейся, неспокойной среде. Звуковые волны, рожденные самолетом, взаимодействуют с движущимся потоком воздуха и с частями самой машины. Возникают задачи не столько технические, сколько фундаментальной науки. Я уж не говорю о том, что авиационная акустика оказалась самым тесным образом связана с прочностью самолета. Вот над всеми этими вопросами работают ученые ЦАГИ.

Те, кто живет вблизи аэродромов, знают, как тяжело непрерывно слышать гул взлетающих и садящихся самолетов. Проблема эта столь серьезна, что ею занимается Международная организация гражданской авиации. В нее входят и советские представители. Как раз только что в Вашингтоне прошло заседание рабочей группы, в которой активную роль играли наши специалисты.

Какие же существуют пути, чтобы уберечь атмосферу Земли от мощного гула авиации?

Основные неприятности сейчас создает двигатель. В нем шумит вентилятор, камера сгорания, очень сильно шумит струя. Ученые надеются, что шум силовых установок удастся снизить благодаря так называемым двухконтурным двигателям. Кроме того, исследователи вводят звукопоглощающие конструкции, нечто вроде пчелиных сот с отверстиями. Звуковая волна попадает в это отверстие, и ее энергия как бы разбивается, раскалывается, и звук постепенно замирает.

В то же время ученые ни на секунду не забывают, что саму конструкцию нельзя утяжелить, а, наоборот, надо стремиться сделать ее легче.

Работают ученые и чтобы снизить шум и вибрацию внутри кабины и салона, сделать полеты более комфортабельными. И здесь советские акустики сами ставят себе жесткие требования: ведь международных норм на шум внутри кабины и салона самолета нет. Наша машина ТУ-154 одна из самых тихих в мире.

Сегодня требования авиационной акустики неразрывно связаны с конструкцией самолета. Уменьшение потребления горючего, увеличение комфорта пассажиров, снижение шума — вот основные черты самолетов будущего.

...«Будущее — наш дом». И в этом доме всегда первыми поселяются ученые, первооткрыватели, преодолевающие время и пространство.

Заседание Ученого совета ведет начальник ЦАГИ академик Г. П. Свищев.

4 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ТОВАРИЩ ДЕПУТАТ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Мягким зимним вечером я сидел в уютной квартире Корпаи. Мы пили прекрасно приготовленный кофе и поджидали хозяина дома. В этот вечер у него начиналось дежурство, причем до самого утра. Но он обещал зайти.

— Ничего не поделаешь, такая служба. Янош — майор милиции,— объяснила хозяйка.

Раздался резкий звонок в дверь.

— Это Иштван, наш младший.

В комнату вошел высокий симпатичный парень, вежливо поздоровался и прошмыгнул на кухню. Вскоре Иштван снова появился на пороге.

— Мам, я после тренировки — в кино, ладно?

Яношне вздохнула и махнула рукой.

— Ох, дети-дети! До чего же быстро они вырастают. Старшему уже двадцать пять. Женился — ушел из дома. Говорят, хороший автомеханик. А что выйдет из Иштвана, просто ума не приложу. Он учится в промышленной школе, но душой всегда на стадионе. Судя по словам тренера, из него может получиться классный футболист. Это требует не только упорства, его у Иштвана предостаточно. А вот время... Его вечно не хватает.

— Ничего,— отвечает сын,— главное — не сдаваться. Приезжайте через годик, и я вам покажу «сухой лист», как у самого Пеле!

Иштван говорил со мной по-русски, не совсем правильно, но все же по-русски. Конечно, я поинтересовался, где он научился.

— Во-первых, в школе,— ответил он.— А во-вторых, у деда.

...Весной сорок второго хортисты отправили под Сталинград свыше двухсот тысяч венгерских солдат. Среди них был и пожилой крестьянин из деревеньки Кёрёшладань, отец шестерых детей.

— Да, шестеро нас было, мал мала меньше,— вспоминает Яношне.— А вскоре пришла похоронка...

Кончилась война. Весна 45-го принесла Венгрии освобождение. Жизнь стала постепенно налаживаться. И вот однажды — в сорок восьмом это было — раздался стук в дверь. Ребятишки и мать вздрогнули — так стучать мог только один человек. Опрометью бросились к двери. На пороге стоял отец. Живой, здоровый, такой родной и в то же время в чем-то неуловимо изменившийся. Изменился он не только внешне.

— В плену у русских я, дочка, считай, университет окончил,— говорил Яношне отец. Простой крестьянин, думавший только о том, как прокормить семью, вернулся убежденным сторонником коммунистов. В деревне как раз началась коллективизация.

— Я хорошо помню,— улыбается Яношне,— как отец доставал потрепанную русскую книгу и переводил ее крестьянам, которые собирались у нас в доме. «Поднятая целина» — стояло на обложке. Просто удивительно, как похоже это было на то, что происходило у нас.

В семнадцать лет Яношне отправилась искать счастья в Будапешт. Нелегко пришлось крестьянской девчонке — в столице сразу после войны ни жилья, ни одежды, ни продуктов, ни работы... Наконец устроилась курьером на небольшой заводик, который выпускал телефоны и радиоприемники.

Яношне достает пожелтевшую фотографию тех лет, с которой смотрит миловидная, отнюдь не робкая девушка.

Тут загремели ключи, кто-то чертыхнулся, споткнувшись о половик в передней, и в комнату вошел коренастый плотный мужчина с открытым лицом и веселыми глазами — хозяин дома. Мы поздоровались.

Янош заметил у меня в руках старую фотографию.

— Вот такой я тебя увидел в первый раз, когда пришел в гости к твоей сестре,— улыбнулся он жене.— Помнишь, как это было?

— Конечно!— подхватила Яношне.— Все помню. Сестра говорит: сегодня у нас будет гость — муж придет обедать со своим сослуживцем, давай постараемся, чтобы не ударить в грязь лицом. Обед удался на славу.— И добавляет, обращаясь ко мне: — А вскоре мы с Яношем поженились. Сослуживцем, как вы поняли, был он.

Яношне Корпаи.

Мы продолжали перебирать фотографии. Мое внимание привлек снимок: худой, вихрастый юноша сидит рядом со строгим усатым мужчиной. На обороте стояла дата: март сорок четвертого.

— Это я с отцом,— ответил на мой вопросительный взгляд Янош.— Жили мы тогда в деревне Кенезлё, отец сапожничал, я ему помогал. Ох, как хотелось уехать в город! Но нельзя, вся семья была под полицейским надзором. Дело в том, что отец был активным участником революции девятнадцатого года. Когда началась война, мне удалось устроиться на железную дорогу. А в марте сорок четвертого молодежь угоняли в Германию. Я знал, что иду по особому списку: людей, состоящих под полицейским надзором, чаще всего отправляли не на заводы, а в концлагеря. Я решился бежать. Неделю прятался в шалаше. Когда от голода стало совсем худо, пробрался в деревню. И поесть-то не успел, как появились жандармы. Судить не стали. Тогда вместо суда надевали военную форму и отправляли на Восточный фронт...

Для Яноша война закончилась в марте сорок пятого. Еще гремели бои, шли жестокие сражения на Балатоне, еще предстояло прорвать «линию Маргит», еще шныряли по лесам недобитые группы эсэсовцев и венгерских фашистов-салашистов, но на освобожденной территории люди начали строить мирную жизнь. Правда, не выпуская из рук оружия. В марте сорок пятого отец и сын Корпаи вступили в компартию, а в мае Яношу предложили работу в милиции.

— Эх, и видик у нас был!— посмеиваясь, говорит Янош.— Три шинели на восемнадцать человек. Вооружены — от карабинов до пулеметов, то есть тем, что нашли на полях. Брошенного оружия было множество, и подбирали его, как вы понимаете, не только мы. Надо было заставить врагов сдать это оружие, надо было вылавливать салашистов, надо было поддерживать порядок, бороться с черным рынком... Старания у нас было много, а знаний никаких. В сорок восьмом меня направили на учебу в Мишкольц, а в пятьдесят втором перевели в Будапешт. Здесь у нас родился сын. Яношне вскоре пошла работать на текстильную фабрику.

Об этом периоде ее жизни я уже кое-что знал: накануне побывал на фабрике и познакомился с Деак Кондрашне. Эта энергичная женщина — старая подруга Яношне. Двадцать с лишним лет проработали они в одной бригаде и семьями дружат.

— Сейчас я начальник смены, секретарь цеховой парторганизации,— рассказывала Деак Кондрашне.— А тогда вместе с Сёси занимались упаковкой тканей.

— С кем, с кем?— переспросил я.

— С Сёси... Ах, да, вы, наверное, не знаете, что вся фабрика так зовет нашу Яношне.

Простую, скромную женщину работницы полюбили с первых дней. Посоветоваться, поплакаться, поделиться горем или радостью все почему-то шли к ней.

— Тогда я только удивлялась,— говорит парторг,— но позже поняла: сердце у нее отзывчивое, чужую беду как свою переживает, всегда помогает подругам. Надо ли говорить, как дружно голосовали мы за Яношне, когда в шестьдесят седьмом ее выдвинули кандидатом в депутаты Государственного собрания.

К этому времени она уже стала членом партии.

Депутат Государственного собрания... Эта милая, приветливая женщина, которая заботливо подливает мне кофе, не только хозяйка уютного дома. Она и в цехе и в парламенте чувствует себя хозяйкой.

Фабрика, между прочим, работает в основном на советский рынок, а лучшая бригада получила право носить имя космонавта Комарова. Первой этого звания удостоилась бригада Яношне.

...Незаметно пролетел вечер в семье Корпаи. Я собрался прощаться, когда Янош поднялся со словами:

— Плесни-ка нам, мать, «Токайского». У меня тост родился. Все люди о чем-нибудь мечтают. А день исполнения мечты считают самым счастливым днем жизни. У меня уже был такой день, и не один. Первый — когда я пришел на обед к сестре Яношне. Второй и третий — когда родились сыновья. Четвертым будет тот, когда я стану безработным.

— Безработица в милиции — его любимая тема!— засмеялась Яношне.

— Напрасно иронизируешь! Я с сорок пятого года в милиции, раскрыл не одно преступление, но если б завтра меня вызвал начальник и сказал: «Янош, снимай мундир и сдавай оружие! С нынешнего дня нам нечего делать, будем учить детишек играть в футбол!» — честно вам скажу, без всякой рисовки, это был бы самый счастливый день в моей жизни!

Будапешт — Москва.

Виталий ЗАСЕЕВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ИНТЕРВЬЮ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО

Она возвращалась домой из геологической экспедиции. Несколько месяцев походной жизни, удачи и отчаяния поиска, палатки, костры — все это осталось позади. В Москве ее ждали истосковавшиеся родители, друзья и самый дорогой человек, с которым Ариадна через неделю пойдет во Дворец бракосочетаний.

Самолет шел на снижение, когда до полуночи оставалось немногим больше часа. За иллюминатором, в морозном небе, искрились миллионы огней, и казалось, что все они светят Ариадне.

— Сейчас в такси, и через полчаса я дома,— глядя на крохотные ручные часики, мечтательно проговорила моя попутчица.

Потом, подхватив дорожную сумку и кивнув на прощание, она первой оказалась у трапа, первой из пассажиров ступила на московскую землю. Человек спешил навстречу своему счастью.

То, что произошло в следующее мгновение, потрясло всех, кто находился у самолета. Сделав несколько шагов, девушка резко пошатнулась и упала.

От эстакады аэропорта с воем отделилась «ноль третья». Когда за носилками глухо захлопнулись задние дверцы, молодой врач повернулся к сгрудившимся вокруг пассажирам: «Есть среди вас, кто знает эту девушку?» — я поспешно шагнул к машине.

Снова взвыла сирена, и вот уже машина мчится по заснеженной автостраде.

В машине «Скорой помощи» было холодно и неуютно. Молчал, думая о чем-то своем, еще не «обстрелянный смертями» молодой врач, молчала ко всему привыкшая медсестра. Они несли очередное дежурство и делали это профессионально.

Улицы были безлюдны. По проезжей части дороги дед-морозовским эскортом мчалась поземка. Почитатели народных традиций готовились встречать старый Новый год.

Недалеко от того места, где проносилась машина, в новой квартире, за праздничным столом сидели сейчас счастливые отец и мать. Они, конечно, уже позвонили в аэропорт, узнали о прибытии внерейсового самолета и теперь с волнением смотрели на часы, считая минуты до встречи с Ариадной.

...Свет уличных фонарей, проплывающих за окном, то и дело высвечивает безжизненное лицо девушки. Сестра тянется к запястью левой руки Ариадны, пробует пульс. По тому, как тревожно ищут ее пальцы ускользающую ниточку жизни, я понимаю: главная опасность — промедление.

Отняв руку, сестра наклоняется к врачу. Почти тотчас под приборным щитком машины вспыхивает зеленый глазок и оживает рация. Далекий, с хрипотцой голос, приняв информацию, тут же отдает короткое распоряжение: «Немедленно следуйте в хирургическое отделение Первой градской. К вашему прибытию все будут подготовлены!»

Услышав название клиники, я мысленно представил старинное, отмеченное монументальным восьмиколонным ионическим портиком и широкой каменной лестницей здание на Ленинском проспекте, энергичного и делового руководителя клиники факультетской хирургии Второго Московского медицинского института академика Академии медицинских наук Виктора Сергеевича Савельева. Не раз доводилось мне наблюдать его уникальные операции на легких и сосудах, видеть возвращенных к жизни людей благодаря изобретенному им самим и впервые внедренному в практику отечественной хирургии электрическому стимулятору сердца... Я хорошо знал многих учеников В. Савельева — их всегда отличала высокая научная эрудиция, блестящая оперативная техника, умение находить «разгадки тайн» человеческих недугов. Я верил в их профессиональные возможности, но, к сожалению, порой даже хороший хирург оказывается бессилен, когда длительность жизни больного измеряется минутами.

...До встречи старого Нового года оставалось полчаса. В доме Яблокова было принято встречать его салютом бенгальского огня. Первую «шашку» в честь уходящего года зажигал глава семейства. Как только искры разлетелись и посыпались на пол, в доме зазвонил телефон. Евгений Георгиевич снял трубку.

— В клинику доставлена больная с венозным тромбозом. Положение критическое,— на ходу застегивая пальто, только и успел он крикнуть жене, хлопотавшей у плиты.— Сейчас подойдет машина.

...Женя Яблоков, высокий, атлетического сложения, был заводилой на курсе. Хорошо учился, много читал. Всегда любил собственным умом докопаться до истины, и если ставил перед собой задачу, то решал ее во что бы то ни стало. Эти черты характера и разглядел в нем Виктор Сергеевич Савельев. Самостоятельность мышления, работоспособность, умение находить принципиально новые решения — вот качества, которые он воспитывал и воспитывает в своих учениках с первого их появления в клинике.

— Без этого мы не можем решать проблемы, стоящие перед современной медициной,— говорит Савельев.

Яблоков благоговел перед авторитетом учителя и втайне гордился, что работает с ним бок о бок. Отзывчивый и требовательный воспитатель, В. Савельев, как никто, умеет вовремя поддержать начинающего, вовремя вдохнуть в него веру в собственные силы. «Заряд Савельева» помог Яблокову написать и защитить сначала кандидатскую диссертацию, а потом взяться за более важную проблему — тромбозы магистральных вен.

Скрытный и коварный характер у этого недуга. Только в нашей стране хроническим заболеванием вен страдают сотни тысяч людей. Человек живет, двигается, не подозревая о грозящей ему опасности. Но однажды затаившийся в нижней полой вене тромб срывается с места, подхватывается током крови и пулей летит к сердцу, перекрывая всю распределительную систему. Момент, когда тромб перекрыл легочную артерию, и момент, когда уже начались необратимые последствия в организме, порой разделяют считанные минуты. Еще со времен студенчества Яблоков помнил случай, который глубоко потряс и заставил его задуматься над этой проблемой. Играя в теннис, жена знаменитого хирурга взмахнула ракеткой и... на глазах у мужа упала замертво. «Дремавший» многие годы тромб стал роковым.

Тысячи ученых во всем мире ставили перед собой задачу — победить эмболию. Как одержимая, работала над проблемой экстренной сосудистой хирургии и группа В. Савельева. Со стороны это напоминало массированное, хорошо подготовленное наступление. В основу были положены новейшие открытия физиологов, биохимиков, патологоанатомов. В клинику зачастили математики, кибернетики, физики. Виктор Сергеевич подолгу засиживался с ними, просматривал и отбирал чертежи, давал необходимые советы. Ему нужны были тысячу раз проверенные научные обоснования всех новшеств, на которые могла бы пойти клиника. Тяготея к последнему слову техники, он был неумолим ко всему, что хотя бы отдаленно могло напоминать научную авантюру. В результате клиника Савельева первой в стране опробовала и широко использовала радиоизотопное исследование с применением меченого фибриногена. Это давало хирургу возможность быстро определить местонахождение венозного тромба и следить за его «поведением». А значит, оперативно принимать верные решения в борьбе за жизнь человека.

Теперь они уже умели бороться с отдельными проявлениями болезней артерий, вен. Их клиника стала центром по оказанию помощи больным с заболеваниями сосудов. Она имела лучшую в мировой практике статистику выздоровления больных после оперативного вмешательства по поводу эмболии легочной артерии. Под руководством В. Савельева у них был впервые разработан и применен метод «механического шва», с помощью которого хирург прошивал вену и, не мешая нормальному кровообращению, преграждал тромбу дорогу к легочной артерии. Ощутимы были сдвиги и в предупреждении эмболий. Яблоков гордился, что его докторская диссертация, посвященная профилактике тромбоэмболии легочной артерии, заслужила высокую оценку у скупого на похвалу учителя. И все же смерть по-прежнему продолжала напоминать о себе, оставляя врачам горький привкус беспомощности.

* * *

Полуосвещенный переход между зданиями показался мне бесконечным. Потом был длинный, как туннель, коридор, с гулким, однообразным эхом, многократно повторявшим звук каждого шага. Мне дают белый халат, врачебную шапочку и показывают, как пройти в лабораторию внутрисердечных и контрастных методов рентгеновских исследований — ею руководит доктор медицинских наук Владимир Ильич Прокубовский.

Узкая комната с пультом управления во всю стену напоминает рубку атомохода в миниатюре. Среди всевозможных ручек, регуляторов, мигающих разноцветных лампочек и приборов, кажется, нетрудно и растеряться. За небольшим окном со специальным стеклом — просторный операционный зал. Ариадна уже там. Ее окружили медсестры, рядом — дежурный врач. С его разрешения надеваю утяжеленный свинцовой защитой фартук, хирургическую маску и прохожу в полуоткрытую стальную дверь, которая тут же смыкается со стеной.

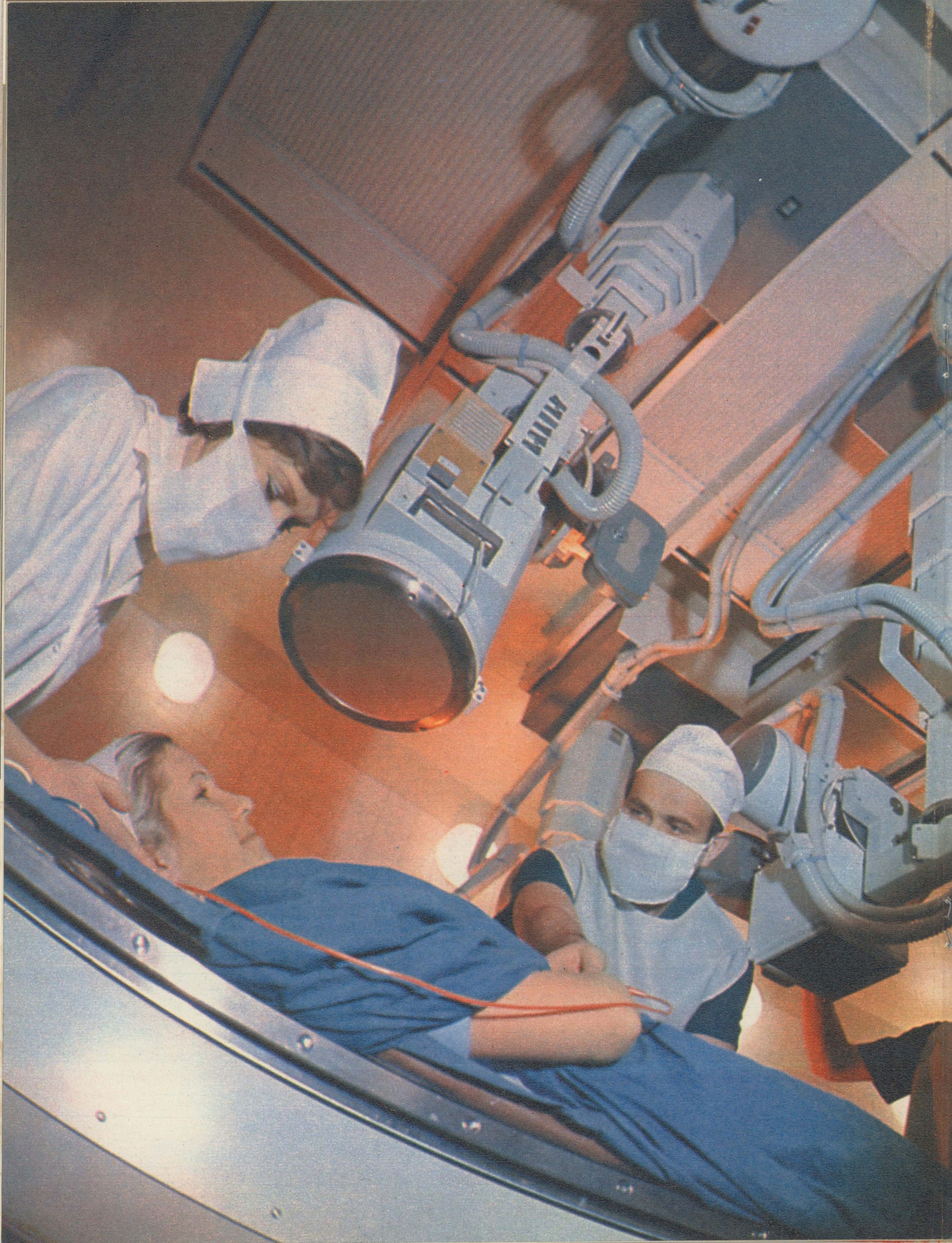
Первое, что бросается в глаза,— прямо-таки «космическая» аппаратная установка в центре операционной. Три мощные рентгеновские трубки (снизу, сверху и сбоку) дают возможность врачу стать «всевидящим» на любом участке распределительной системы человеческого организма.

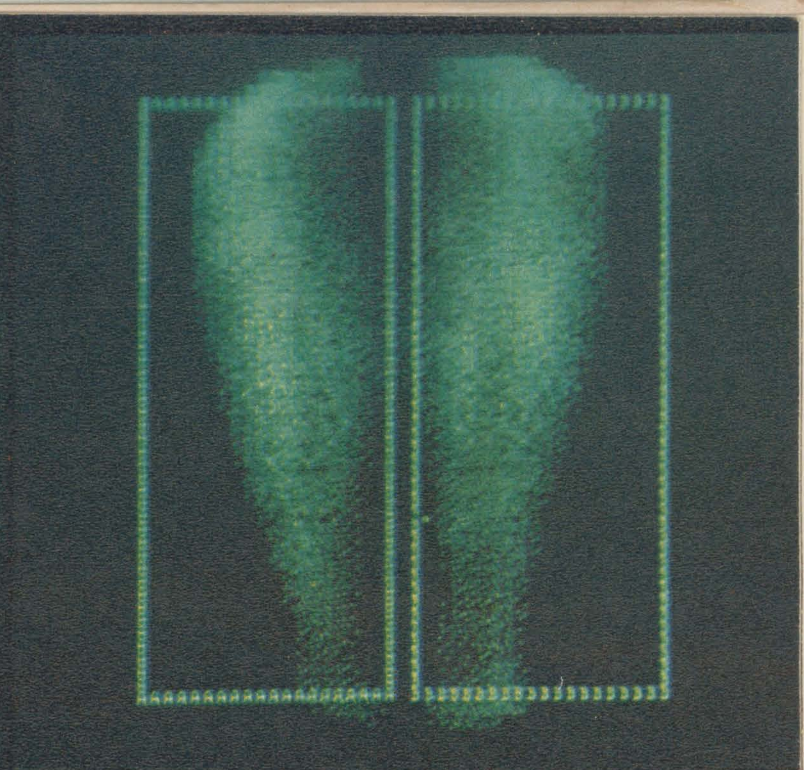
Я стою в дальнем углу, но имею возможность в мельчайших подробностях наблюдать за тем, что происходит в святая святых — человеческом сердце. Несколько телеэкранов, расположенных под потолком, фиксируют каж-

Академик АМН СССР Виктор Сергеевич Савельев проводит оперативку. ✻ Экстренный случай. Больного нужно немедленно оперировать.

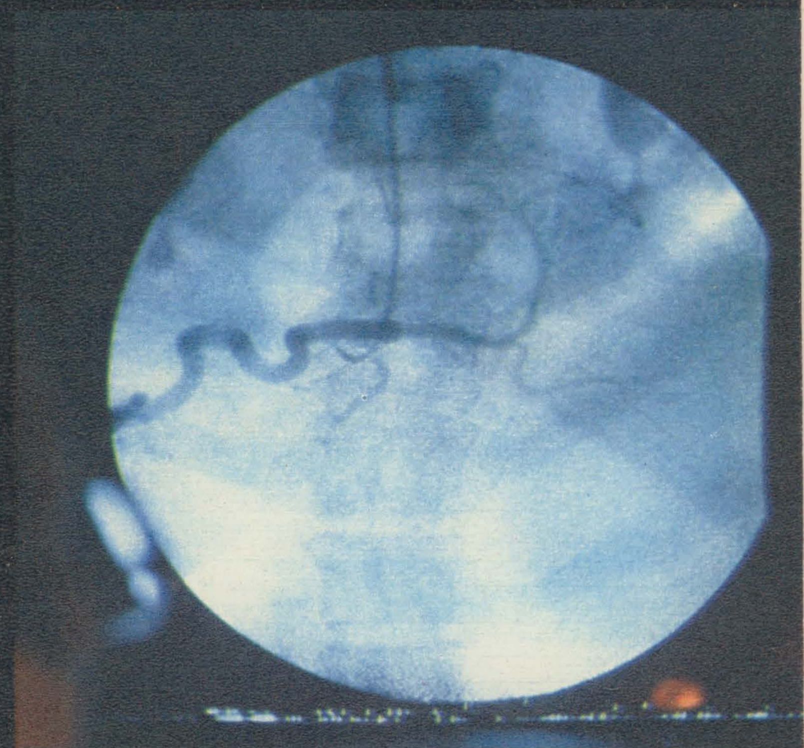
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Лаборатория внутрисердечных и контрастных методов рентгеновских исследований, которой руководит доктор медицинских наук Владимир Ильич Прокубовский, позволяет врачу стать «всевидящим».

дый «шаг» врача. Для этого даже нет необходимости погружаться в темноту.

Врач без видимого усилия ведет исследование, но по тому, как напряжены его глаза, как до предела сосредоточены движения, понимаешь: дается оно нелегко. Рядом со мной за ходом операции наблюдает старший научный сотрудник Степан Михайлович Колодий. Он и поясняет все, что происходит на экране.

— Сейчас пунктируется вена, и через кожу без обычного разреза, по специальной методике, усовершенствованной в нашей клинике, вводится сердечный катетер. Затем под контролем рентгенотелевидения он продвигается в правое предсердие, далее в правый желудочек и потом в ствол легочной артерии.

На экране отчетливо видно, как бьется сердце больной, не реагируя на вторжение инородного тела, не мешая исследованию. Понимаешь, насколько далеко вперед шагнула медицина XX века.

— Теперь все дело за контрастным веществом, — тихо говорит С. Колодий. — Следите внимательно, и вам все станет ясно.

Старшая сестра Ольга Пищикова подает шприц. Темный столбик устремляется по сосуду и, наткнувшись на препятствие, тут же фиксирует «узкое» место в легочной артерии. Здесь и расположился тромб, который гнездится в нижней полой вене, периодически с током крови посылая своих «гонцов» — крохотные кусочки ткани — прямо в сердце. Прорыв одного из них чуть было не оказался роковым для Ариадны.

Это предварительное исследование длится недолго. И вот уже клиницисты с точностью до миллиметра определили местоположение закупорки, степень ее активности.

— Весь ход исследования, — поясняет С. Колодий, — сейчас записывается на видеомагнитофон. Это на тот случай, если хирургам понадобятся дополнительные уточнения.

Когда Яблоков направился в операционную, он уже в деталях знал диагноз, с которым поступила экстренная больная. Потом, моя руки, он мысленно представил себе ход всей операции и уверенно шагнул в светлый прямоугольник с хорошо знакомыми ему запахами и тишиной.

Операция длилась час. Я терпеливо ждал.

— Евгений Георгиевич, к вам корреспондент. — В голосе медсестры отчетливо слышатся насмешливые нотки.

Мы давно знакомы с Е. Яблоковым, но от этого изумление его не становится меньше.

— Честно говоря, впервые приходится давать интервью в начале третьего, — устало говорит он, когда мы оказываемся в кабинете.

Он рассказывает об операции. К счастью Ариадны, машина «Скорой помощи» быстро доставила ее в больницу. Благодаря этому хирургу вовремя удалось приостановить движение тромба. На шее девушки была вскрыта маленькая вена, и в пораженный сосуд ввели специальное приспособление, напоминающее крохотный зонтик. Установленный против тока крови, он под напором ее раскрылся, тем самым преградив дорогу «мине замедленного действия».

Потом я узнал, что операции с применением «зонтика» были впервые выполнены в нашей стране в клинике В. Савельева и дали неплохие результаты. Таких операций проведено уже более двухсот, и многие пациенты вернулись к жизни.

Я слушал Евгения Георгиевича и думал о великом назначении хирурга, который первым идет на риск. Такими были предшественники В. Савельева — знаменитые хирурги XX века С. Спасокукоцкий, А. Бакулев. Таким является сегодня и лауреат Государственной премии академик АМН СССР В. Савельев. Такими воспитывает он и своих учеников.

В клинике факультетской хирургии Второго московского медицинского института проходят практику посланцы из разных стран. ✻ Валерий Михайлович Кошкин; кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник лаборатории функциональной диагностики. ✻ Гамма-сцинтилляционная камера. ✻ Операцию ведет доктор медицинских наук Евгений Георгиевич Яблоков.

театр

А ЕСЛИ НЕТ СЕНСАЦИИ?..

Варравин — А. Иванов, Важное Лицо — А. Пашутин, Муромский — Б. Чирков. Фото М. Строкова

Н. БАЛАШОВА

Спектакли как люди: у каждого своя жизнь, своя судьба. Одним, еще до их сценического рождения, предшествует шумная молва, заранее предрекается успех, создается реклама, и даже если потом оказывается, что возлагаемые на них надежды оказались неоправданными, дело уже сделано. Зритель заинтригован, а приобщиться к сенсации хочется каждому. Другие же спектакли — их, пожалуй, все-таки большинство? — рождаются порой не легко, но на сцену выходят спокойно, без шума и ажиотажа.

К сожалению, нередко и критики в одном случае щедро раздаривают незаслуженные комплименты, в другом обходят молчанием спектакли значительные. И хотя время от времени на страницах печати поднимается справедливый разговор о необходимости более объективного подхода в оценке произведений искусства, на долю одних постановок по-прежнему выпадают преувеличенные похвалы, другие обходятся молчанием...

Спектакль «Дело» А. Сухово-Кобылина на сцене Театра имени Гоголя идет не первый день, но пресса оказалась к нему более чем равнодушной. Быть может, известную роль сыграло самое имя автора (Сухово-Кобылин — драматург трудный), как и имя режиссера (Вит. Ланской), не обещавшее «сенсации»... Так или иначе спектакль как бы заранее зачисляется по разряду «традиционных», и публика, не имея информации, опасается скуки. А ведь какой это спектакль!.. В «Деле» заняты лучшие актеры Театра имени Гоголя во главе с Борисом Чирковым, что уже само по себе безошибочная гарантия успеха.

Так оно и есть. Б. П. Чирков страстно обличает зло страшного бюрократического «Дела» — невылазной паутины взяточнического судопроизводства, где безнадежно запутались честный, благородный Муромский — герой Чиркова, и его доверчивая дочь Лидочка (Л. Долгорукова и Л. Чиркова).

Но мысль спектакля еще глубже. Паучьи сети «Дела» цепко держат не только свои жертвы, от них не освободиться и самим «паукам», в каком бы чине они ни пребывали: ведь в мире, где все зиждется на купле-продаже, все переплетено, все связано воедино.

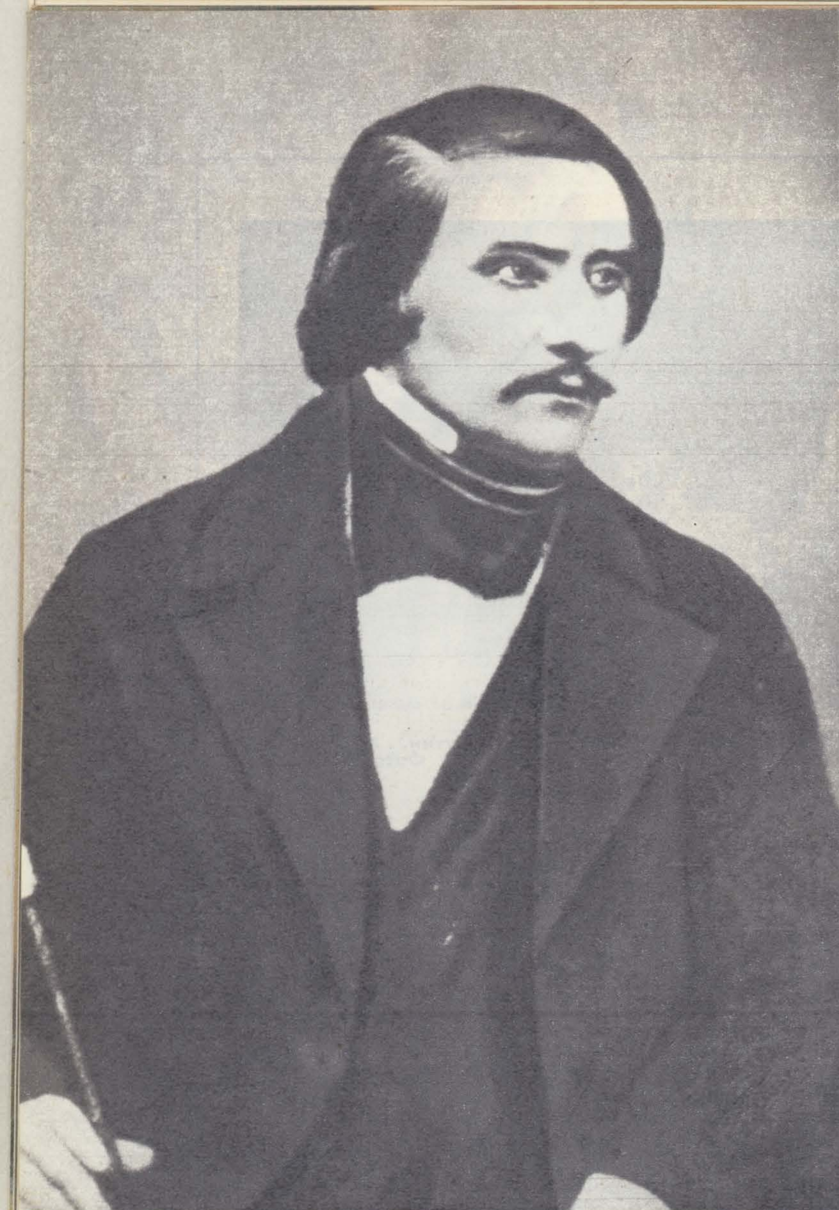
Вот оно, бюрократическое «начальство», главари «Дела». Самая страшная среди них, бездушная, почти мертвая сила — Варравин — таким играет его А. Иванов. Он весьма импозантен, по-своему даже красив, этот высокий, статный, в щегольском мундире чиновник; говорит спокойно, веско, почти не повышая голоса. Но какая же леденящая душу пустота застыла в его глазах, никогда не видящих собеседника! Одна только жадность, один расчет в его «общении» с обреченным на гибель Муромским...

В спектакле, кроме Варравина, есть еще весьма Важное Лицо: это фигура, состоящая словно бы из одних орденов, золотого шитья мундира и мутного взгляда поверх всех чиновничьих голов... Эта-то мелкая канцелярская сошка находится в самом низу и ожидает счастливого случая, чтобы вползти на ступеньку выше, — всей своей осанкой, поведением отвечая характеристике, которую дает Сухово-Кобылин, называя эту мелюзгу: «Подчиненности»... У них свои заботы, свои маленькие страстишки и удовольствия. Суетливая, убогая их жизнь идет как бы фоном, на котором разворачиваются главные события драмы, но тут не просто фон, а страшный заколдованный круг бюрократической машины — простому смертному отсюда не выбраться.

Понимает ли это Муромский? Догадывается ли об этом Лидочка? Где там! Даже после весьма толковых советов умнейшего (и при всей его честности хитрейшего, палец в рот не клади!) Разуваева (И. Смысловский) доверчивый и простодушный Муромский Чиркова никак не может постичь, что требуемая чиновниками взятка — «дело», само собой разумеющееся. Собственно, она-то, взятка, и есть самая суть «Дела». Отсюда тот сердечный жар, та горячая искренность, с которой Чирков — Муромский, все еще веря в возможность благополучного исхода, пытается объяснить чиновникам — от мала до велика — свое дело. А когда встречает с их стороны только подвох, обман, насмешку, взрывается неподдельным негодованием... Сломленный, униженный и оскорбленный, думая только о чести дочери, он так и рухнет, так и погибнет в чудовищной западне, уготованной ему Варравиным, не в силах осознать до конца пределов человеческой подлости, но убитый этой подлостью на пороге чиновничьего обиталища.

Точная режиссерская мысль счастливо сочетается в этом спектакле с высоким профессиональным мастерством и эмоциональной насыщенностью актерского исполнения. Отсюда ощущение свежести, премьерности работы театра. Кажется, будто спектакль вышел на сцену лишь вчера. Отсюда то дорогое чувство ансамбля, которое рождается при условии полного единомыслия участников постановки. И все это при том, что режиссерское решение не предполагает никаких «ультрамодных» новаций, не пользуется приемами «аллюзии». Здесь нет, короче говоря, и намека на сенсацию. А вместе с тем этот спектакль — новое открытие классики, пьесы, давно не игранной в столице. Зал чутко реагирует на каждое слово, звучащее со сцены, потому что борьба за справедливость, за утверждение человеческого достоинства, борьба с подлостью и жестокостью вечно будет волновать, пока существует зло, какие бы формы оно ни принимало.

Хороший, ценный спектакль куда более значителен и благороден, чем многие шумные, мнимо новаторские сценические поделки.

Н. В. Гоголь. С дагерротипа 1844 года.

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

ИМЯ МОЕ БУ

Всего сорок три года прожил Гоголь. А в нашем сознании он, умудренный тяжким опытом художник, открывший новый мир, в который вошли за ним люди. Но повторим слова поэта: «Заглянувшему в новый мир Гоголя, верно, надолго становился как-то скучным разумный возраст человека». Потому что Гоголь — весь прозрение, весь полет к какой-то лишь ему видимой сияющей точке, во сне ли привидившейся, въявь ли мерцающей. «Дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней! Садись мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтоб не видно было ничего, ничего! Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает в дали, лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане... вон и русские избы виднеются. Дом ли это мой синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном?»

Так Россия манит к себе Гоголя, распахнув перед ним истинно душу.

«Русь! Русь!.. Какая же непостижимая тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?.. Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами?»

Свою страну открыл Гоголь заново, и замерли люди, остановились, пораженные его прозрением. И потому справедливы слова Андрея Белого, сказавшего: «Гоголь имеет право на равное место с Толстым и Достоевским. Преимущество его в том, что он первый: по времени... Гоголь — сама эпопея прозы, поскольку в ней русский народный язык влил жизнь в «литературу и только»... Там, где были местные и сословные языки, стал «язык языков», гибкий в оттенках перехода: от наречия к наречию. И новый язык зажег жизнь в лучших наших прозаиках-классиках».

Уже современники поняли значение Гоголя, а это случается не так часто. Пушкин и Белинский, Чернышевский и Герцен увидели в нем гения литературной эпохи, положившего начало новой русской литературе. «Цельная, полная художественная натура Гоголя,— заметил А. Григорьев,— так сказать, разветвляется в различных сторонах современной словесности».

Влияние Гоголя испытали многие писатели XIX и XX веков. Тургенев, Григорович, Толстой, Достоевский, Островский, Салтыков-Щедрин, Лесков, а в нашем недалеком прошлом, конечно, Булгаков. Все они слышали музыку Гоголя, шли по его пути. С его появлением изменилось само понятие «проза» и русская литература стала первой в мире. Исток того — в Гоголе, пророчески написавшем в 1848 году: «Знаю, что имя мое после меня будет счастливее меня».

АРАБЕСКИ

ГОГОЛЬ В ДОКУМЕНТАХ И ПИСЬМАХ

О СЕБЕ

...Первые мои опыты, первые упражненья в сочиненьях, к которым я получил навык в последнее время пребыванья моего в школе, были почти все в лирическом и сурьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочиненьях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самых ранних суждениях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как крупные, так мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление...

Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и в заключенье всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ» (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему). На этот раз и я сам уже задумался сурьезно,— тем более, что стали приближаться такие года, когда сам собой приходит запрос всякому поступку: зачем и для чего его делаешь?..

Н. Гоголь «Авторская исповедь»

Н. В. ГОГОЛЬ — А. С. ПУШКИНУ

Пб. 7 октября 1835 г.

...Начал писать «Мертвых душ». Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если же сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и клянусь — будет смешнее чорта! Ради бога, ум и желудок мой оба голодают. И пришлите «Женитьбу». Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни «Арабески», ни «Миргород» не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит! Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

О СЕБЕ

...С этих пор я стал наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моею собственной дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало. Если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебе только то, что когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ», в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, и наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее отсутствие света. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мертвые души». Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их, которая должна быть навеки их уделом.

Четыре письма по поводу «Мертвых душ». (Письмо 3-е)

ДЕТ СЧАСТЛИВЕЕ МЕНЯ

ИЗ СТАТЬИ А. И. ГЕРЦЕНА «О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»

...После «Ревизора» Гоголь «обратился к поместному дворянству и выставил напоказ этот неизвестный народ, державшийся за кулисами вдали от дорог и больших городов, схоронившийся в глуши своих деревень,— эту Россию дворянчиков, которые, хотя и живут без шума и кажутся совсем ушедшими в заботы о своих землях, но скрывают более глубокое развращение, чем западное. Благодаря Гоголю мы, наконец, увидели их выходящими из своих дворцов и домов без масок, без прикрас, вечно пьяными и обжирающимися: рабы власти без достоинства и тираны без сострадания своих крепостных, высасывающие жизнь и кровь народа с тою же естественностью и наивностью, с какой питается ребенок грудью своей матери.

«Мертвые души» потрясли всю Россию.

Подобное обвинение необходимо было современной России. Это — история болезни, написанная мастерской рукой. Поэзия Гоголя, это крик ужаса и стыда, который испускает человек, унизившийся от пошлой жизни, когда вдруг он замечает в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы такой крик мог раздаться из чьей-либо груди, нужно, чтобы были и здоровые части, и большое стремление к реабилитации.

О СЕБЕ

...Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого, точно, нет у других писателей. Оно впоследствии углубилось во мне еще сильнее от соединения с ним некоторого душевного обстоятельства. Но этого я не в состоянии был открыть тогда даже и Пушкину.

Это свойство выступило с большей силою в «Мертвых душах». «Мертвые души» не потому так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее, чтобы они раскрыли какие-нибудь ее раны или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей.

Четыре письма по поводу «Мертвых душ». (Письмо 3-е)

Пушкин. Рисунок Н. В. Гоголя.

СУДЬБА РУКОПИСЕЙ

Василий ОСОКИН

Казалось бы, жизнь и творчество Николая Васильевича Гоголя изучены весьма основательно, а между тем в его писательской биографии еще немало загадок.

Самая важная поисковая проблема «Гоголианы» связана с историей беловой рукописи второго тома «Мертвых душ». По единодушному утверждению всех лиц, знавших ее хотя бы частично, эта окончательная редакция рукописи была произведением замечательным. Она отличалась от ранних черновиков второго тома «Мертвых душ», которые мы знаем по публикации 1855 года, сделанной наследниками писателя после его смерти.

Но было ли что-нибудь найдено после опубликования этих четырех с половиной глав черновика и каковы перспективы дальнейших разысканий рукописи? В 1951 году в издательстве Академии наук СССР вышел VII том Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя. В него включены несколько неизвестных отрывков из второго тома бессмертной поэмы. В свое время близкий знакомый писателя, историк М. П. Погодин, узнав, что Гоголь, готовясь к смерти, уничтожил ненужные бумаги, тайно приехал к нему на квартиру и, видимо, с помощью гоголевского слуги казачка Семена собрал разрозненные клочки в наволочку, сунул их в чемодан и увез к себе. Вдова Погодина продала эти драгоценные обрывки академику Кулику, а впоследствии они попали к известному коллекционеру П. Я. Дашкову.

Уже после того, как был опубликован VII том, а именно в 1953 году, ленинградский литературовед Г. Фридлендер в сборнике «Литературный архив» (выпуск IV) напечатал свою находку — новый отрывок из рукописи второго тома. Оказывается, литературоведы сочли этот отрывок относящимся к «Выбранным местам из переписки с друзьями» и не придали ему особого значения.

Итак, исследователи продолжают находить черновые наброски первоначальных редакций второго тома «Мертвых душ». Но вот вопрос: если Гоголь вместо черновиков уничтожил беловик, то есть самую окончательную редакцию поэмы, то куда же девались черновики этого, последнего варианта? Ведь если бы они нашлись, то потеря беловика была бы уж не столь чувствительной.

В свое время мне довелось, разрабатывая гипотезу некоторых исследователей, высказать предположение, что эти последние черновики мог скрыть граф А. П. Толстой, в квартире которого жил и умер Гоголь. Замешанный в интригах и смещенный со всех постов без права занимать государственные должности, он искал подходящего случая восстановить свою репутацию.

После смерти Гоголя он стал усердно хлопотать об издании религиозных сочинений писателя. А если бы обнаружилось, что в квартире А. П. Толстого создавалось произведение, подрывающее устои монархии, то дальнейшая карьера графа была бы кончена.

Но какие у нас основания полагать, что второй том «Мертвых душ», как и первый, был в его законченном виде сатирическим?

Из опубликованных черновиков (а иные места в них до некоторой степени сюжетно совпадали, по свидетельству современников, с беловиком) мы знаем, что в произведении этом по-прежнему жил и действовал наш старый знакомый, непревзойденный плут и мошенник, «милейший» Павел Иванович Чичиков, который продолжал добывать «мертвых»; теперь он принялся еще и за грандиозную аферу с подделкой завещания... Сам Гоголь, отвечая на слухи о том, что во втором томе будут даны «идеальные» герои, писал, что он по-прежнему изображает «героев недостатков» и лишь характеры разработаны глубже и значительней.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства среди бумаг А. В. Никитенко хранится его запись, сделанная при получении известия о сожжении Гоголем рукописи:

«Это решительно одно из тех капитальных творений искусства, которые переживают века. На сцене являются все новые лица, до того типические и живые, что становится страшно, как сделалось страшно, когда какая-нибудь античная статуя сдвинулась бы вдруг со своего пьедестала и пошла. Тут являются лица с трагической физиономией и между ними тот же Чичиков и множество комических и юмористических изображений мастерской, почти шекспировской отделки. В последних частях идея «Мертвых душ» переменяет свой характер, и это одна из замечательнейших сторон книги. Выходит, что мертвые души не те, которых скупал Чичиков, а души тех, у которых он покупал. Тут сочинение становится колоссально величественным, грозным, не поэмой, как он его называл, а трагедией национальной. И все это пропало! Потеря действительно важная. Такое сочинение именно теперь нужно, и оно принесло бы несчетно много добра».

...Настойчивый и терпеливый исследователь повсюду ищет нужные ему материалы, пытается проникнуть во все имеющие отношение к делу архивы, изучить все бумаги. В наши дни, когда имеются указатели по ряду архивов, эта задача облегчается. Нет никаких сомнений, что наши сведения о неизвестных рукописях Гоголя будут пополняться, что вполне возможны интересные, а может быть, и неожиданные находки. Но ведь иногда к находкам приводит и новое внимательное прочтение старого, казалось бы, известного документа. Так произошло и тогда, когда в одном из томов последнего академического собрания сочинений Гоголя были опубликованы его «Записные книжки». Они оказались, конечно, тесным образом связаны с работой писателя над вторым томом, и хочется думать, что некоторые записи являются едва ли не фрагментами произведения. Вот хотя бы такие:

«И одним цветом белым рисует зима. Бедный цвет, но... какая изобретательность... Эти роскошные завесы, снеговые глыбы, покрывающие от корней до верха большие и малые дерева; это множество жемчугу и брильянтов, сверкающих при свете солнца и луны; этот недвижный, величественный вид растений, как будто выточенных из слоновой кости, это многозначительное безмолвие и тишина, этот полумрак днем и полусвет ночью».

«И вдруг яр среди ровной дороги — обрыв во глубину и вниз, и в глубине леса, и за лесами — леса, за близкими, зелеными — отдаленные синие, за ними легкая полоса песков серебряно-соломенного цвета и потом еще отдаленные леса, легкие как дым, самого воздуха легчайше.

Над стремниной и кручей махала крыльями скрипучая ветряная мельница».

«Ива, плетень и куры.

Сорока села на брюхо свинье, побрататься, но скотина не шевелилась, лежа в луже, ленивым хрюканьем изъявляя неудовольствие от постороннего прикосновения».

Прав был С. Т. Аксаков, заявлявший, что талант писателя после трагической неудачи «Выбранных мест из переписки с друзьями» не угас, а вспыхнул с новой чарующей силой. И нужно надеяться, что найдутся еще новые прекрасные фрагменты бессмертных произведений Николая Васильевича Гоголя.

ЕГО ОТЧАЯНИЕ И ЕГ

Критик и литературовед И. П. Золотусский закончил книгу о Н. В. Гоголе, которая выходит в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». В дни 170-летнего юбилея Гоголя «Огонек» печатает в несколько сокращенном варианте главу из новой книги.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

> «...«Мертвые души», преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования».
>
> Гоголь — А. С. Данилевскому, май 1842 г.

«Мертвые души» часто сравнивают с «Илиадой». Да и сам Гоголь не очень спорил с теми, кто сопоставлял его поэму с поэмой Гомера. Косвенно он давал понять, что сходство есть — не в материале, а в масштабе, в замысле и в духовном просторе, который он стремился обнять. Чичиков в отличие от своих предшественников вырывается. А до него...

Колдун в «Страшной мести» пытался, но уперся в стену Карпатских гор. Поприщин улетал на тройке в воображении, Хлестаков — где-то за сценой и не так уж далеко — в Саратовскую губернию. Чичиков же, судя по его подорожным, сумел везде побывать — и на севере, и на юге, и на Волге, и бог знает где. Он и на границе служил, и Малороссию объездил, и в Белоруссии и Польше побывал. Он вольный казак в отличие от своих прикрепленных к департаментским стульям предшественников. Он перекати-поле, он «запорожец» в некотором роде, хотя и носит чин коллежского советника. По чину ему положено было бы сидеть на месте, расти на этом месте и произрастать, накапливать крестики и оклад, пенсию и движимое-недвижимое. Он же волею судеб брошен в житейское море и носится по его бурным волнам, как челн, ломая в щепы борта и обрывая парус, прибиваясь и не прибиваясь то к одному берегу, то к другому.

Чичиков, надорвавшись на легких предприятиях (имевших, правда, в перспективе капитальную цель), ищет покоя и прочности. Он хочет осесть, перестать ездить и для того ездит.

Сравнивая его с прежними гоголевскими героями, мы видим, как противоположен он им, как замешан совсем на иных дрожжах, как даже готов отречься от них, посмеяться над ними, над всеми их воздушными замками, несуществующими невинными красавицами, Испаниями, орденами Владимира III степени. Он «хозяин», «приобретатель» — не вертопрах. Я бы назвал его реалистом в отличие от Хлестакова, Поприщина, майора Ковалева и даже поручика Пирогова.

Те были р о м а н т и к и. Они пускались за шлейфом женского платья, который, как тот снег, который черт напускает в глаза голове в «Ночи перед Рождеством», приводил их не туда, обещал им конфуз и посмеяние. Они начинают с неопределенных мечтаний и упований на случай, на бог знает что — Чичиков начал с копейки. С одной-единственной, неделимой, которую превратил в пятьсот тысяч. Не в том смысле, что копейку эту пустил в оборот (на самом деле была полтина, которую оставил ему отец), а копейку души своей положил в основание того дома, который он собирается строить где-то в Херсонской губернии.

Вспомните дорожную шкатулку Чичикова — это же поэма! Это поэма о приобретательстве, накопительстве, выжимании пота во имя полумиллиона. Куча Плюшкина — это бессмысленное накопительство и уничтожение накопленного, шкатулка Чичикова — уже предвестие деловитости Штольца, да и сам Чичиков говорит, как бы обещая гончаровского героя: «Нужно дело делать».

Да, Чичиков реалист, да, он не Хлестаков, не Поприщин, не Собачкин, не Ковалев. Да, его надуть трудно. Сам он надувать мастак. Но м е ч т а Чичикова в той ситуации, в которой он действует, разве не мечта? Разве это тоже не некая ненадежность, некий воздушный замок, хотя и выстроенный, кажется, на прочном фундаменте миллиона? Почему же тогда то и дело сгорает и прогорает гоголевский герой, почему его аферы, сначала так возносящие его вверх, всякий раз лопаются, не удаются? Риск, закон риска? Конечно. Ведь он плутует, а плут не может не рисковать. И из взлетов и падений состоит жизнь плута — таков уж з а к о н. Но все же, но все же...

Смог ли бы отъявленный и прожженный плут так довериться Ноздреву, так ему сразу и ляпнуть насчет «мертвых»? Разве не понял бы он, что Ноздрев все разболтает? Афера Чичикова фантастична, романтична, потому что действует он в фантастической стране и он вынужден — несмотря на логику своего «приобретательства» — подчиняться законам действительности. Он вынужден увлекаться против своего желания, он не может иначе, потому что дело делать в России по законам дела немыслимо. Потому что тут с одной стороны — Собакевич, который все понимает и будет врать до конца, который молчун и себе на уме, а с другой — пребывающий в именинах сердца Манилов, который может брякнуть о деле совсем не по-деловому, или Коробочка, которая вовсе не понимает, что на свете происходит, и простодушно отправляется в город, чтобы узнать, не продешевила ли она «мертвых».

Задумывая свое очередное «дерзкое предприятие» — аферу на таможне,— Чичиков математически вычисляет его, готовит, подготавливает. Он не надеется на случай, на какое-то постороннее вмешательство чудесных сил. Он не сидит и не ждет (как Подколесин), например, что счастье само свалится на него с неба. «Тут в один год он мог получить то,— пишет Гоголь,— чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы». Но как ни строил это предприятие Чичиков, как ни мастерил и не подстраховывался заранее, строил-то он на русской почве. И полетело прахом ловко задуманное предприятие, и исчез, как облако, уже обладаемый им миллион. И из-за чего? Из-за пустяка. Из-за бабы.

Началось все, как в повести об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче. «Черт сбил с толку... перебесились и поссорились ни за что». Как-то в жарком разговоре, а может быть, несколько и выпивши, Чичиков назвал другого чиновника (своего компаньона по «предприятию».— И. З.) п о п о в и ч е м, а тот, хотя действительно был попович, неизвестно почему обиделся жестоко... «Нет, врешь: я статский советник, а не попович, а вот ты — так попович!» И потом еще прибавил ему в пику для большей досады: «Да, вот, мол, что!»

Последовал д о н о с, но и «без того была у них ссора за какую-то бабенку, свежую и крепкую, как ядреная репа...». В итоге «бабенкой воспользовался какой-то штабс-капитан Шамшарев», а Чичиков и его оскорбитель были изгнаны со службы и взяты под следствие.

Ну скажите, какой же тонкий плут себе такое позволит, какой «хозяин» так неосторожно осечется? Это романтик себе может позволить, мечтатель, а не тот, кто задумал в один год пересчитать двадцать лет. Реалист Чичиков срывается на романтизме, на недостаточной холодности, железности. Неся в себе все черты «подлеца», он все же подлец какой-то странный, с заскоками, с отклонениями в какие-то хлестаковские прыжки и поприщинские безумства.

А история с губернаторской дочкой? Разве не она подвела его окончательно? Разве не на ней он срезался капитально и выпустил из рук, может быть, уже готовое порхнуть ему в руки счастье? Не пренебреги Чичиков вниманием городских дам, обделай он свой интерес к губернаторской дочке тонко, тайно, не публично, все было бы прекрасно и, глядишь, сосватали бы его те же дамы и под венец отвели, да еще говорили бы: «Какой молодец!» А он рассиропился, он на балу свои чувства выказал — и тут же был наказан. Не ополчись на него губернский женский мир, сплетни Ноздрева и россказни Коробочки ничего бы не сделали. Те же дамы снесли бы их в мусорный ящик. Но пламя разгорелось из-за них.

Как всегда у Гоголя, в д е л о встряла женщина — и полетело вверх тормашками дело, лопнула логика, рухнуло предприятие, затевавшееся ловким мужским умом.

Падения Чичикова позорны и конфузны — они напоминают падения гоголевских хвастунов и мечтателей, испанских королей и разочаровавшихся идеалистов. Но — в отличие от них — он вновь берется за дело.

Обтерев грязь со своего фрака и припрятав кое-какие оставшиеся деньжонки, он в который раз начинает с нуля, не отчаиваясь, не сдаваясь, а лишь «съеживаясь» и собирая свою волю в комок. Эти героические усилия Чичикова выдают в нем в некотором роде г е р о я, хотя героизм Чичикова комичен — он преследует ничтожные цели. Да и сам приступ неприступной крепости миллиона выглядит в поэме пародией на героику, как, впрочем, пародируется Гоголем и сама история.

Историческая тема, можно сказать, въезжает вместе с Чичиковым в город. Не успевает он расположиться в трактире и заказать себе сосиски с капустой, как на него взглядывают с исторических полотен исторические лица, которым предстоит созерцать его русский обед. Чичиков поедает свои сосиски, мозги с горошком, пулярки и пирожки, а исторические герои, смотрящие с картин, только облизываются.

Как тени, сопровождают Чичикова в его странствиях образы всяческих всадников и полководцев, вождей и мировых знаменитостей. В доме Собакевича, пока между ним и Чичиковым идет деловой разговор, пока они торгуются и не сходятся в цене на «мертвых», эти портреты (тоже в некотором смысле «мертвые души») смотрят на них со стен, принимая участие в торге...

И вот возникает перед нашими взорами храм Фемиды — палата, где в председательском кресле восседает некто, подобный «древнему Зевесу Гомера», а в залах и передних толкутся кувшинные рыла и их жертвы. До этого мы еще побываем в страшном «замке-инвалиде» — доме Плюшкина, от которого пахнет на нас пародией на средние века.

Титульный лист «Мертвых душ». Рисунок Н. В. Гоголя.

Замок Плюшкина с его «кучей» так же смешон, как «турецкие кинжалы» на стенах дома Ноздрева, выделанные «мастером Савелием Сибиряковым». Столь же смешон и жалок Зевес — председатель, объедающийся семгой, выловленной другим героем поэмы — «чудотворцем» и «отцом города» полицмейстером — выловленной не в реке, а в лавках купцов, славящих своего «благодетеля». Этот полицмейстер, между прочим, участвовал в кампании 1812 года и «лично видел Наполеона».

Эта близость великой войны и великих событий еще более усиливает пародийность происходящего. Там сражались настоящие воины, здесь сабля мирно ездит в бричке вместе с Чичиковым — ездит на всякий случай, «для внушения надлежащего страха кому следует». Позже пародийная тема 1812 года всплывет в рассказе почтмейстера о капитане Копейкине, и тут мы услышим, как зазвучит в ней тоска Гоголя по героическому и жажда его.

Называя себя «историком предполагаемых событий» Гоголь как бы высмеивает и свою роль летописца, который вынужден повествовать о делах мелких, суетных и столь ничтожных, что люди, участвующие в них, выглядят не более мухи — с мухами и мушками Гоголь не раз сравнивает как живых, так и мертвых героев поэмы. Как мухи, облепившие рафинад, ползают и перелетают с места на место губернские жители на балу, как мушки, налеплены в списке умерших крестьян Плюшкина их фамилии. Сам Плюшкин сравнивается с пауком, оплетающим паутиною все живое, что находится вблизи него.

Тузову и смеясь над простодушной «дубиноголовой» Коробочкой, он готов покинуть ее дом, о существовании которого через минуту уже забудет, ибо что можно помнить о Коробочке?

И тут автор останавливает его. Наступает неожиданная пауза в поэме, которая как будто растворяет двери повествования, и в него входит сам Гоголь. Идет лишь третья глава, а он уж здесь — уже не выдерживает его смех, и «грозная вьюга лирического вдохновения» возникает на горизонте. Ничего не произошло: просто настала тишина, просто герой окаменел и отодвинулся куда-то в глубь сцены, и вместо него заговорил автор. Дрогнуло сердце комика, и он сам взял слово. Вот это отступление:

«Но зачем так долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь или нехозяйственная — мимо их! Не то на свете дивно устроено: веселое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним, и тогда Бог знает что взбредет в голову. Может быть, станешь даже думать: «Да полно, точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования? Точно ли так велика пропасть, отделяющая ее от сестры ее, недосягаемо огражденной стенами аристократического дома с благовонными чугунными лестницами, сияющей медью, красным деревом и коврами... Но мимо! мимо! Зачем говорить об этом? Но зачем же среди недумающих, веселых, беспечных минут сама собою вдруг пронесется иная чудная струя (разрядка моя.— И. З.)? Еще смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим

О НАДЕЖДА

Порой содрогаешься от внутреннего холода описаний и портретов, который пронизывает первые главы «Мертвых душ». Холод «охлажденного сердца» Чичикова, кажется, веет и на пейзаж, и на людей, и на описания того, что движется и живет. Как некий «болид» проносится экипаж Чичикова сквозь всех этих маниловых, коробочек, собакевичей, и отстраненный взгляд героя, схватывающий их безжизненные черты, есть глядящий из замораживающей дали взгляд Гоголя, уже тогда почувствовавшего угасание и холод в сердце.

Сам Чичиков стерт, как-то усредненно-обезличен: он «господин средней руки», и все в нем средне: средний чин, средние лета, средний вес, средний голос. И лицо среднее — не то чтоб очень полное, но и полноватое, не тощее, но и не толстое — лицо, как город, в который он въехал: город так себе, как все города. И трактир здесь, как везде, и номер в гостинице, и кушанье, которое подают в трактире, и городской сад, и вид домов (серое с желтым), и сами «сановники» города как везде — во всяком губернском городе России. Никто и ничто здесь не выдается, не вырисовывается, не кричит о себе необыкновенной особенностью, крупною чертой: и лавки те же, и сидельцы в лавках, и самовары, и пряники, похожие на мыло, и мыло, похожее на пряники. Чичиков точно такой же, как город: в его лице ни отметинки, ущербинки, ни мушки, ни бородавки — круглое лицо, ровное лицо, и пахнет Чичиков не своим незаменимым запахом, как Петрушка, а запахом французского мыла, голландских рубашек и душистою водой — бог знает чем, только не человеком.

Но вот доезжает наш герой до дома Коробочки, въезжает в ворота измокший, грязный, как истинная барка, выброшенная на сухой берег волею Зевса. Выспавшийся и обсохший, приятно забывшийся в толстых перинах, предложенных ему хозяйкой, он садится утром за стол, поедает ее блинцы, совершает сделку и готовится отправиться дальше. Мысленно подмигивая глядящему на него со стены Ку-

среди тех же людей, и уже другим светом осветилось лицо...»

Кажется, это не отрывок из «Мертвых душ», а страница из «Тараса Бульбы». И мы не ошибемся, если предположим, что писались они, может быть, в одну ночь или по крайней мере друг за другом, ибо именно в эти дни приступил Гоголь к переделке своей поэмы о запорожцах. Мы вновь слышим прежнего Гоголя — Гоголя «Бульбы», «Старосветских помещиков», «Записок сумасшедшего». Как будто оглянувшись на дом Коробочки, вспомнил он вдруг другую помещицу — Пульхерию Ивановну и подумал: это она стоит на крыльце — Коробочка, оставшаяся без своего Афанасия Ивановича и ушедшая от этого в котлеты и шанежки, в пух и перо. И у нее были светлые минуты, была юность, была любовь...

Смех Гоголя разбивается об это горькое и сострадательное «зачем?», которое он потом задаст почти каждому герою поэмы (Собакевичу, умершему прокурору, самому Чичикову) и которое отныне станет сопровождать его до самого конца. Эта пауза не отпадет сама собой, не выпадет из действия поэмы, а, надломив ее ритм, станет новым ритмом и интонацией повествования, новой чудной струей, вливающейся в доныне охлажденные ее волны.

Отныне не половой будет поддерживать под руки Чичикова, а сам Гоголь возьмет на себя эти функции, правда, в переносном смысле — он не тело Павла Ивановича будет поддерживать, а разжигать в нем (и в себе) угасший дух. Останется ли его герой один на один с Собакевичем, он и о Собакевиче задумается, взглянет ли в глаза Плюшкину, так увидит мелькнувший в них на мгновение теплый луч. Заснет ли укачиваемый бричкой, так приснится ему собственное детство, бедное на радости, и иным светом озарится лицо самого Чичикова.

Иная чудная струя, слившись со струей смеха, даст сплав, присущий только Гоголю и, пожалуй, в чистом виде только «Мертвым душам», в которых более, чем где-либо, выразятся его отчаяние и его надежда.

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА

Николай Васильевич Гоголь за свою недолгую жизнь так и не завел себе своего угла. Гоголь жил или «гнездился», как в шутку говорил В. А. Жуковский, у своих друзей или знакомых, изредка лишь навещая мать и сестер в родовой Васильевке, на Полтавщине. А путешествия писатель любил страстно: они давали пищу воображению, позволяли ближе узнать бесконечно любимую им Россию, «озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы». И где бы ни путешествовал писатель — по России, Украине или в далеких зарубежных городах,— его всегда тянуло в Москву, где у него было много искренних и преданных друзей. «Москва больше расположена ко мне... Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне»,— писал он М. П. Погодину, в московской городской усадьбе которого на Девичьем поле остановился, возвратившись вместе с ним из Вены в 1839 году.

Счастливо сохраненная временем «Погодинская изба» и часть парка усадьбы напоминают об историке Погодине и тех днях, когда в мезонине погодинского дома (дом не сохранился) жил и работал Н. В. Гоголь, а позже в резном, прекрасном домике устраивались «погодинские среды» с его участием, на которых бывали виднейшие представители литературной и театральной Москвы. 9 мая 1840 года, в «Николин день», в погодинском соловьином саду отмечались именины Гоголя.

Среди собравшихся гостей Гоголя были: П. А. Вяземский, М. Ф. Орлов, А. И. Тургенев — бывшие члены литературного общества «Арзамас», С. Т. и К. С. Аксаковы, П. В. Нащокин и А. С. Хомяков, П. М. Садовский и М. С. Щепкин, М. Ю. Лермонтов и Е. А. Боратынский. По воспоминаниям С. Т. Аксакова, великий поэт молодой России «Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно...».

В усадьбе на Девичьем поле Гоголь написал вторую редакцию «Тараса Бульбы», «Портрет», работал над «Мертвыми душами». И еще один московский адрес Гоголя — сохранившийся до наших дней дом на Никитском бульваре (ныне Суворовский бульвар, 7), отстроенный в 1816 году капитаном лейб-гвардии Измáйловского полка А. И. Талызиным после московского пожара 1812 года.

В «талызинском доме» Н. В. Гоголь прожил последние четыре года своей жизни. Во дворе дома на постаменте с барельефами своих героев, закутавшись в широкий плащ с пелериной, — писатель, великолепно изваянный в бронзе скульптором Николаем Андреевичем Андреевым.

Жил Гоголь в двух комнатах первого этажа, где ныне трудами сотрудников разместившейся здесь городской библиотеки № 2 воссозданы интерьеры и впервые 3 ноября 1974 года открыты для посетителей комнаты писателя — единственный в России гоголевский мемориал.

Мелодично фиксируют ход времени старинные часы английской фирмы «Нортон», за ширмами — простая жесткая кровать, на высокой конторке — гусиное перо и стальной звонок для вызова слуг. Цвет стен комнат — мягко-зеленый, любимый писателем. Все воспроизводимое здесь, в доме, вплоть до печных заглушек и оконных шпингалетов, сверяется с воспоминаниями современников Н. В. Гоголя, сохранившимися планами дома. Над лестницей, ведущей на второй этаж (была она более пологой и на две ступеньки выше — уточняют работники библиотеки),— портрет Гоголя работы И. Е. Репина.

Здесь регулярно проводятся «гоголевские среды», воскрешающие традиции «погодинских сред» на Девичьем поле.

Г. БЛЮМИН

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Владимир НИКОЛАЕВ

ЧТО ЗА КОМИССИЯ, СОЗДАТЕЛЬ!..

Как известно, президент США Джон Кеннеди был убит 22 ноября 1963 года. Дело, казалось бы, давнее, что его ворошить сегодня? Но именно в наши дни, более чем пятнадцать лет спустя, оно снова привлекло к себе всеобщее внимание. Потому что впервые за все эти годы официальные американские власти в лице специальной комиссии конгресса США поставили под сомнение выводы проведенного в свое время следствия по делу об убийстве президента. Это стало сенсацией, но ее ожидали давно. Едва успели отгреметь выстрелы, сразившие Кеннеди, как в ходе следствия начались такие странности, какие не могли не вызывать, мягко говоря, недоумения.

Итак, в тот роковой для него ноябрьский день Кеннеди прибыл в Даллас, столицу штата Техас. В открытой машине ехал по улицам, приветствуемый толпами горожан. Вдруг раздались выстрелы. Кеннеди был убит, сидевший рядом с ним губернатор штата Техас Коннэлли ранен. Это случилось в полдень, в 12.30, а уже в 13.53 полиция арестовала некоего Ли Харви Освальда, и ему было предъявлено обвинение в убийстве президента. На допросах Освальд утверждал, что он ни в чем не виновен.

А через два дня Освальд был убит. Его намеревались перевести в другое место заключения. В окружении полицейских и репортеров он шел по коридору строго охраняемого здания. И вдруг неизвестно как проникший туда абсолютно посторонний человек на глазах у всех в упор стреляет в Освальда. Убийца оказался Джеком Руби, жителем Далласа, владельцем ночного клуба. Руби был хорошо известен полиции из-за своих связей с миром организованной преступности.

Примечательная деталь: Освальд за несколько мгновений до смерти от руки Руби спокойно вышел из лифта в подвальном помещении управления шерифа Далласа, его не смущали ни репортеры, ни яркий свет юпитеров телевидения, но как только на глаза ему попался Джек Руби, Освальд изменился в лице, явно испугался и успел крикнуть: «О! Нет!» И тут же пистолет Руби заставил Освальда замолчать навсегда.

Руби посадили в тюрьму, где он вскоре умер (по официальной версии, от рака). Еще один конец в воду...

Для расследования убийства президента США была создана специальная комиссия под руководством судьи Эрла Уоррена. Ее доклад занял 26 томов, было допрошено 25 тысяч свидетелей. Внушительные, казалось бы, цифры! Но уже через два года после опубликования результатов работы комиссии Уоррена опросы общественного мнения показали, что две трети американцев не верят выводам комиссии. К концу семидесятых годов 85 процентов американцев были не согласны с заключением следствия по делу об убийстве Кеннеди. На то есть множество веских оснований. Первое — главный вывод комиссии Уоррена: психически неуравновешенный Ли Харви Освальд, действуя в одиночку, убил президента Кеннеди и ранил губернатора Коннэлли; психически неуравновешенный Джек Руби тоже в одиночку убил Освальда. Вся работа комиссии Уоррена свелась не к тому, чтобы действительно докопаться до истины, а к тому, чтобы доказать версию об убийце-одиночке Освальде. Версия эта еще во время заседаний комиссии казалась весьма сомнительной, а впоследствии, с годами, от нее не осталось камня на камне. Написаны десятки книг и тысячи статей, в них более чем убедительно доказывается, что комиссия Уоррена намеренно всячески скрывала правду об убийстве президента, который пал жертвой заговора. Об этом говорят все основные детали преступления и всплывшие затем многочисленные свидетели и документы.

По утверждению комиссии Уоррена, в президента было сделано три выстрела из окна шестого этажа хранилища школьных учебников, все выстрелы со стороны спины Кеннеди. Первая пуля, если судить о ней по выводам комиссии, была просто-напросто чудодейственной, магической, не признающей никаких законов самой элементарной физики и баллистики. Она якобы попала президенту в спину у основания шеи и, пробив ее навылет, ударила в спину Коннэлли, затем вышла из груди губернатора ниже правого соска, попала ему в запястье правой руки и — мало всего этого! — еще ранила его в бедро. В итоге: пуля одна — пулевых отверстий семь! Вторая пуля, по данным комиссии, пролетела мимо, ударилась о тротуар и, отскочив от него, ранила одного из прохожих. Третья пуля попала президенту в затылок, и именно это ранение вызвало его смерть.

В этом заключении комиссии Уоррена ее сильно подводит именно первая пуля. Ей одной пришлось приписать столько бед! Иначе, как мы увидим дальше, выходило бы, что пуль было не три, а больше. Наличие же четырех, пяти и более выстрелов разрушало версию об убийце-одиночке, в чем мы тоже легко дальше убедимся.

Итак, первая пуля. Когда эксперты точно такой же пулей стреляли в запястье трупа, она оказалась исковерканной. А вот та, на которой зиждется вывод комиссии и которая, повторяем, одна якобы наделала семь пулевых отверстий, осталась совершенно целой и даже нисколько не деформировалась. Таких чудес не бывает! Начисто отвергает версию о трех пулях и проведенный сразу после покушения нейтронно-активационный анализ. Это совершенный и точный научный метод, основанный на облучении разных предметов нейтронами. Это облучение дает возможность установить сходство и отличие в их структуре. Извлеченные из тела президента и ран губернатора осколки пуль, подвергнутые такому анализу, принадлежали разным пулям. То есть президент и губернатор были ранены разными пулями, а не одной. Значит, было сделано не три выстрела, а больше.

Почему же комиссию не устраивал хотя бы еще один, скажем, четвертый выстрел? Потому, что убийца-одиночка не мог сделать из своей винтовки более трех выстрелов за те 5,6 секунды, какие прошли между началом и концом стрельбы. Винтовка эта, «Манлихер-Каркано» образца 1940 года,— устаревшее, неавтоматическое и неудобное в обращении оружие. Именно ее комиссия сочла орудием преступления. Затем из нее стреляли три первоклассных снайпера, воспроизводя события рокового дня, и ни один из них не смог поразить даже неподвижную цель, не то что человека, едущего в машине. А Освальд был плохим стрелком, отнюдь не снайпером, что стало известно из документов, связанных с его службой в армии.

Существует и самое убедительное, наглядное доказательство, опровергающее версию об убийце-одиночке. Это любительская лента Абрахама Запрудера, жителя Далласа. Он стоял среди приветствовавших кортеж президента, и случилось так, что заснял своей кинокамерой убийство американского президента. Вся его лента прокручивается за 22 секунды. Кеннеди улыбается, сидя в своем «линкольне», машет толпе рукой. И вдруг его руки подскакивают к горлу. Коннэлли оборачивается к нему, чтобы выяснить, что случилось с президентом, а затем сам соскальзывает с сиденья на пол лимузина. Затем голова президента дергается вперед. Потом в кадре видны брызги крови и мозга от пули, попавшей в правую сторону головы президента, и президент резко откидывается назад.

Эксперты считают, что эти кадры свидетельствуют по меньшей мере о четырех выстрелах. Первый поразил президента в спину, второй — ранил Коннэлли, третий и четвертый были сделаны почти одновременно — пули попали в затылок и в висок. Резкие движения головы и туловища президента в этой ленте точно соответствуют простому ньютоновскому закону: когда на тело воздействуют сзади, оно перемещается вперед, когда спереди — назад. Фильм Запрудера позволяет сказать, откуда стреляли в президента: сзади — из хранилища учебников, из соседнего с ним здания окружного архива и, наконец, спереди и справа, из поросшей кустами железнодорожной насыпи. Более уточненный анализ говорит о том, что с этих трех мест было сделано не четыре, а пять выстрелов.

Как только прогремели выстрелы, несколько полицейских бросились к насыпи, заросшей кустарником. Бросились сами, без команды, поскольку слышали, что выстрелы прозвучали именно там. Место было выбрано убийцами удачно — не только потому, что их скрывали кусты, но и потому, что по другую сторону насыпи была стоянка автомашин, с которой они и скрылись благополучно, совершив свое черное дело. Полицейские все же обнаружили на стоянке одного человека и бросились к нему. Он показал им удостоверение агента секретной службы и сказал: «Здесь все нормально». После выяснилось, что неизвестный этот оказался лжеагентом, так как ни одного сотрудника секретной службы в то время на том месте не было. А лжеагент, разумеется, исчез. Кем был он? Очевидно, человеком, прикрывавшим только что отъехавших со стоянки убийц.

Свыше 50 свидетелей утверждали, что они слышали выстрелы со стороны железнодорожной насыпи, а комиссия Уоррена стояла на том, что стрелял один Освальд из окна хранилища учебников. Но и с ним тоже было немало несуразностей, если верить выводам комиссии. В этом хранилище он работал, поступив туда незадолго до убийства президента. И, видимо, превратился там не только в снайпера экстра-класса, но и в выдающегося спринтера-фокусника. В момент убийства его видели завтракающим на первом этаже. Если Освальд стрелял из окна шестого этажа, как это утверждает комиссия Уоррена, то каким образом он за считанные секунды покинул свою боевую снайперскую позицию, разобрал баррикаду ящиков у окна, стер отпечатки пальцев с винтовки, спрятал ее и пробежал вниз по лестнице до первого этажа?

В конце 1978 года американские журналисты обнаружили оригинал еще одного фильма, снятого в момент убийства жителем Далласа. Эта лента была запрятана в архивах ФБР. На ней запечатлено то самое окно на шестом этаже книгохранилища, из которого якобы стрелял убийца-одиночка Освальд. На

увеличенных кадрах четко видны фигуры двух человек у окна. Фотоэксперт заявил: «Нет никакого сомнения в том, что на пленке запечатлены снайперы, завершающие подготовку к стрельбе». После этого сообщения несколько жителей Далласа, боявшиеся раньше свидетельствовать по делу об убийстве президента, заявили о том, что видели в этом окне вооруженных людей, но приняли их за агентов секретной службы. А одна свидетельница подтвердила прежние показания ряда лиц о том, что видела Освальда в момент покушения на президента внизу, в кафетерии книгохранилища.

Существует много доказательств того, что убийство Кеннеди произошло в результате заговора, за которым стоят могущественные силы. Одно из этих доказательств — деятельность комиссии Уоррена, которая сделала все возможное и невозможное, чтобы отстоять свою абсолютно несостоятельную версию об убийце-одиночке и отвести любые доказательства, говорящие о наличии заговора.

Еще в дни работы комиссии проявилась одна зловещая тенденция: один за другим уходили из жизни самые важные свидетели, чьи показания не укладывались в выводы комиссии. Убийство, самоубийство, больше похожее на его имитацию, смерть в результате катастрофы, неизвестно кем подстроенной, смерть в результате сердечного приступа весьма сомнительного свойства, без свидетелей и т. п. — вот чем завершилась жизнь десятков американцев, имевших несчастье вольно или невольно соприкоснуться с делом об убийстве Кеннеди.

Этот длинный список открыл, вероятно, полицейский из Далласа Типпит. Через 45 минут после убийства президента, то есть в 13.15, далласское управление полиции получило сообщение о том, что полицейский по имени Типпит убит неизвестным мужчиной. Через полчаса это убийство приписали Освальду, только что арестованному. Типпит скорее всего пал жертвой сценария заговорщиков: Освальд, из которого они сделали «убийцу», выглядел бы таковым с еще большей убедительностью, если бы, скрываясь от властей, пошел на все вплоть до убийства полицейского, вставшего на его пути.

Но даже в этом второстепенном эпизоде его режиссеры не смогли все предусмотреть. В 13.40 по полицейскому радио сообщили, что Типпита застрелил брюнет с вьющимися волосами, а у Освальда были редеющие каштановые волосы. Тогда же в полицию сообщили, что на месте убийства Типпита найдена стреляная гильза от автоматического пистолета 38-го калибра. В руках же у Освальда в тот день было оружие совсем другого типа — револьвер «Смит и Вессон». Очевидцы, находившиеся на улице в нескольких метрах от человека, стрелявшего в полицейского, показали, что тот по внешности своей не имел ничего общего с Освальдом, а вот на Джека Руби был похож очень. Вспомним, что потом ушли из жизни и Освальд и Руби. Вспомним и о трагической судьбе таких вот случайных свидетелей, которые оказались на месте роковых событий или чьи пути пересеклись с путями активных участников трагедии в Далласе. Большинство таких жертв было свидетелями убийства Типпита, Кеннеди и Освальда. Потом уже, с течением времени, список жертв начал быстро пополняться и за счет активных участников заговора, но об этом несколько позже...

Одной из первых жертв из числа случайных свидетелей стал железнодорожник Ли Боуэрс. В день убийства президента он заметил у стоянки машин за железнодорожной насыпью несколько незнакомых ему автомобилей, а в те секунды, в которые произошло покушение, он не мог не обратить внимания на необычную суету около стоянки, в том числе вооруженных людей и человека с микрофоном, в который тот что-то говорил. Эти показания Боуэрс сообщил комиссии Уоррена и вскоре погиб в автокатастрофе.

Описание случаев, подобных этому, заняло бы много страниц. Вот только еще ряд примеров из нескольких десятков.

Гарольд Рассел видел убийцу полицейского Типпита. Застрелен неизвестно кем. Другой очевидец того же убийства, Вален Рейнольдс, во время допроса в ФБР утверждал, что Типпита убил не Освальд, а совершенно другой человек. Спустя два дня неизвестный стрелял в Рейнольдса и тяжело ранил его в голову. Рейнольдс выжил. Его снова допросили в ФБР, и он отрекся от прежних показаний. Одного человека по подозрению в покушении на жизнь Рейнольдса арестовали, но Бетти Макдональд, актриса стриптиза, работавшая в ночном кабаре у Джека Руби, подтвердила его алиби, и того освободили. Вскоре после этого Бетти по неизвестной причине покончила жизнь самоубийством.

Прямо на улице неизвестные перерезали горло Ханку Киллэму. Кто такой? Муж актрисы стриптиза из кабаре Джека Руби. К тому же приятель человека, знакомого с Освальдом.

Журналистке Дороти Килголлен удалось более часа побеседовать с глазу на глаз с убийцей Освальда Джеком Руби. Вскоре ее нашли мертвой.

Журналисту Джелу Хантеру вечером 24 ноября 1963 года, сразу после убийства Освальда Джеком Руби, удалось побывать у последнего на квартире и осмотреть ее. Вскоре он был убит прямо в помещении полицейского управления города Лонг-Бич (штат Калифорния). Официальное объяснение: самопроизвольный выстрел пистолета полицейского.

Журналист Джим Косер, корреспондент газеты «Даллас таймс геральд», осматривал квартиру Джека Руби вместе с Хантером. Был застрелен у себя дома.

Водитель такси Уильям Уэйли в день покушения на президента 22 ноября 1963 года вез Освальда. Погиб затем в автомобильной катастрофе.

Джеймс Варелл видел, как после покушения на президента из хранилища учебников через черный ход убежал какой-то мужчина. Погиб в автомобильной катастрофе.

Такие неудобные кому-то свидетели кем-то уничтожались и сразу после убийства президента и много лет спустя. Так, в 1975 году неизвестные застрелили Роджера Крэйга. Приятель последнего заявил, что незадолго до своей смерти Крэйг сказал ему о том, что в него кто-то стрелял, но промахнулся. Со второй попытки его все же убрали. Почему? Потому что он был заместителем шерифа, когда невольно стал свидетелем убийства президента. Он утверждал, что видел, как Освальд после убийства садился в «пикап», за рулем которого сидел водитель. Значит, у Освальда был по меньшей мере один сообщник? Это расходится с заключением комиссии Уоррена. Вот и пришлось Крэйгу расстаться с жизнью...

В длинном перечне таких вот жертв мы увидим и брата убитого президента, Роберта Кеннеди. Он выдвинул свою кандидатуру в президенты США. Когда в ходе избирательной кампании стало ясно, что Роберт Кеннеди вполне сможет победить, он был тут же убит. Кто-то испугался возможного разоблачения в том случае, если брат президента Кеннеди придет в Белый дом. К тому же Роберт неосторожно заявлял, что, став президентом, доведет до конца следствие об убийстве брата.

И так далее и тому подобное...

Длинный перечень погибших свидетелей был проанализирован с помощью точной и беспристрастной электронно-вычислительной техники. Оказалось, что вероятность такой цепочки «случайных» смертей составляет 1 к 100 миллионам.

Обладатель ряда национальных премий США по журналистике Джоунс прямо заявляет, что существует всеамериканский заговор по физическому устранению всех возможных и кому-то неугодных таких свидетелей. По его подсчетам, известно уже более семидесяти вызывающих подозрение случаев гибели людей, имевших несчастье оказаться в курсе событий, связанных с убийством президента. Тот же Джоунс считает, что таких случаев может быть и свыше ста.

Участники заговора убирали не только людей, они уничтожали и улики. Оказалось, что архив дела об убийстве президента кем-то расхищен. Так, в нем исчезли сделанные через микроскоп диапозитивы, с помощью которых можно было точно определить направление полета пуль, сразивших президента. Пропал из архива и сосуд с мозгом президента, хотя еще во время следствия было решено сохранить его «для возможных в дальнейшем исследований». Очевидно, именно это решение и заставило неизвестных преступников выкрасть сосуд с мозгом, так как они опасались именно «дальнейших исследований» не под эгидой Уоррена. Еще деталь: директор института судебной медицины в Питтсбурге, бывший президент американской Академии судебной медицины, профессор Сирил Вехт обнаружил в свое время на фотографиях «затемнение в верхней части мозга президента, не упомянутое в опубликованных докладах». А ведь то же самое затемнение заметили в свое время и судебные эксперты в ходе официального расследования, но почему-то об этом затем не было записано ни слова. Эксперты утверждают, что это след еще одной пули, попавшей в голову президента, но такая «лишняя» пуля опровергала бы вывод комиссии Уоррена об убийце-одиночке.

Короче говоря, доводов, опровергающих выводы комиссии, более чем достаточно. Их полный перечень займет несколько томов.

КАК СЛОЖИЛСЯ ЗАГОВОР

Итак, заговор. Но кому было выгодно убить президента США? Несмотря на фальсификаторскую работу комиссии Уоррена, несмотря на гибель многих свидетелей, несмотря на утрату многих улик, короче говоря, несмотря на все ухищрения заговорщиков, сейчас благодаря усилиям многих лиц и признаниям многих близких к этому делу людей в целом сложилась картина той ситуации, в которой созрел замысел убить американского президента.

Вспомним, что Джон Кеннеди пришел к власти в 1960 году и стал самым молодым президентом в истории страны. В ходе борьбы за Белый дом ему противостояли консервативные силы политического мира США. Уже сам факт победы Кеннеди на выборах привел их в ярость.

Кеннеди был образованным и культурным человеком, но, главное, он был верным слугой своего буржуазного класса. Сам миллионер и сын миллионера, он стремился верой и правдой (а где необходимо — и неправдой!) служить своему классу, но считал, что делать это надо по-новому, иначе, чем это представляли себе твердолобые консерваторы. Он недаром говорил: «Старые времена кончились. Старый образ действий и мыслей уже не годится». Исходя из этих соображений, он, став президентом, перешел к конкретным действиям, пытаясь кое в чем переделать политическую машину правящего класса, настроить ее на современный лад. Уже одно это стало причиной того, что врагов у нового президента хватало.

Примечательно, что одним из главных его ненавистников оказался миллиардер Хант, один из самых богатых людей на земле, скончавшийся в 1974 году в возрасте 85 лет. Он был крупнейшим в США нефтяным дельцом, ему принадлежали огромные сферы и в других самых разных отраслях бизнеса. Он был ультраконсерватором, его аргументы в политической борьбе часто походили на сатирические пародии, в каких обычно высмеивают самых рьяных мракобесов. Например, ультраправая радиокомпания, финансируемая Хантом, незадолго до убийства Кеннеди пугала своих слушателей тем, что президент следует «приказам Москвы и заставляет американских налогоплательщиков финансировать распространение мирового коммунизма». Эта же радиокомпания взывала накануне убийства президента: «Настало время проявить наконец истинный патриотизм». Известно, что еще в ходе избирательной кампании Хант истратил немало денег на борьбу против кандидатуры Кеннеди. Известно также, что утром того дня, когда был убит Кеннеди, в газете «Даллас морнинг ньюс» появилось издевательское объявление на целую страницу, обведенное траурной рамкой. Оно было озаглавлено: «Мистер Кеннеди, добро пожаловать в Даллас» — и содержало злостную клевету и угрозы в адрес президента. Кеннеди обвинялся, например, в «продаже продовольствия коммунистическим солдатам, убивающим американцев во Вьетнаме». В объявлении говорилось и о том, что «президент тайком сговорился с Коммунистической партией США», отбросил доктрину Монро и заменил ее «духом Москвы». Позже выяснилось, что за объявлением стояли Нельсон Хант, сын миллиардера Ханта, и фашистское «Общество Джона Бэрча».

За год с небольшим до смерти у Кеннеди произошел конфликт с заправилами сталелитейной промышленности, ведущей отрасли экономики США. Президент был вынужден тогда бороться с инфляцией и ожидал помощи от «королей стали». Но те вместо этого неожиданно подняли цены на свою продукцию. Кеннеди нанес ответный удар: приказал Пентагону покупать сталь не у крупнейшей американской компании «Ю. С. стил», а у тех компаний, которые воздержались от повышения цен. «Короли стали» пришли в бешенство, но потеря заказов Пентагона означала для них потерю колоссальных прибылей, и они уступили, отменив повышение цен. История США гласит, что за последние 60 лет ни один американский президент не осмеливался ссориться со сталепромышленниками и тем более посягать на их интересы. Орган деловых кругов «Уолл-стрит джорнэл» назвал действия президента «грубым нажимом», а «Общество Джона Бэрча» объявило Кеннеди «агентом России», подрывающим основы капиталистического строя. В самом деле, консервативно мыслящими деловыми людьми действия президента были восприняты как покушение на частную собственность — святую святых капиталистического общества. Такое преступление бизнес не может простить никому, даже президенту США.

В то же самое время Кеннеди столкнулся с еще одной проблемой. Дело в том, что к 1961 году движение американских негров за свои права приняло такой размах, что вышло из-под контроля властей. Вот-вот могла начаться открытая война между белыми и черными американцами. Правительство, хотело оно того или нет, было вынуждено выступить с новыми инициативами в этой области. Конкретно они выразились в отрицательном отношении Кеннеди к расовой сегрегации в университетах Миссисипи и Алабамы. Известный расист, губернатор штата Алабама Джордж Уоллес заявил, что ни за что не уступит давлению администрации Кеннеди в этом деле. Тогда президент заставил Уоллеса подчиниться федеральным властям под угрозой вмешательства войск в управление Алабамой. К тому же Кеннеди выдвинул, хотя и довольно умеренный, законопроект, направленный против расовой дискриминации. Понятно, что этими действиями он вызвал ненависть у всех расистских сил страны, которых там, как известно, немало.

Другим столкновением Кеннеди с силами, убившими его, стал возникший в США конфликт по поводу вторжения на Кубу. Еще в 1960 году, при президенте Эйзенхауэре, были созданы на территории США вооруженные отряды из кубинских эмигрантов. Мало этого. Была также создана специальная группа по разработке плана против Кубы. В группу эту входили представители ЦРУ, Пентагона и госдепартамента, они разрабатывали операцию вторжения кубинских контрреволюционеров при поддержке вооруженных сил США. Последнее эти стратеги считали абсолютно необходимым условием, так как «армия» контрреволюционеров-эмигрантов была смехотворно мала. Когда Кеннеди стал президентом, директор ЦРУ, небезызвестный Аллен Даллес, посвятил его в этот план. Кеннеди утвердил его, но отклонил предложение об участии во вторжении вооруженных сил США. Как известно, в апреле 1961 года десант контрреволюционеров на Кубе был полностью разгромлен. Во время боевых действий в заливе Кочинос ЦРУ и Пентагон неоднократно требовали у Кеннеди ввести в действие вооруженные силы США. Президент на это не пошел. Гнев руководителей американской разведки и армии не имел предела! Главное ответственное лицо за операцию в заливе Кочинос — заместитель директора ЦРУ генерал Чарльз Кэйбелл публично назвал Кеннеди «предателем».

Мы еще подойдем к конкретным лицам, режиссерам убийства Кеннеди, но уже здесь можем вспомнить одну деталь заговора против американского президента, поскольку зашла речь о заместителе директора ЦРУ Чарльзе Кэйбелле.

Только через несколько лет после убийства Кеннеди была обнаружена такая немаловажная деталь: предполагавшийся маршрут проезда президента через Даллас был в последний момент изменен в одном месте, и именно на этом самом месте было совершено покушение. Лимузин президента шел по Мэйн-стрит (в переводе: главная улица) и должен был по этой улице пересечь площадь Дили. В этом случае лимузин шел бы по маршруту, обеспечивающему максимальную безопасность, то есть катил бы далеко от двух высоких зданий и железнодорожной насыпи (именно с этих трех точек и стреляли по президенту). На самом же деле при подъезде к площади Дили кортеж президента почему-то свернул с Мэйн-стрит направо, на Хьюстон-стрит, и тут же повернул налево, на Элм-стрит, то есть лимузин Кеннеди был подставлен под окна двух высоких зданий и, миновав их, покатил вблизи железнодорожной насыпи.

Кто приказал изменить маршрут? Кто направил машину президента в эту западню, где в него стреляли сразу с трех удобных позиций?

Это было сделано по распоряжению мэра города Эрла Кэйбелла.

Припоминаете? Заместителя директора ЦРУ, генерала Чарльза Кэйбелла, публично назвавшего Джона Кеннеди предателем?

Однофамильцы? Нет! Родные братья!..

А теперь вернемся снова к причинам, обострившим отношения Кеннеди со многими влиятельными лицами и силами. Пентагон и ЦРУ были недовольны президентом не только потому, что он не пошел у них на поводу во время кубинской авантюры. Они вообще считали, что Кеннеди проводит излишне миролюбивую внешнюю политику, не идет на безудержную гонку вооружений. Последнее крайне раздражало промышленников, работающих на войну и загребающих огромные прибыли. В страхе за эти прибыли они были готовы пойти на все. Таким образом, военно-промышленный комплекс не смог найти с президентом общего языка, а могущество этого комплекса в США хорошо известно.

Обрел Кеннеди и еще одного зловещего и опасного врага — ФБР во главе с Гувером. Последний вступил на пост директора Федерального бюро расследований еще в 1924 году, то есть при Кеннеди он имел уже почти сорокалетний стаж главного сыщика Америки. Пережившего нескольких президентов Гувера боялись все. Потому что он знал о всех все. Самые высокие политические деятели страны, включая президентов, вынуждены были считаться с ним. И вот в 1961 году брат президента Роберт Кеннеди, став министром юстиции, впервые ограничил поистине диктаторские права главы ФБР. К тому же братья Кеннеди начали борьбу с организованной преступностью, к которой Гувер за все свое долгое царствование относился с более чем странной терпимостью. И, наконец, неприязнь в отношениях между Гувером и братьями Кеннеди переросла в открытую взаимную вражду. Назрел вопрос о замене Гувера на посту директора ФБР. Этого всемогущий диктатор вынести уже не мог.

Итак, помимо многих прочих сил, ЦРУ и ФБР, то есть американская разведка и охранка, ненавидели президента. И именно ЦРУ и ФБР вели «следствие» по делу об убийстве Кеннеди! Стоит ли после этого удивляться несуразностям и абсурдным заключениям комиссии Уоррена?! Даллес руководил тогда ЦРУ и ненавидел Кеннеди так же, как и Гувер. Вдвоем они могли направить следствие по любому пути. Причем Гувер и ФБР вели следствие сами, отстранив полицию, которой надлежало заняться этим делом прежде всего. И ЦРУ и ФБР, фальсифицируя факты и направляя следствие по ложному пути, заметали следы собственного участия в заговоре, в чем мы позже еще не раз убедимся.

В августе 1963 года Соединенные Штаты и Советский Союз подписали «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой». Все чаще стали поговаривать о разрядке. Военно-промышленный комплекс США еще больше обеспокоился. А в 1964 году должны были состояться очередные выборы президента. Кеннеди явно собирался остаться в Белом доме на второй срок, его популярность среди американцев была очень высока, и он без особого труда мог победить своих политических соперников на выборах. Это понимали многочисленные враги Кеннеди, но терпеть его еще четыре года на посту президента США они не могли.

Продолжение следует.

НА СЦЕНЕ – СТУДЕНЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Есть особый, неповторимый воздух учебного театра. Какая-то особая атмосфера, сплачивающая и зрителей и начинающих актеров...

Сегодня на учебной сцене ГИТИСа играют студенты четвертого курса актерского факультета Казанского театрального училища; в программе — «Пугачев» С. Есенина и «Цилиндр» Эдуардо де Филиппо.

Для начинающих актеров «Пугачев» — материал труднейший, но это серьезное испытание они сумели выдержать.

Давно уже сказано, что в искусстве нет отдельных прав для «молодых» и «пожилых»: есть право таланта и профессионального умения. По этому праву актеры и получают роли; кто — главные, кто — «кушать подано». Но молодым — всем и всегда — трудно, потому что всякий раз приходится начинать с нуля... В наиболее интересных работах выпускников Казанского училища заметно уверенное постижение образа, его сегодняшней достоверности.

В. Минаев, играющий Пугачева (постановка педагога-режиссера Ю. Михайлова), продемонстрировал завершенность рисунка роли, пожалуй, даже необычную для студенческого спектакля. В поведении героя на сцене нет и следа того пресловутого «ученичества», которым страдают многие выпускники театральных вузов. Артист прекрасно знает, как поступит Пугачев в том или ином случае. И это не сюжетное, но духовное, психологическое знание. Герой Минаева ярок и значителен, даже когда он молчит: он думает, слушает... Его спокойствие исполнено достоинства, веры в себя, в свое предназначение.

Педагоги дали возможность молодому артисту сыграть еще и характерную роль Атиллио в сатирической пьесе «Цилиндр».

В спектаклях Казанского училища интересны работы выпускников А. Купцова, А. Цимблера, А. Яшкина... Несомненно желание молодежи показать все, что знают, чему их научили. И это желание столь велико, что заслоняет порою профессиональные недочеты. В лучшие моменты спектаклей возникает художественность и правда. Тогда и рождается ТЕАТР.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Сцена из спектакля.

А. Корзухин. 1835—1894. ПТИЧЬИ ВРАГИ. 1887.

Государственный Русский музей

А. Куинджи. 1841—1910. ЛУННАЯ НОЧЬ НА ДНЕПРЕ. 1880.

Государственный Русский музей.

ВЕЧЕР НА УКРАИНЕ. 1878, переписана в 1901.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Р. Н. СИМОНОВА

ЛЕВ С СЕРДЦЕМ МИЛОГО РЕБЕНКА...

Среди того, что бывает дорого сердцу, тех реликвий, которые как бы сами собою накапливаются у каждого из нас за годы жизни, одна из самых бережно хранимых мною — портрет Рубена Николаевича Симонова, сделанный уже в шестидесятые годы и надписанный им собственноручно. Надпись выражает присущую всегда Симонову неизменную его доброту. Выглядит же он на портрете усталым и строгим. Сосредоточенный взгляд пытлив, невесел; на выпуклом, мощном лбу тень забот, а быть может, уже и след той тяжкой болезни, которая все чаще давала знать о себе. Впрочем, таким вот озабоченным он, помоему, никогда не бывал в театре, а позволял это себе (и тоже очень редко!) лишь у себя дома, на улице Щукина, где жил с сыном Евгением, внуком Рубенчиком и совсем уже старой няней Александрой Павловной... Здесь промчались и счастливые дни радостей, побед, свершений и самые последние дни, которые — опять-таки до последних часов — принадлежали Театру, делам, задачам, людям Театра...

В стенах Театра имени Вахтангова (которым Рубен Николаевич руководил начиная с 1939 года) он всегда был другим, точнее сказать, становился другим, даже и не понуждая себя к этому... Внутреннее горение — свет творимой им здесь работы — вот что было его душевным состоянием, непринужденным и естественным... Каким же счастьем была возможность зайти иногда к нему — через маленькую белую дверь возле входа в партер — в рабочий кабинет, после сыгранной им роли или поставленного спектакля, в те минуты, когда весь он еще был охвачен жизнью творчества, жизнью роли: жизнью и своей и не своей, вдруг соединившихся, слившихся с ним и поднявших его над самим собою.

Мне кажется, я помню все спектакли, поставленные Р. Н. Симоновым, как и все роли, им сыгранные, но ярче всего и отчетливее всего помнятся вдохновенные работы, относящиеся к годам войны. А среди этих работ особенно врезались в память спектакли, созданные вахтанговцами под руководством Симонова (как и роли, им сыгранные), показанные, когда театр вернулся в столицу из Омска, где находился в эвакуации...

Продолжалась эвакуация, в общем, не так уж и долго: театр выехал из Москвы 14 октября 1941 года, а в сентябре 1943 года вернулся домой... Впрочем, «домой» — это только так говорится: своего дома у вахтанговцев тогда не было. Дом — их общий, знаменитый, вахтанговский, тот, что на Арбате, хорошо известный не одним лишь москвичам и не одной лишь России, — стоял безжизненной руиною, в какую превратился 22 июля 1941 года, когда фашистская бомба разрушила его прямым попаданием.

Да ведь и вахтанговцев тоже далеко не каждого ждала надежная крыша над головой, добрая встреча... Грозная, затемненная Москва все еще жила невероятным духовным напряжением, словно концентрируя в себе бойцовские, воинские усилия всего народа. Но вахтанговцы — и сами работавшие в тылу ради победы — вернулись в Москву, чтобы вместе с москвичами продолжать борьбу против врага. Они ведь и в Омск уезжали отнюдь не как беженцы. Уезжали как любое другое предприятие, эвакуируемое в ту пору на восток, чтобы продолжать там свое дело, дать народу новые, необходимые ему ценности. Искусство же было и есть одна из первейших ценностей народа, необходимых как хлеб и оружие...

Рубен Николаевич еще от Вахтангова, на всю жизнь любимого Учителя своего, знал, что подлинное Искусство умеет сражаться — и всегда должно сражаться — за правое дело; в этом и заключается его предназначение... Поэтому-то вахтанговцы в Омск прибыли с чувством мобилизованности, с драгоценной готовностью работать и творить. Коренные жители Омска уважительно и благодарно вспоминают, что, едва успев разместиться по квартирам, вахтанговцы уже в ноябре 1941 года начали показ своих спектаклей на сцене

Р. Н. Симонов в театре...
Фото А. Награльяна

областного драматического театра. Надо ли говорить, какой восторг они вызывали, как празднично и духовно проходили... Однако же Рубен Николаевич понимал, что главная его задача как руководителя в этих особых условиях — не столько сохранение, сколько приумножение богатств, созданных прекрасными артистами. Многие из них — так же, как и он, — близко знали великих основоположников русской советской сцены, были их убежденными последователями, и в них горела — как и в нем — душа созидающая, жаждущая не «повторения пройденного» и даже не каких-то новых «открытий вообще», но полного погружения в народную жизнь, живого ощущения самих себя участниками происходящей борьбы... Эту-то драгоценную веру, этот патриотический запал, короче, нравственное чувство актеров, и надо было без малейшего промедления направить к новым свершениям, расширить и обогатить репертуар обращением к современности. И уже в феврале 1942 года в Омске в постановке Алексея Денисовича Дикого выходит «Олеко Дундич», где заняты вахтанговцы — все до единого. А дальше премьеры следуют буквально одна за другой. Следуют так часто, что само по себе это кажется чудом. Омск становится своеобразной творческой лабораторией вахтанговцев. Здесь сделаны спектакли, такие разные, как «Фронт» и «Русские люди», «Сирано де Бержерак» и «Слуга двух господ»... Короче говоря, весомым оказался «багаж» вахтанговцев, так щедро и за короткие сроки пополненный заново в Омске. С этим багажом они и вернулись в столицу. И Москва, ее руководители, несмотря на трудности военного времени, увидели, что этот сражающийся за победу, энергично действующий театр нужен публике, а самому театру, что называется, позарез нужна сцена!.. И притом нужна немедленно. Рубен Николаевич доказывал это даже не просьбами, а именно омской премьерной афишей. И сумел добиться: вахтанговцы получили в свое распоряжение ТЮЗ (что находится и сейчас в переулке Садовских) и сыграли здесь не только омские спектакли, но успешно возродили еще и прежние, довоенные постановки и создали — пока шла война — еще много других новых работ, среди них — изящнейшую «Мадемуазель Нитуш», полную у Р. Н. Симонова блеска и радости, оптимизма, безошибочного ощущения близкой уже и полной победы народа в тяжелейшей войне...

Но если бы можно было графически изобразить работу подлинного художника за годы жизни, начертив нечто вроде диаграммы, то, вероятно, всегда вырисовывалась бы на ней некая вершинная точка — тот самый взлет, который и определяет вполне созревшую и выплеснувшуюся наконец во всю мощь творческую силу художника... Сперва она — эта сила — еще как бы таится в душе, и хоть заявляет о себе, но ее рост, ее становление все еще продолжаются: идет накопление. Идет формирование целого... Но вот наступает момент, когда процесс завершен. Дальше творит уже мастер — уверенный, сложившийся, особенный, со своим почерком и своей манерой. Эта манера выразится и во всех его дальнейших созданиях и, что самое интересное, позволит нам разгадать в творчестве черты самой личности художника — ее цельность, ее мировоззренческую суть... Такими и были, думается, у Рубена Николаевича Симонова сыгранные им в Омске, а потом в Москве Олеко Дундич и Сирано де Бержерак...

Какие же непохожие люди... Какие разные эпохи... Кажется, ну совсем нет между ними, да и не может быть ничего общего! Но это не так: оба героя — люди повышенной и постоянной требовательности к себе. Люди долга. Рыцари... Их «младшим братом» мог быть, пожалуй, еще и Дон-Кихот, сыгранный Р. Н. Симоновым незадолго до войны в одноименной пьесе М. А. Булгакова. Но этот спектакль почти не шел, и образ, что называется, не успел окрепнуть, «вызреть» на сцене... Зато Дундич, как и Сирано, прожил долгую, славную жизнь. Обоих роднит чувство чести, питающей неукротимую отвагу. Каждый — поэт и воин. Причем «красный Дундич», как звал героя К. Е. Ворошилов, пожалуй, ничуть не менее трогателен и прекрасен душой, чем Сирано... «Кто может сравниться с этим буквально сказочным героем в лихости, в отваге, в доброте, в товарищеской сердечности? — замечал К. Е. Ворошилов. — Это был лев с сердцем милого ребенка»... Лучше не скажешь... И таким был Симонов. Тут вершинная точка, ведущая нас к пониманию особенностей почерка художника и всех его дальнейших взаимоотношений с искусством — людьми, делами и задачами Искусства.

Он сражался за него, как лев. И любил его нежно и преданно, как, наверное, умеют любить только дети.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Юрий РЫТХЭУ

СМЕРТЬ АТ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

С. Наровчатову

Атык проснулся и понял все.

До этого была еще какая-то надежда, и порой даже появлялась уверенность. Особенно когда приходила Татьяна Лаврентьевна — врач сельской больницы. Это была полная и уютная женщина с большим красивым лицом и мягкими руками. Она нежно дотрагивалась до усохшего тела, и старик не мог сдержать вздоха сожаления.

— Вы еще покажете нам Танец Кита,— уговаривала она Атыка, хотя он ни на что не жаловался.

А приснилось Атыку вот что.

Будто долетел он до окрестностей Полярной звезды, до самого зенита неба, и встретились ему боги и ушедшие из жизни космонавты.

Один из помощников бога с неудовольствием заметил, что приход Атыка несколько преждевременен. Словно он слышал уверения Татьяны Лаврентьевны, что помирать еще рано...

Бог с виду был простой и озабоченный человек, похожий почему-то на секретаря райкома Николая Закотрина. Он принял Атыка у себя. Отчетливо вспоминался длинный стол, покрытый зеленым сукном, как будто графин с водой, граненый стакан и телефоны на отдельном столике... Бог, играя красным карандашом, вдруг сказал:

— Хорошо тебя знаю... Иногда ты думал, как бы подольше пожить. Когда последний раз встречался с пионерами, ты так и сказал: хочу жить долго, чтобы своими глазами увидеть коммунизм. Но вот какое дело, товарищ Атык: эту жизнь ты прожил всю. Больше продлевать ее не можем. А новую... Фондов на такую, как твоя, больше нет. Дефицит. Заново стать певцом, да еще таким, чтобы поэты писали о тебе, — это, знаете, товарищ Атык, большая редкость. Мы тут посоветовались между собой и решили предложить тебе обыкновенную, простую жизнь. Долгую. Такая у нас есть на примете. Но без песен и танцев, без всего такого... Без волнений, без взлетов и падений, без соперничества и без большой той радости, когда ты весь забывался в танце...

— Можно подумать? — попросил Атык.

— Даю пять минут,— строго сказал бог и посмотрел на ручные часы.

А может быть, этого не было и часы из другого сна...

Атык за эти небесные пять минут заново пережил всю свою жизнь: с отрывочных воспоминаний детства до вчерашнего дня.

И представил себя другим. Таким, каким предлагал ему стать этот странный бог с красным карандашом в руке, с телефоном, наручными часами... И вдруг Атык понял, что стать другим — это тоже смерть. Может быть, более страшная, и безысходная, и мрачная, нежели своя собственная смерть.

И тогда Атык сказал:

— Нет, другой жизни мне не надо. Я хочу дойти до конца своей собственной жизни таким, каким я был всегда.

— Вы свободны! — сказал бог, и Атык проснулся.

Его кровать стояла под окном, и, приподнявшись на подушках, можно было увидеть небо и море.

Рассветало. Из смежной комнаты доносилось сонное дыхание домочадцев. Где-то на окраине Уэлена лениво лаяла собака. Кругом были мир, предутренний туман и тишина.

Атык вспоминал красочное сновидение, путаницу и странные привычки современных богов. И подумалось ему: если и есть боги, то ведь они в своем развитии тоже не стояли на месте, что-то перенимали даже от земной жизни. Не все же здесь так уж плохо на их божественный взгляд. Скажем, телефон и даже часы.

Атык протянул руку и достал с тумбочки свои, марки «Слава» — подарок внука.

Сон рассыпался, улетучивался, уходило что-то существенное, самое главное, и на первый план назойливо лезли графин, закрытый граненым стаканом, стол с зеленым сукном... Да, про стихи сказал бог. Верно, было такое...

Всю свою жизнь Атык не только сочинял песни и танцы. Он был хорошим охотником, искусным резчиком по моржовой кости, мог смастерить нарту, байдару, словом, умел и делал все, что полагалось делать морскому охотнику. В этом отношении его жизнь ничем не отличалась от жизни остальных жителей Уэлена.

В его рождении, поговаривали, была тайна. Будто он и Мылыгрок, житель крохотного островка Иналик в проливе Ирвытгыр, — братья по старинному обычаю, корни которого терялись в сумерках прошедших веков. Суть этого обычая была в том, что отцы Атыка и Мылыгрока на какое-то время поменялись женами...

С детства Атык хорошо говорил по-эскимосски, а потом, нанявшись на китобойное судно, научился английскому и часто служил переводчиком в торговых делах, когда приходили американские шхуны.

Словом, он был обыкновенным жителем Уэлена, если не считать того, что песня и танец вошли в его сердце вместе с рождением. Атык чувствовал, что эти способности у него в крови, и он-то не мог чувствовать вкуса жизни без песен и танцев. Исподволь он учился нелегкому искусству выражения глубоких мыслей скупыми жестами и движениями, постигал завещанные предками загадочные мистические танцы и свой любимый — Танец Кита.

Он впервые исполнил его поздней осенью, после долгого дня погони за китом.

Атык стоял на носу байдары, а сзади, полный ветра, упруго звенел парус. Кит был виден в прозрачной воде издали и походил на гигантскую птицу, парящую в воздухе. Его удлиненное блестящее тело стремительно неслось к поверхности воды, показывалось, и в это мгновение Атык бросал гарпун. Уже три его гарпуна торчали в теле кита, и на концах ременных линей болтались надувные поплавки из тюленьей кожи — пыхпыхи.

Этот кит был первой настоящей добычей юноши. Отныне Атык входил в число избранных, тех, для кого нет знаков отличий, ибо все уже знают, кто он.

Потом долго буксировали загарпуненного кита к берегу. Усталость разливалась по всему телу, но она радовала, была сладкой, как сладостный сон или усталость после женщины. Атык понимал, что отныне он стал немного другим: нет, не потому, что он загарпунил кита, а потому, что чувствовал настоятельную, почти болезненную потребность исполнить древний Танец Кита, танец-благодарение, танец-искупление. Ибо по старинным преданиям киты — предки морского народа, к которому принадлежал Атык.

Он знал, что на берегу уже готовились. Вытаскивали из укромных уголков разрисованные растительной краской ритуальные весла, искусно сделанные чучела китов, маски и большие бубны, способные звучать громко и далеко.

Первый танец будет на виду у моря, у Священных камней. Эти камни, издали похожие на спящих моржей, лежали в ряд у конца галечной косы.

Все было так, как предполагал Атык.

Он вышел из лодки, и прямо в нерпичьих торбасах, в шуршащем плаще из сушеных моржовых кишок с откинутым капюшоном, и исполнил Танец Кита.

Потом люди вспоминали и говорили, что это было удивительное зрелище. Скупые на похвалы, они утверждали, что давно не было такого исполнения священного танца. Сам Атык тоже сознавал это, и ликование души смешивалось с тревогой за будущее. Он знал, что отныне его жизнь не будет жизнью обыкновенного человека. В ней существенной и главной будет невидимая внутренняя жизнь, сочинение новых песен, новых танцев, осмысление движения времени, его вершин и глубин...

Иногда пугающе отчетливо ощущалось, что все приходит извне. Словно кто-то избрал именно его, Атыка, проводником, вестником новых песнопений, новых сочетаний слов и движений. Открытия и озарения часто приходили в самых неожиданных местах, тогда, когда Атык бывал занят делами, далекими от возвышенных размышлений.

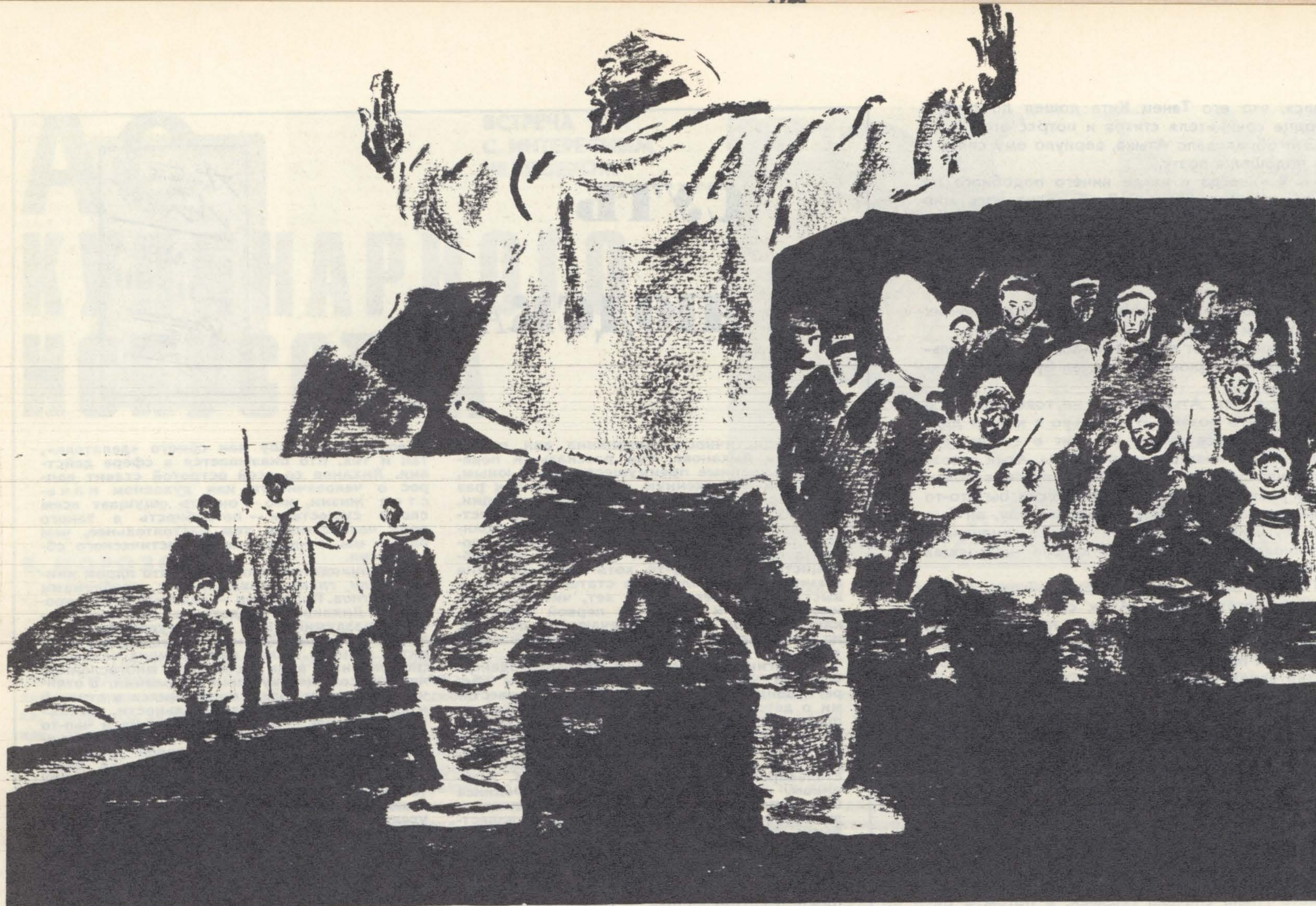
С годами Атык стал понимать, что это особое состояние души отнимает очень много внутренних сил. Только огромная радость от мысли о содеянном, созданном возвращала утраченные силы. Он понимал, что ему уже не стать великим ловцом китов, — ведь это тоже требовало всего себя.

Такие люди, как Атык, были редкостью на малонаселенном берегу Ирвытгыра.

Иногда они сходились втроем — Атык, науканский эскимос Нутетеин и островной житель Мылыгрок. Люди приплывали в Уэлен из самых отдаленных селений Ирвытгыра: из Наукана, Инчоуна, Нэтэна, Пинакуля, Кытрына, Янраная и даже Унына и Авана. Из тундры приходили кочевые люди. Они оставляли свои стада за лагуной и кружным путем притаскивали свои легкие санки по мокрой тундре.

Ветер тихо звенел в туго натянутой коже бубнов. Атык чувствовал необыкновенный подъем. Перед песенно-танцевальным торжеством он иногда не ел сутками. Тогда тело становилось легким, упругим, послушным мысли.

Всех песен и танцев, которые сочинил Атык, не перечесть. Тогда не было магнитофонов. И все же некоторые он хорошо помнил. Танец Челюскинцев, который исполнял вместе с Кымыиргыным. Это был вдохновенный танец... И

Танец Победы, который он танцевал с Мылыгроком у Священных камней. Мылыгрок тогда приезжал в последний раз на советский берег Ирвытгыра. Потом началась «холодная война», путешествия через Берингов пролив прекратились...

В конце пятидесятых годов приехал русский из Москвы и сказал, что он поэт. Это было его основное, главное дело в жизни. Он больше ничего не делал, только писал стихи. Атык познакомился с ним и стал заходить к нему в школьный домик, где помещались приезжие.

Поэт был очень любопытен Атыку. Не потому, что некоторые русские тоже называли Атыка поэтом. Дело было в другом. В чувстве какого-то подсознательного родства, тайных струн, которые вдруг протянулись и напряглись между ними.

Атык не так хорошо знал русский язык, но понимал и хорошо ценил точно и красиво сказанное слово. Быть может, в этом было что-то особенное: в том, что Атык иной раз даже не различал отдельных слов в потоке речевой музыки, в отзвуках смысла, в интонации, в глубинном значении, которое отражалось в настроении читающего стихи поэта. Кто-то сказал поэту, что Атык исполняет Танец Кита. И поэт очень заинтересовался этим и попросил показать. И тогда Атык засомневался... Атык опасался, что русский не поймет или не почувствует всей силы и глубины древнего берингоморского танца только потому, что Атык уже не был так силен и убедителен в своем искусстве, как в молодости и в зрелые годы. И в то же время он понимал, что должен показать русскому поэту древний танец. Хотя бы в благодарность за стихи, которые тот читал.

— Сначала тебе надо добыть кита, — сказал Атык.

Поэта нарядили в нерпичьи штаны, в торбаса, надели на его куртку непромокаемый плащ из моржовых кишок и посадили в вельбот.

Атык сам провожал его ранним утром, когда солнце вынырнуло из-за Дежневского мыса.

Весь день Атык не находил себе места. Он тревожился: поэт может насытиться усталостью и сырой стужей Ирвытгыра. Ну что же... Если так, значит, ему не понять Танца Кита, и Атыку не надо будет его исполнять...

После полудня Атык поднялся на холм, увенчанный световым маяком, и, свесив ноги в обрыв над океаном, приладил окуляры к глазам.

Даже в мощный бинокль вельботы казались лишь белыми черточками на горизонте. Атык догадался, что они уже взяли на прицел кита и, может быть, даже вонзили в него несколько гарпунов. Значит, есть добыча. Эта мысль согрела сердце Атыка и вызвала в душе давно не испытанное волнение.

Он долго смотрел на море, на медленно плывущие к берегу вельботы, вслушивался в надрывный вой моторов и горько сожалел, что нет больше на берегу Священных камней.

Было время... Какое-то странное поветрие. Вдруг заговорили о том, что все прошлое, все свое, исконное, теперь никуда не годится и не соответствует духу нового времени. Во всем искали проявлений шаманизма. Люди старались одеваться во все привозное, хотя страдали от холода и часто простужались. Торопились переселиться в холодные, продуваемые ветрами деревянные домишки, наспех сколоченные приезжими строителями. Когда стали возводить новую пекарню, эти же строители пригнали трактор и вывернули из гальки Священные камни. Их положили в фундамент и замазали цементом...

Когда в вельботах уже можно было невооруженным глазом разглядеть людей, Атык ушел домой.

В мешке из хорошо выделанной нерпичьей кожи хранилась тщательно сберегаемая одежда: мягкие нерпичьи штаны, легкая кухлянка. Пока он не спеша все это надевал на себя, по крикам, раздававшимся снаружи, представлял, как трактор тащит на берег огромную тушу кита и люди встречают добычу ликующими возгласами.

Атык танцевал перед клубом, прямо на улице. Его друг Рыпэл пел, близко держа перед разинутым ртом бубен, и это усиливало его ослабевший с годами голос. Пели и молодые — Гоном, Эттекемен, Умка, Танат.

Поэт стоял в толпе и вместе со всеми молча внимал древнему хрипловатому пению и смотрел танец.

Ведя медленную часть древнего танца, Атык с тоской думал, что немного людей даже здесь, перед крыльцом сельского клуба, понимают истинную суть и значение каждого жеста, движения.

Он краем глаза ревниво следил за поэтом: интересно, что он думает обо всем этом? Как он перенес многочасовое плавание на студеном морском ветру? Поэт неотрывно следил за танцем. Похоже, он был заинтересован, полон любопытства. Но взволнован ли он?..

Медленная часть танца — это как бы размышление, примерка, подготовка к главной ее части. Там уже нет времени думать о постороннем.

Резкий, слаженный удар бубнов чуть не застал Атыка врасплох. Но неуловимой частицей мгновения он опередил и вошел в стремительный водопад музыки чуть раньше, готовый к быстрому танцу всем своим телом и сердцем. Теперь для него ничего не существовало, кроме подчинения себя ритму, страстному желанию выразить и себя и суть великого Танца Кита.

Берингоморский танец во временно́м протяжении не долог. Он кончается быстро, на высокой ноте, на стремительном движении.

Атык, возвращаясь в бытие, в действительность, едва удержался на ногах. На мгновение мелькнула мысль: больше мне так не танцевать...

Зрители, воспитанные у Священных камней, не аплодируют. Хлопки раздались с той стороны, где стояли восхищенные и потрясенные увиденным русские — работники полярной станции, учителя...

А поэт стоял молча, по его виду Атык дога-

ЫКА

дался, что его Танец Кита дошел до глубин сердца сочинителя стихов и потряс его.

Это обрадовало Атыка, вернуло ему силы, и он подошел к поэту.

— Я никогда и нигде ничего подобного не видел, — сказал поэт. — Я объездил весь мир и могу сравнивать. Мне даже показалось, что такое со мной было когда-то очень давно, может быть, еще задолго до того, как я родился, и даже до того, как был зачат...

Атык улыбнулся.

Они пошли рядом, минуя дома, отдыхающих на привязи собак.

В комнате поэт выудил из-под кровати сильно отощавший рюкзак и достал бутылку коньяку.

В тот вечер Атык и поэт не говорили ни о танцах, ни о поэзии. Это только в книгах да в кино поэты все время говорят о стихах, обсуждают литературные проблемы. Атык и поэт говорили о жизни, об охоте на китов, вспоминали разные смешные случаи. Если бы кто-то извне прислушался к этому разговору, он был бы глубоко разочарован. Но за внешними обыкновенными словами кипела настоящая жизнь.

Главное было в том, что русский поэт понял то, что хотел сказать Атык своим танцем. И понял не просто как зритель, а понял как поэт.

Русский уезжал на почтовом катере «Морж». Кораблик пришел из Инчоуна среди ночи и отходил утром после открытия магазина.

По шаткой доске, переброшенной с берега на палубу, поэт поднялся на катер. В одной руке он держал потертый портфель, а за спиной болтался пустой рюкзак.

Атык стоял среди провожающих. Он завидовал поэту и мысленно проделывал с ним путь: мимо скалы Сенлуквин, мимо мыса Пээк, который русские называют мысом Дежнева, через пролив Ирвытгыр на виду островов Диомида в Тихий океан.

Поэт долго стоял на палубе и, сколько мог видеть Атык, сначала глазами, а потом в бинокль, смотрел на удаляющийся Уэлен, на галечную косу, где он первый и последний раз видел Танец Кита.

Приблизительно через год Атык услышал по радио стихи:

...Из диковинного плена
Я в Москву к себе увез
Летний вечер Уэлена
С близким блеском дальних звезд.

. . . .

Там тогда из бурь крылатых
Неизведанных времен
Появился старый Атык,
Словно дух явился он.

. . . .

И несла нас вдаль поэма,
В незнакомые концы.

Где забытые дороги
Нас вели к забытым снам
И неведомые боги
Открывали тайны нам.
И была в нем суть раскрыта,
Смысл искусства воплощен
От времен палеолита
Вплоть до нынешних времен.

Потом кто-то достал книжку, в которой полностью были напечатаны стихи, которые так и назывались «Танец Кита». Атык украдкой часто перечитывал их.

...Атык посмотрел в окно. Он видел лишь небо и край моря.

Снова вспомнился чудной сон, заставив его усмехнуться: плохо знает его бог! Никакой другой жизни настоящему человеку не надо — только ту, которую прожил, отдав все силы и все способности своему предназначению.

За окном промчалась грузовая машина, где-то далеко тарахтел трактор.

Жизнь продолжалась. Такая, какую хотели построить себе люди здесь, на Галечной косе Уэлена.

Атык прикрыл глаза: он очень устал, и усталость разливалась по всему телу, заставляя опускать отяжелевшие веки. Атык мысленно увидел старый жирник в яранге. Его давным-давно не было в доме. Как перебрались сюда, тогда и расстались с древним светильником. А тут он явился перед закрытыми глазами. Последний язычок пламени цеплялся за усыхающий моховой фитиль. Еще совсем немного — и он оторвется, улетит в небытие, погаснет.

Навсегда.

Атык в последний раз глубоко вздохнул.

СУТЬ ЛЮДСКАЯ

Публицистичность органична для прозы Альберта Лиханова, чьи рассказы и повести, обращенные преимущественно к юным, получили заслуженную известность как раз благодаря активной гражданской позиции, острому раскрытию современных общественных проблем. И в то же время постоянство творческих устремлений Лиханова-прозаика предопределило и цельность его публицистики. Поэтому-то, хотя книга «Времена жизни» складывалась из статей, заметок и выступлений нескольких лет, читается она именно как к н и г а, от первой и до заключительной строки отвечающая, по сути, на один вопрос: как сделать жизнь счастливой?

Корчагин Островского и молодогвардейцы Фадеева; «Голубая чашка» Гайдара и «Берег» Бондарева; Лев Толстой с его повестями о детстве и пятидесятитомная «Молодая проза Сибири», к изданию которой Лиханов имел, к слову сказать, самое прямое отношение в качестве ее главного редактора; рассказы о встречах с Героями Труда ЧССР сталеваром М. Гоцно и шахтером М. Жабчиком, о критике и журналисте Феликсе Овчаренко, прозаике Анатолии Жаренове и драматурге Исааке Шуре; беседы с известными писателями и учеными; переписка с молодыми читателями и разговор о воспитании подростков; раздумья о писательском труде и письма Н. Островского к другу юности Петру Новикову, впервые собранные и прокомментированные Лихановым, — все это, столь очевидно разное, спаяно единством внутренней темы, осмыслено и оценено в свете единых нравственных принципов, властно побуждающих отдавать предпочтение людям, «устраивающим» жизнь, перед теми, кто «устраивается» в ней.

Отправной точкой Лиханову служит его парадоксальное на первый взгляд утверждение, что «можно прожить полную, насыщенную, полезную жизнь, так и не заметив жизни...». Последнее, как показывает писатель, становится реальностью в тех (увы, не столь уж редких) случаях, когда прагматизм чисто количественных показателей заслоняет от нас в любом человеческом деле его нравственную суть, способность обогащать и возвышать душу как самого «делателя», так и тех, кто оказывается в сфере действия. Лиханов со всей остротой ставит вопрос о человечности как духовном к а ч е с т в е жизни, ибо — он это ощущает всем своим существом — потребность в таком рода человечности тем настоятельнее, чем ближе мы к идеалу коммунистического общежития.

Не приходится удивляться, что ядром книги стали главы, связанные с проблемами подростков. Подросток — главный герой прозы А. Лиханова, средоточие его писательских раздумий. Как и в художественной прозе писателя, круги от этого ядра расходятся широко, являя нам времена человеческой жизни в виде бесконечно многослойной череды сосуществующих поколений. В отличие от времен года, сменяющихся в строгой и однообразной последовательности, «осень» одного из нас — это в то же время и чья-то «зима», и чье-то «лето», и непременно чья-то «весна». «...Каждый человек и сын и отец одновременно, — солидаризуется Лиханов с одним из своих собеседников. — Не только в буквальном смысле, но и в нравственном, философском, творческом, каком угодно смысле». Отсюда незатухающая тревога писателя за дальние результаты сегодняшних, казалось, бы, вполне невинных вследствие их незначительности просчетов в воспитании, настойчивый призыв к мудрой и доброй осмотрительности. И хотя в целом публицистике Лиханова поучающий тон несвойствен, хотя автору гораздо важнее поставить вопрос, чем сформулировать раз и навсегда пригодный ответ, говоря о деликатной сфере повседневной практической педагогики — семейной, общественной и, конечно, школьной, — он не боится иной раз прибегнуть и к прямой требовательной просьбе, право на которую ему дает собственный опыт:

«Прежде чем посеять зерно, разглядите его внимательно — злак это или сорняк. Ведь бросаете его не в землю — в душу людскую. А сын ваш или ваша дочь не только ваше собственное продолжение. Они часть сути нашей людской, часть мира, в котором мы живем. А мир должен быть лучше и лучше. Так что, отвечая за сев, отвечаем мы перед миром».

Игорь МОТЯШОВ

Альберт Лиханов. Времена жизни. М., «Молодая гвардия», 1978, 288 стр.

НА ПОЛТАВЩИНЕ

С самого отрочества входит в нас неисчерпаемый мир образов гоголевских книг, эта полусказочная страна, населенная причудливыми персонажами. С тех первых незабываемых прочтений Гоголя мечтаем мы хоть краешком глаза увидеть и Сорочинскую ярмарку и Миргород...

И если честно говорить, не представлялось мне, что все это есть и поныне: и ярмарка в Великих Сорочинцах и лужа в Миргороде. В центре Сорочинец — памятник Гоголю работы И. Гинцбурга. Музей писателя в Великих Сорочинцах существует уже полвека. Здесь почти все прижизненные издания Гоголя, его личные вещи: чемодан, сюртук, платок, саквояж, записная книжка, цилиндр. Смотришь и не веришь: неужели к этим вещам прикасался Гоголь?

Многое напоминает на Полтавщине о великом писателе. Но самой, пожалуй, волнующей была встреча с внучатой племянницей Гоголя и одновременно правнучкой А. С. Пушкина — 92-летней Софьей Николаевной Данилевской. Удивительна судьба этой женщины. Ее отец Н. В. Быков — сын полковника В. И. Быкова и Елизаветы Васильевны, урожденной Гоголь, родной сестры Николая Васильевича Гоголя. Ее мать — Мария Александровна, внучка А. С. Пушкина.

С. Н. Данилевская обладала прекрасным голосом. В 1904 году она выдержала огромный конкурс — сорок человек на место — в Московскую консерваторию. Но жизнь распорядилась иначе — профессиональной певицей она не стала....

С. Н. Данилевская.

Незаметно пролетает час времени в кругу семьи родственников Гоголя и Пушкина. Узнаю новые детали о потомках писателей, о родной гоголевской Васильевке.

— К сожалению, — говорит Софья Николаевна, — мало что осталось там от Гоголя. Пора бы восстановить усадьбу.

Да, необходимо создать мемориальный комплекс Гоголя на Полтавщине, где он прожил почти половину своей жизни. Однако, кроме могилы родителей писателя в Васильевке, увы, ничего не осталось. На месте же его дома разместился... клуб. А ведь живет же Михайловское, восстановленное заново после фашистского разорения, мемориал Тютчева — Овстуг, Тарханы — Лермонтова...

И хочется верить, что Васильевка, родина гения, будет возрождена.

Феликс МЕДВЕДЕВ

АС КУЛИНАРНОГО ИСКУССТВА

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Г. В. Гогнидзе (в центре) со своими коллегами.

Фото А. Награльяна

В. МОРОЗОВА

«Кто ест скоро, и работает споро»,— гласит народная мудрость. Недаром же в старину хозяин, прежде чем нанять работника, сажал его за стол и наблюдал, как тот ест.

— А что вы как специалист думаете по этому поводу? — спрашиваю мастера-повара Григория Валерьяновича Гогнидзе.

— Еда — это визитная карточка человека. Ни один мужчина и ни одна женщина не могут скрыть свой характер, когда едят или готовят какое-либо кушанье. Приготовление вкусной еды требует от человека умения, доброты, трудолюбия, аккуратности, терпения, хорошего вкуса и любви. В юности я мечтал быть художником, а став поваром, признаю только красиво оформленные кушанья. Десерт и закуска — моя слабость. Здесь есть простор для фантазии, выдумки, художественного вкуса.

Язык еды — самый простой, самый понятный. В этом Григорию Валерьяновичу пришлось не раз убедиться на собственном опыте. Он выезжал в Венгрию и ГДР, Италию и Швейцарию. И везде его искусство было понятно без переводчиков. А вот какой забавный случай произошел с ним в Австрии.

Наша конкурсная команда, состоящая из пяти поваров, отправилась в Вену показать, что такое советская кулинарная школа. Все пятеро должны были работать врозь. Не только в разных ресторанах, но и в разных городах. Григорию выпал Инсбрук. Там его никто почему-то не встретил, а его родного грузинского языка жители австрийского города не знали. Григорий говорил по-русски, но с таким тбилисским акцентом, что вряд ли кто из австрийцев смог бы понять его. Правда, когда-то в школе он изучал немецкий. Но опять же злополучное тбилисское произношение — каждое немецкое слово в устах Григория звучало как исконно грузинское. Так и сидел бедный посланец солнечной Грузии на вокзале со своими хмели сунели и соусом ткемали четырнадцать часов кряду, соблазняя прохожих терпким запахом шафрана, базилики и садового габера. Наконец, развлечения ради Григорий взял со стола местную газету и стал рассматривать картинки. Переворачивая страницу за страницей, он вдруг увидел свою собственную фотографию. Оказалось, это была реклама о приезде советского повара в Инсбрук. Здесь же сообщалось название русского ресторана «Дача», в который, схватив такси, и помчался Григорий. Там его уже ожидала обеспокоенная хозяйка, дававшая в городе обеды русской кухни, основательно подзабытой местными кулинарами. Приезд такого знатока, как Гогнидзе, быстро оживил торговый оборот небольшого ресторанчика. Обеды на «Даче» теперь можно было получить лишь по предварительной записи — явление совершенно небывалое. Весь город вдруг захотел непременно попробовать русскую стерлядку, сибирские пельмени, расстегаи и, конечно, знаменитые кружевные масляные блины с икрой, медом, вареньем...

Готовил Григорий Валерьянович и свои излюбленные грузинские блюда: сациви, хачапури, надуги (творог с мятой, украшенный зернами граната), купаты, цыплят пошкмерски, солянку по-грузински.

Посетители не только пробовали изделия грузинского повара, но и требовали советов, рецептов. А мэр другого австрийского курортного города, Трансмауэра, Иосиф Штидель в своих кулинарных увлечениях пошел еще дальше. Ему так полюбилась грузинская кухня, что он даже купил специальную кулинарную книгу, а летом прошлого года приехал в Тбилиси и был личным гостем Григория Гогнидзе.

Слава повара-знатока пришла к Григорию давно и заслуженно. Можно даже сказать, что она была предопределена еще при его рождении. Фамилия Гогнидзе давно известна среди лучших кулинаров Грузии, а край Рача всегда был родиной поваров и хлебопеков. В селе Шкмеры, где родился Григорий, полсела были профессиональными поварами. Прославились на этом поприще его дед, отец, дядя и брат. Жена его, Мери,— тоже прекрасная кулинарка. Хотя в особо ответственных случаях Григорий сам готовит стол для гостей.

— Человек с детства должен воспитываться в уважении к еде, есть с аппетитом, но ни в коем случае не переедать. Только так можно получать пользу и удовольствие,— авторитетно заявляет Григорий Валерьянович, сам очень стройный, подтянутый, внешне не отвечающий традиционному представлению о толстом, краснощеком поваре.— Окончив восемь классов в селе, я поехал в Тбилиси. Поступил в кулинарную школу. Работать начал в небольшом ресторане над Курой, потом ушел в армию. Вернувшись домой, поступил на работу в ресторан «Мтацминда» на горе и снова учился, теперь уже у дяди — Серапиона Алексеевича Гогнидзе.

С тех пор прошло двадцать три года. Григорий Валерьянович не только постиг кулинарное искусство своих учителей, но и во многом превзошел их. Ему дважды присваивали звание мастера-повара — в Грузии и в Венгрии. Он уже сам воспитывает учеников, выезжает с ними на конкурсы в Алма-Ату и Ленинград, и его ученики добиваются там званий и призов.

— Но призы призами, а вот в Тбилиси еще не везде можно вкусно поесть. Понятно, что столовая не ресторан, рамки калькуляции, цен в значительной мере сдерживают фантазию повара, но все же нельзя ли посетителей кормить получше? — спрашиваем мы Григория Валерьяновича.

— Конечно, можно, —утверждает Гогнидзе. — На то и даны повару голова и руки, чтобы и в этих рамках быть на высоте. Вот, например, сейчас в нашем городе строится молодежный городок. Есть там кафе, рабочая столовая. Кушанья тут надо готовить дешевые. Но вкусные. Вот и решили классные повара нашего треста помочь коллегам. Каждый из нас теперь по 7—10 дней работает в столовых и кафе, передает свой опыт и свои секреты. Так что искусство повара — не последнее в решении проблем общепита. Десять поваров из одинаковых продуктов по одному и тому же рецепту никогда не приготовят одно и то же блюдо. Иногда не только искусство, а просто интуиция помогает решить, как лучше приготовить обед или ужин, как угодить вкусу посетителей.

И Григорий Гогнидзе делает это виртуозно, красиво.

— Да, Григорий — мастер каких мало,— говорит начальник отдела технологии производства управления общественного питания Министерства торговли Грузии Шалва Лобжанидзе. — А ведь молодежь неохотно идет в повара. Это наш больной вопрос.

— Как вы его решаете?

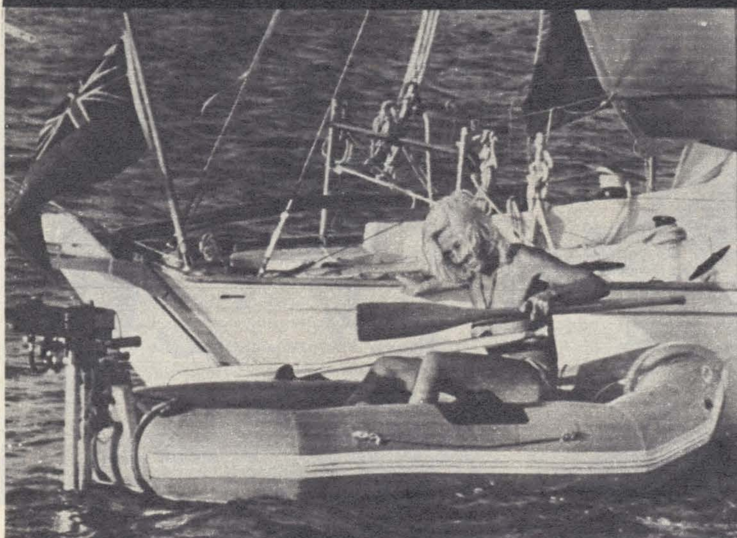
— Создали несколько новых кулинарных училищ, организовали кружки, кабинеты эстетики питания при общеобразовательных школах, Дворцах пионеров. Может быть, полюбит ребенок с малых лет готовить вкусно, красиво и придет к нам в общепит. Организуем показательные выступления, семинары, специализированные распродажи изделий наших поваров и кулинаров.

В общественном питании главный козырь, на мой взгляд,— узкая специализация,— продолжает Шалва Максимович. — В Тбилиси уже есть такой опыт. На проспекте Плеханова вы можете получить кушанья из птицы, в одном из кафе — отдельный грибной зал, а любителей рыбы привлекут два рыбных ресторана. Молодежные кафе — тоже одна из форм специализации. Здесь всегда более дешевые блюда с учетом контингента посетителей. На улице Ленина есть кафе «Клуба молодых ученых», в котором молодежь может не только вкусно поесть, но и провести вечера, встречи по интересам. А в ресторане «Экран» на проспекте Руставели собираются обычно работники искусств. В заключение хочу сказать, что работа наша хлопотная. Легче продать одну машину, чем тонну винегрета. В первом случае вас может обслужить практически один человек, а во втором — не меньше десяти.

Ресторан — зеркало города, считают работники ресторана «Арагви». Проснувшись в новом городе, человек непременно пойдет поесть, и от того, как его обслужат, будет зависеть настроение на весь рабочий день. Чашка крепкого, душистого чая, свежеиспеченный хачапури с имеретинским сыром — букетом Грузии, что еще нужно для хорошего начала! А где найдешь такую хозяйку, которая за один вечер приготовит вашим гостям двенадцать тысяч канапе? Крошечные и такие вкусные бутербродики, но они очень быстро сохнут, если их готовить впрок. А вот когда французы сделали такой заказ для большого приема, повара ресторана его выполнили.

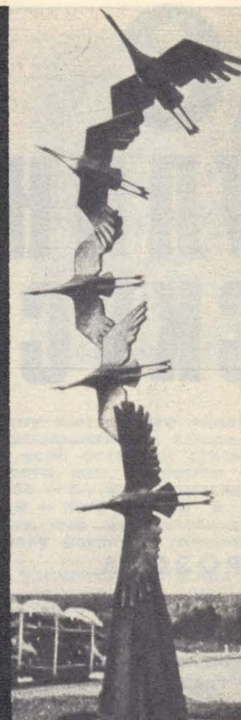
— Приезжайте, прилетайте, приходите к нам в ресторан,— любезно приглашают заместитель директора «Арагви» Давид Бидзинович Эристави и ас кулинарного искусства шеф-повар Григорий Валерьянович Гогнидзе.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

Через океан

Жительница Лондона Ширли Раненскрофт, которой 57 лет, на борту парусной шлюпки благополучно пересекла Атлантический океан и прибыла на остров Барбадос. Ее путешествие длилось 37 дней.

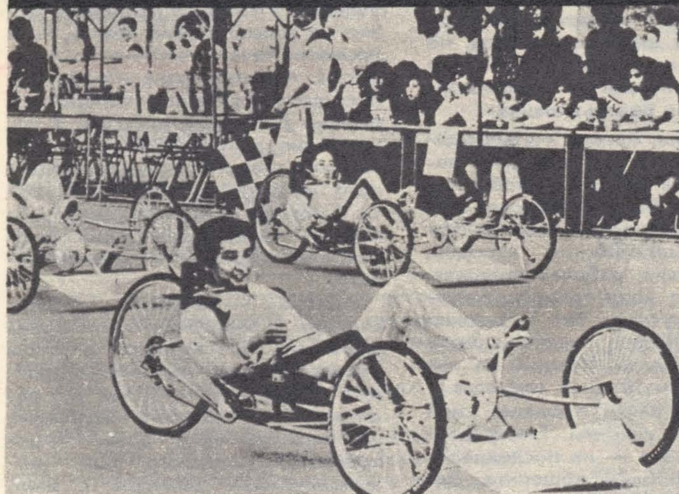
Бронзовые журавли

Такой бронзовый памятник журавлям установлен в Баварии. Здесь они стали большой редкостью, и поэтому их решили увековечить в металле.

На посту

Необычный ночной сторож появился в Стокгольмском зоопарке. Это индийская королевская кобра. Администрация зоопарка решила прибегнуть к ее услугам после того, как однажды ночью грабители похитили из кассы две тысячи долларов.

Шезлонг на колесах

В Токио состоялись гонки на оригинальных трехколесных велосипедах. Весит такая машина двадцать пять килограммов.

Предупреждение

На автомобильных стоянках Дании можно встретить такой знак — «Осторожно, воры!»

Вадим ЗЕМНОЙ

КОМУ ДОВЕРЯТ ОГОРОД?

Басня

Издал приказ незрячий Крот:
«Козла направить в огород!
Живет себе царьком нагорным,
Побеги жрет лесам назло!..»
Козел прикинулся покорным,
А втайне думал: «Повезло!»
Когда, сместив Крота с поста,
Явился Лев менять порядок, —

Шумели Зайцы возле грядок:
— Капусты нету!
— Ни листа!
— Ошибся Крот в Козле-бандите!
— Забыл про нас незрячий Крот!..

Читатель! Сами посудите:
Доверят Зайцам огород?

СЮРПРИЗ

Владимир СВИРИДОВ

Перед Татьяной Васильевной стоял улыбающийся молодой человек с букетом пушистой мимозы.

— Здравствуйте,— сказал он.— С рождением вас.

— Ой, Сашенька! Александр Анатольевич! — радостно всплеснула руками хозяйка.— Вот так сюрприз. Проходите, что же вы в дверях стоите.

Александр Анатольевич вошел в прихожую, вытер о половик ноги и торжественно протянул ей букет.

— С днем рождения, Татьяна Васильевна. Счастья вам и здоровья. Всего самого наилучшего и самого прекрасного.

— Ну надо же! — Растроганная Татьяна Васильевна нежно поцеловала его в щеку.— Спасибо, Сашенька, огромное спасибо.— Она подхватила его под руку и повела в гостиную.

— Какие чудесные цветы! Прелесть! — Татьяна Васильевна с умилением смотрела на желтенькие мохнатые гроздья мимозы.— Знаете, они мне всегда почему-то напоминают маленьких цыплят.

— Есть немного,— согласился Александр Анатольевич.

— Сейчас я вас буду поить чаем с ватрушками,— засуетилась хозяйка.— Свеженькие, только что из духовки.

Они пили чай с душистыми ватрушками и разговаривали.

— Вот ушла на пенсию и скучаю. Все на работу тянет. Никак не привыкну,— пожаловалась Татьяна Васильевна.— Сколько лет вы у нас трудитесь, Сашенька?

— Седьмой год пошел.

— Уже седьмой,— покачала головой Татьяна Васильевна.— Летит время. А помните, каким неумелым вы пришли ко мне в отдел? А теперь вот сами отделом командуете. Уже не Сашенька, а Александр Анатольевич.

— Да,— сказал он.— Если бы не вы, трудно бы мне пришлось. Учили меня, возились, как с ребенком.

— Зато теперь вон какой! — с гордостью посмотрела на него Татьяна Васильевна.— Хотите еще чайку? Горяченького.

Александр Анатольевич взглянул на часы и заторопился.

— Спасибо за угощение. Мне, пожалуй, пора.

— Посидите еще немножко. Скоро муж придет. Очень рад будет.

— С удовольствием бы, но никак не могу,— приложил руку к груди Александр Анатольевич.

Хозяйка попыталась уговорить, но потом сдалась и пошла провожать.

— Вы не представляете, Сашенька,— счастливо улыбаясь, сказала она,— как все-таки приятно получить поздравления, цветы, увидеть своего ученика, да еще в день рождения. Фантастика!

— Ну что вы...— смутился Александр Анатольевич.

— Знаете,— призналась Татьяна Васильевна,— а я уж, грешным делом, подумала, что забыли пенсионерку.

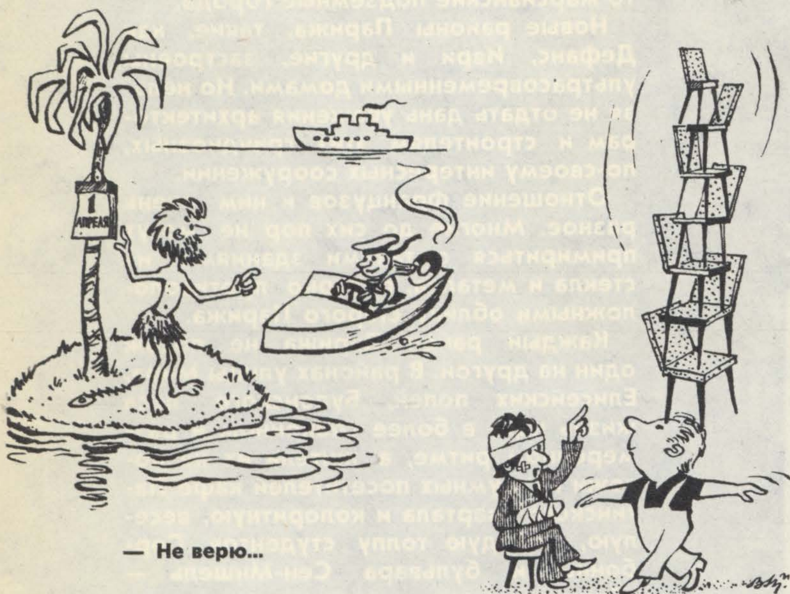
— Татьяна Васильевна!..

— Сашенька, голубчик, ради бога, не обижайтесь,— Она ласково потрепала его по плечу.

— Между прочим,— заметил Александр Анатольевич, надевая пальто,— на работе вас помнят. Меня вот послали. В следующий раз еще кто-нибудь придет. У нас график имеется.

— Вы серьезно? — побледнела Татьяна Васильевна.

— Конечно,— кивнул он,— директор лично контролирует.

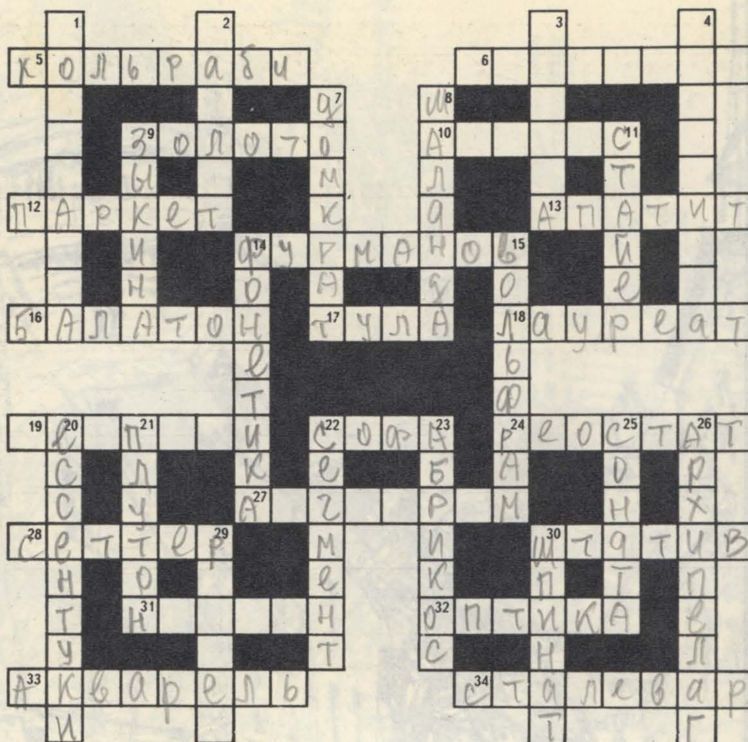

— Не верю...

— Репетируй спокойнее, не как в прошлый раз...

Рисунки В. Тамаева

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Разновидность капусты. 6. Герой древнегреческой мифологии. 9. Металл. 10. Промысловая морская рыба. 12. Пол из специальных планок. 13. Сырье для фосфатных удобрений. 14. Советский писатель. 16. Озеро в Венгрии. 17. Город-герой. 18. Человек, удостоенный особой премии. 19. Французский композитор, пианист, дирижер. 22. Низкий широкий диван. 24. Аппарат для регулирования напряжения в электрической цепи. 27. Шведский физик XIX века. 28. Порода охотничьей собаки. 30. Подставка для приборов, аппаратов. 31. Приток Аракса. 32. Раздел физики. 33. Краски, разводимые водой. 34. Специалист в металлургии.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Пятая ступень музыкального лада. 2. Матросский танец. 3. Стихотворение С. А. Есенина. 4. Картина В. Е. Маковского. 7. Механизм для подъема груза. 8. Небольшое плоскодонное судно. 9. Певица, народная артистка СССР. 11. Бегун на длинные дистанции. 14. Отдел языкознания. 15. Химический элемент. 20. Курорт в Ставропольском крае. 21. Планета. 22. Часть круга. 23. Южное плодовое дерево. 25. Музыкальное произведение. 26. Группа островов. 29. Часть текста. 30. Огородное растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Рококо. 6. Хирург. 8. «Бесприданница». 9. Квадрат. 11. Ялта. 13. Лава. 15. Толстолобик. 19. Тбилиси. 20. Вартанг. 21. Циолковский. 22. Март. 24. Маяк. 25. Минерал. 27. Благодарность. 30. Рапира. 31. «Тронка».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ковпак. 2. Пони. 3. Яхта. 4. Гранат. 5. Рибера. 7. Глагол. 10. Джорджоне. 12. Лактоза. 14. Венгрия. 15. Телец. 16. Лассо. 17. Бланк. 18. Котуй. 23. Тамбур. 24. Мальта. 25. Магний. 26. Леонов. 28. Драп. 29. Ритм.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Испытания в аэродинамической трубе ЦАГИ одного из вариантов модели спускаемого парашюта автоматической станции из серии «Венера». (См. в номере материал «Покоряющие пространство».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Комната, в которой умер Н. В. Гоголь. * «Погодинская изба». * Памятник Н. В. Гоголю работы Н. А. Андреева. * Дом на Суворовском бульваре в Москве, где жил последние годы писатель. (См. в номере материалы к 170-летию со дня рождения Н. В. Гоголя.)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 12.03.79 А 00642. Подписано к печати 27.03.79. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1002. Заказ № 306.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Николай ОСЕНЕВ

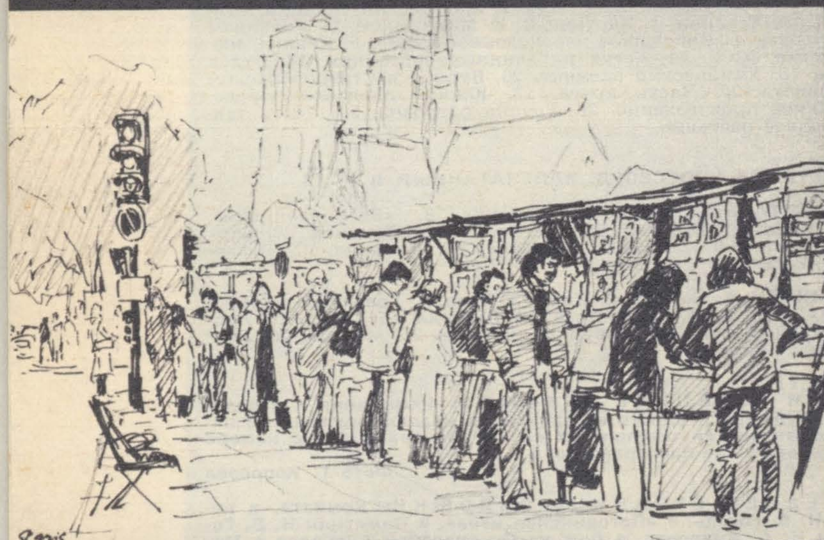
Монмартр.

Заслуженный деятель искусств Николай Иванович Осенев неоднократно бывал во Франции, о чем свидетельствуют публикуемые здесь рисунки художника. Мы попросили Николая Ивановича поделиться своими впечатлениями о его последней поездке.

— Удивляют контрасты старого и нового Парижа. В центре города, рядом с его изумительными архитектурными памятниками, великолепными дворцовыми ансамблями, такими, как Пале-Руаяль, Лувр, совсем недавно воздвигнуто новое здание — Центр Помпиду, которое вызывает споры парижан своей более чем оригинальной архитектурой.

Строители этого грандиозного сооружения все металлические конструкции, лифты, эскалаторы и огромные трубы вентиляции и отопления, окрашенные в очень яркие цвета, вынесли наружу. Здание приняло неожиданный для Парижа, сугубо индустриальный облик, но внутри него огромные выставочные залы, читальни, библиотеки, игротеки для детей — здесь культурный центр современного Парижа.

ФРАНЦУЗ

Париж.
Лавки букинистов.

Невольно сравниваешь старое парижское метро с бесчисленными лестницами и нескончаемыми путаными коридорами переходов и новые скоростные линии метро, скорее похожие на какие-то марсианские подземные города.

Новые районы Парижа, такие, как Дефанс, Иври и другие, застроены ультрасовременными домами. Но нельзя не отдать дань уважения архитекторам и строителям этих грандиозных, по-своему интересных сооружений.

Отношение французов к ним очень разное. Многие до сих пор не могут примириться с такими зданиями из стекла и металла, полярно противоположными облику старого Парижа.

Каждый район Парижа не похож один на другой. В районах улицы Мира, Елисейских полей, Булонского леса жизнь идет в более спокойном и размеренном ритме, а жители их не похожи на шумных посетителей кафе Латинского квартала и колоритную, веселую, молодую толпу студентов Сорбонны и бульвара Сен-Мишель — «Бульмиш», как уменьшительно называют его парижане.

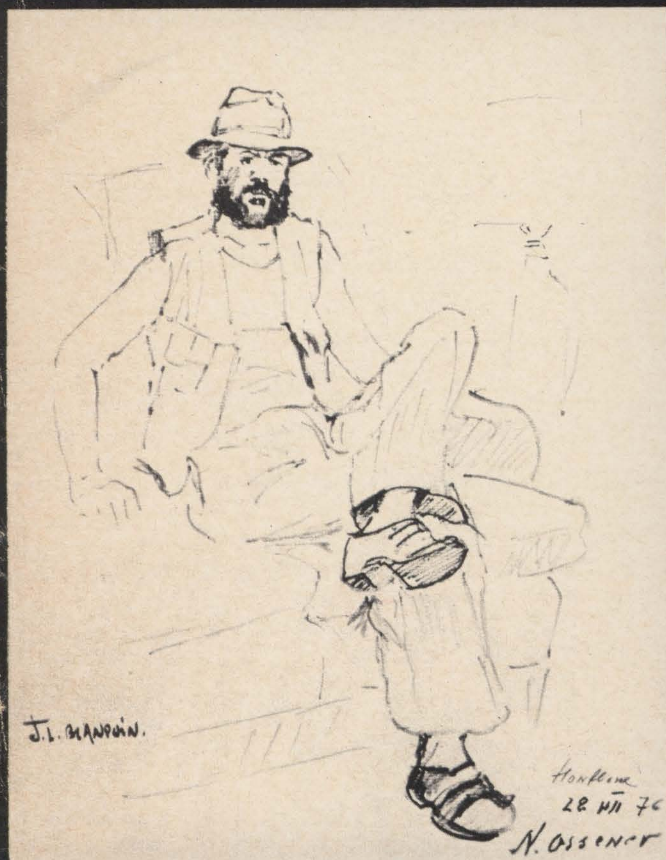
Я много работал в разных районах Парижа и в прекрасных маленьких городках Франции, встречая всюду приветливое, доброжелательное отношение французов.

Город Море.
Старый мост.

Рамбуйе близ Парижа.

СКИЕ ЗАРИСОВКИ

Художник Бланпен.

Набережная Сены.

Париж. Уличный оркестр.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

